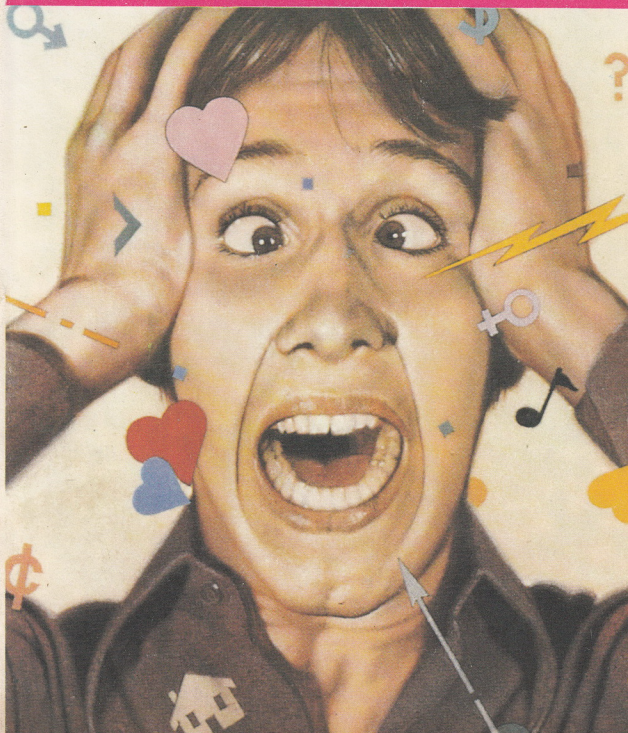
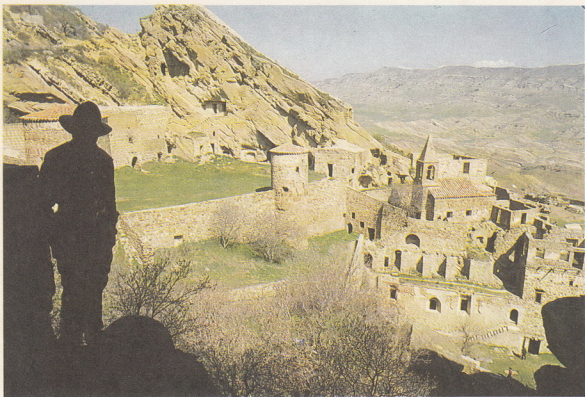

СТМ

Студенческий меридиан

Невероятно!..
Свободная подписка
на периодику!..: И даже
«Студенческий меридиан»
на 1990 год
можно выписать уже сейчас...

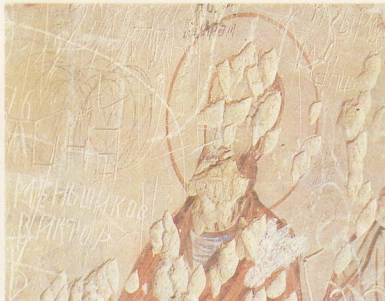

ФОТОРЕПОРТАЖ

Возрождает памятники прошлого

Уникальный комплекс пещерных монастырей сорок долгих лет находился в зоне военного полигона. Сорок лет грохотали орудия и рвались снаряды у стен древней Лавры, в непосредственной близости от монастырей и келий, строившихся на Гареджийской гряде учениками и сподвижниками святого Давида Гареджийского, сирийского монаха, основавшего здесь первую обитель в VI веке. Великими трудами создавались в полумраке пещерных храмов драгоценные фрески, воплотившие высокую духовную энергию народа, рожденную потребностью найти истину и красоту.

Историки культуры и палеографы с огромным вниманием разбирают процарапанные знаки и письмена на древних памятниках, которые несут из

далеких веков тени надежда и сокровенных мыслей предков.

О чем же расскажут будущим исследователям нашей жизни обнаруженные на древних стенах и фресках «граффити» такого содержания: «Для двух храбрых солдат дембель неизбежен... Таких «посланий», густой пеленой покрывающих стены и фрески Давидгареджи, многие тысячи. В судьбе древних памятников эти следы, оставленные солдатами частей, проходивших боевую выучку на гареджийском артополигоне, играют особую роль. Невосполнимый урон, нанесенный уникальным историческим ценностям, стал неотвратимым следствием нравственной тупости и одиночества наших сверстников.

В течение веков истребительные войны огнем и мечом сотни раз прокатывались по многострадальной грузинской земле, оставляя холод и пустоту смерти и разрушения. Не раз сгорали доглы монастырские постройки Давидгареджи, разбредались уцелевшие иноки... В XVII веке шах Аббас, как гласит предание, в одну пасхальную ночь умертвил 6 тысяч монахов... Но каждый раз древняя святыня грузинского народа вставала из пепла, заново отстраивалась храмы и кельи, собиралась монастырская братия, и в прозрачном горном воздухе тихо таяли слова молитв «о мире всего мира»...

Понятие секретности в ар-

мии основополагающее — может превратиться иногда в непроницаемую завесу, способную скрыть любую халатность или нечто худшее. Но артиллерийский полигон в Гаредже не относился к разряду сверхсекретных объектов. На здешних учениях часто бывали военные наблюдатели из других стран. Своим же, гражданским специалистам доступ ограничивали. С огромным трудом к памятникам буквально проридались немногие реставраторы, искусствоведы и художники. Писать о том, что видели, было нельзя. Но все же полностью скрыть происходящее не удавалось — все-таки час езды от Тбилиси. Деталей и масштабов творившегося здесь, конечно, не знали, но и просачивающихся сведений оказалось достаточно, чтобы взволновать общественное мнение.

Начались робкие попытки вмешаться в привычное течение событий и изменить что-то в судьбе древних монастырей. В ответ принимались половинчатые решения, раздавались уклончивые обещания. Полигон же работал на всю мощь. Тогда несколько энтузиастов поселились в старых домах у Лавры. Приехал с семьей молодой архитектор Ираклий Махарадзе. Получилась маленькая — в три домика — деревня, именованная управлением музея-заповедника. Они гоняли пастухов с отарами из храма, вели долгие переговоры с военными

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

СтМ

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию

Издается с мая 1924 года.
1989, № 5, 1—80.

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редакция:
Георгий Волков,
Феликс Волков,
Ирина Голованова,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Александр Жуганов,
Егор Исаев,
Василий Казаринов,
Анатолий Карпов,
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Сергей Суятинон,
Илья Толстой,
Игорь Цыбульский,
Вячеслав Шостаковский

Главный художник
А. Аркутик
Художественный редактор
К. Кухтин
Технический редактор
Г. Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Ново-Дмитровская ул., д. 5а, «Студенческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 21.02.89. Подп. в печ. 03.04.89. А04749. Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 10. Тираж 1 100 000 экз. Заказ 52. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Суцеская ул., д. 21.

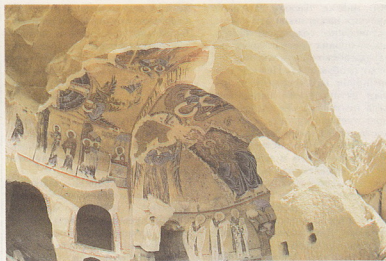
© «Студенческий меридиан», 1989 г.

и выполняли роль своеобразных заложников. Не будут же стрелять по людям... Их задачу облегчало то, что стрельба по историческим памятникам в общем-то была незаконна — артиллеристы имели специальные мишени, правда, не такие удобные и эффектно выглядывшие...

Первыми зашумели студенты. В феврале 1987 года в Тбилиском университете впервые за десять лет состоялся массовый митинг. Ребята пригласили к разговору о гласности и патриотизме руководителей республики. Потребовали убрать полигон и наконец-то всерьез заняться восстановлением и консервацией древних монастырей.

Начались долгие переговоры. Представители студентов встречались с командованием Закавказского военного округа, членами делегации Верховного Совета СССР. Выступали в прессе и по телевидению. О работе полигона узнала вся республика. Стремительно росла поддержка.

Хотя движение за спасение монастырей стало всеобщим, до окончательного решения о переносе полигона было далеко. Компромисс, который предлагали военные, никого не устраивал, тем более что подлинных

гарантий безопасности Давидгареджийскому монастырскому комплексу предложенный вариант не давал. И митинги продолжались.

С февраля по октябрь прошлого года движение за спасение памятников приобрело характер настоящего противостояния, твердого и упорного, которое не

могло закончиться очередным компромиссом. И лишь прямое вмешательство Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и последовавший за ним приезд в республику министра обороны страны поставили точку над «и»: полигон в Давидгарежье перестал существовать.

Сейчас в окрестностях Гареджийского кряжа тихо. Наступает время залечивать раны, нанесенные временем и людьми. Для восстановления гареджийских монастырей, растянувшихся на сто километров, создана хозяйственная реставрационная группа, есть и добровольная студенческая реставрационная организация. Для верующих в Лавре открылась церковь. Кажется, можно успокоиться, но внутренний смысл этих событий по-прежнему рождает тревогу и беспокойство.

Целых сорок лет продолжалось слепое хладнокровное разрушение уникального исторического памятника, имеющего статус национального достояния, целых сорок лет молчалили те, кто по роду службы или во-

лею судьбы сталкивался с этим беспримерным вандализмом. Бессмысленно кивать на абстрактное военное ведомство. Понятие вины всегда конкретно. Но наряду с этим виновато и само молчаливое большинство, без внутреннего согласия которого зло и добро бессильны. Что же происходило в наших сердцах и душах, если солдаты получали один и тот же предметный урок равнодушия к культуре своей Родины, не вызывающий у них протеста и гнева? Какое оправдание для себя и своей совести находили эти ребята, в качестве мишеней использовавшие древние церкви, а в перерывах между стрельбами царапавшие нелепые надписи на бесценных фресках. Это очень трудно понять, с этим невозможно примириться.

Студенты Тбилисского университета, стоящие у истоков движения за спасение отечественных памятников, ничем, наверное, не отличаются от своих храбрых сверстников, с азартом паливших по Гареджийскому кряжу, кроме одного — нравственного неравнодушия и понимания того, что спасение своей культуры соотносимо со спасением собственной души и

достоинства. В этом — главная суть бурных событий вокруг Давидгареджи, событий, которые, как и полагается, закончи-

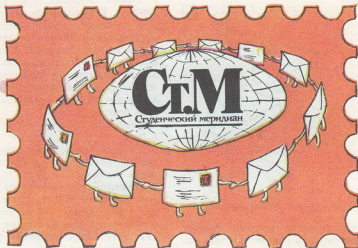
лись тишиной и миром над древней землей.

Нугзар Микеладзе

Дорогие друзья! Напоминаем, что подписка на «Ст. М.» на 1990 год уже идет. Советуем поторопиться. Подписная цена на год — 3 р. 60 к. В розничной продаже журнал практически не бывает. Всех, кто неравнодушен к судьбе журнала, просим прислать свои предложения — назвать темы, адреса, авторов, то есть все то, без чего вы не можете себе представить «Ст. М.» 1990 года. Подписка заканчивается 1 октября с. г. Учтите это.

Графика А. Миркиной

Пресловутые экзамены Права и обязанности

Речь не о вступительных экзаменах, а о тех, которые мы сдаем после каждого семестра. Не могу сказать, что, просидев, как обычно, ночь перед экзаменом, все буду знать. На что нетрудно возразить: учить, мол, нужно в течение всего семестра. Согласна. Но зачем тогда человеку, который трудится весь семестр, выкладываться еще и на экзамене? Для любого, даже превосходно подготовленного студента, экзамен — волнение, неуверенность, да и преподаватель может каждому из нас доказать, что мы ничего не знаем...

Я глубоко уверена, что экзамены не нужны. Они совершенно не стимулируют учебу студентов, а только вносят сумятицу и раздражение, развивают неуверенность и чувство неполноценности.

Ирина, г. Тирасполь

«От сессии до сессии живут студенты весело» — эта прибаутка уже давно изжила себя. Кто может сказать, сколько длится рабочий день студента? Вопрос о перегрузке в нашем, например, институте ставился и обсуждался на собраниях не раз. Но все заканчивалось одним резюме: «Не вы первые — все так учились». Сложилось убеждение, что студент ныне пошел ленивый: ничем не интересуется, мало читает... Неправда, мы хотим учиться, но так, чтобы потом смогли работать с детьми, а наши знания стали бы надежной опорой в воспитании, в общении с ними. Сейчас же мы хватаем только вершки...

Преподаватели приводят в пример загруженность американских студентов. Так нельзя же сравнивать нашу систему образования с той, что утвердилась в Штатах. Из нас готовят почему-то специалистов широ-

кого профиля», а у них — знатоков своего дела, причем с узкой специализацией. Да и условия жизни студентов нельзя сравнивать. Зачем закрывать на это глаза?

Нам не дают забывать о своих обязанностях, а о правах, простите, узнать можно?..

Студенты Горьковского педагогического института иностранных языков

О ценах и деньгах

Пару слов хочу сказать о ценах. Зло берет на наших «ученых отцов», ратующих за их повышение. Создается впечатление, что они не покупают продуктов и товаров. А может, у них денег «куры не клюют»?! Тогда надо сделать так: для всего начальства цены повысить, а для остальных, наоборот, — снизить.

И не надо кричать о спекуляции, коррупции и отсутствии совести у молодых. Откуда ей взяться в таких условиях? Нам надо осознать и временные меры (до следующего повышения цен). Посудите сами: мы — я, жена и маленькая дочь — молодая семья. Жена не работает — в декретном. Как я буду кормить и обеспечивать свою семью, если у меня всего 120—170 рублей в месяц?! Я уж про магазины не говорю... Вот и думайте: не появится ли еще один спекулянт или что-то в этом роде...

Юрий, 22 года,
Пермская обл.

Хочу дружить с вами

Не попало бы мое письмо к какой-нибудь «железной леди»... Хочу, чтобы «Ст. М.» был не просто «своим парнем», а умным старшим другом и заполнил ту образованную пустоту, которая может прерваться в вакуум, если не найдется в нужную минуту кого-то рядом.

А еще важнее и дефицит-

нее — интеллигентность общения.

Дети застоя выросли в подземелье. Единственным спасение, если к их душам прикоснутся крылья другой, безразличной души...

Я живу с твердым убеждением, что хороших людей больше. Счастлива, что такие люди в числе моих друзей.

Хочу дружить и со «Ст. М.», так как чувствую, что от общения с журналом становлюсь лучше и чище. Из почтового ящика беру его с трепетом — не разочароваться бы...

Лена Г., г. Ровно

Пусть победит перестройка

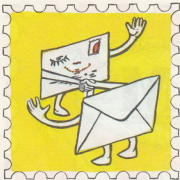
Мне представляется, что мы в своей самой свободной стране — рабы. (Вот до чего додумалась, скажете.) Я делюсь с вами. Не лукавлю. «Проклятые капиталисты» с их безработицей, античеловечностью, считаю, выше нас на целую голову. Почему? Они — свободны. Их разум, воля подчинены только им. И они — люди, а не манекены. А мы? Мы какие-то все одинаковые: одинаково мыслям, одинаково верим, одинаково постигаем... (Экая каша в голове у девочек! — наверняка возмутится.) Но... С детства же нас уверяли, что все, происходящее в нашей стране, — правильно, правильно и еще раз правильно... Как будто правила нами не люди, а боги. А ведь были же среди них те, кто, увы, очень и очень ошибался. А мы верили и вместе с верой потеряли самостоятельность постижения жизни: все за нас было разложено по полочкам, нам же оставалось только принимать все готовеньким.

Пусть победит перестройка. Но возможна ли эта победа? Да, у нас есть передовая, мыслящая, все понимающая прослойка. Но в основном-то мы все обыватели с примитивными потребностями: спать, есть,

одеваться, развлекаться... Конечно, во многом формированию такой психологии способствовали годы застоя. И совсем не просто кого-то заставить что-либо менять в себе...

Надеюсь, меня переубедит реальность.

Ирина П., г. Майкоп

Нужны ли лекции?

На качество лекций, считаю, влияют два обстоятельства: сам предмет (согласитесь, о новой технике слушать интереснее, чем об интегралах) и личность преподавателя (насколько интересно он преподносит материал и подталкивает студента к самостоятельной работе).

Введение принципа свободного посещения сразу «проявит» любимых студентами преподавателей. Видно, не случайно многие из преподавателей и слышать о нем не желают.

Да здравствуют Лекции!

Игорь Макиенко,
Москва

Письмо из редакции

Редакция по сей день получает множество писем, содержащих просьбу связать наших читателей с Джуной Давиташвили. Это невозможно. Сама Джуна не раз писала и говорила, что ни она, ни ее ученики не в силах принять многие тысячи нуждающихся в лечении.

Но разве гуманно оставлять без помощи тех, кто в ней нуждается? Тогда и возникла идея научить методам бесконтактного массажа всех, кому это необходимо.

Джуна раскрыла для читателей свои секреты, изложила приемы, отработанные многими годами труда в виде краткого руководства. Оно опубликовано в нашем журнале (№ 1 за 1989 г.). К сожалению, эта первая попытка грешит поспешностью. Это заметили читатели, это ясно нам и самой Джуне. Вот почему она предложила редакции вернуться к публикации методики, но уже уточненной и дополненной рядом необходимых советов.

Этот материал мы поместим в № 8.

Помимо этого, с Д. Давиташвили достигнута договоренность о подготовке новой серии публикации, основанной на ваших письмах. В них также будут разобраны конкретные ошибки тех, кто не достиг успеха в освоении методики бесконтактного массажа.

Начало — в № 1 за 1990 год.

ДРУЗЬЯ ПО ПЕРЕПИСКЕ

Редакция располагает адресами нескольких сверстников из англоговорящих стран.

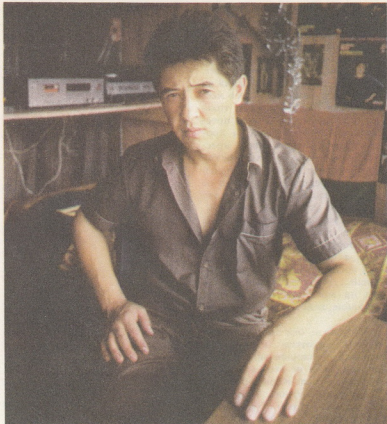
Всех, кто хочет переписываться, просим писать в журнал. Постараемся вам помочь.

ДОСЫЛ В НОМЕР

Привет из Болгарии! Пишет вам Анатолий Петров, студент из города Велико Тырново.

У меня есть много материалов, связанных с творчеством Высоцкого: болгарские и советские книги, пластинки, статьи и т. д. Хочу переписываться с человеком, который тоже любит творчество Владимира Высоцкого.

Мой адрес: НРБ, г. Провадия 9200, ул. Македонска № 4 — Анатолий Петров.

Не так давно наш журнал рассказал про Икрама Сахапова, студента МАИ. Служил в Афганистане, награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». В редакцию до сих пор продолжают приходить письма: как Икрам? Что у него нового? Как учеба? Как вообще жизнь?..

ОДИН ИЗ НАС

Ключ с правом передачи

Летом Икрам женился. Последний год он получал много писем от девушек со всего Союза. Девушки писали: ты — настоящий, я таких не вижу вокруг себя, и хотелось бы с тобой переписываться. Многим он отвечал. Одна девушка пишет до сих пор. Наташа на это смотрит вполне спокойно и с пониманием: никто не виноват, что девушка не встретила достойного человека. Это на словах все достойные, а на деле часто оказываются (не все, конечно, некоторые) недочеловеками.

Недавно узнали: на кладбище воруют вазы с цветами и другие знаки памяти, которые люди

оставляют на мраморных плитах. На тех самых плитах, под которыми лежат люди, не успевшие дожить до двадцати. Цветы, наверное, потом продают. Чтобы опять украсть...

Икраму на язык просится что-то, кажется, не совсем цензурное, но он сдерживается. — Низшая стадия человеческого ума, — говорит он.

И мы молча пьем чай со свежим медом.

Так вот, прошлым летом они поженились. Знакомы давно, еще по Подольску, по госпиталю, где Наташа работала, а Икрам там лечился...

На свадьбу, кстати, Рашид

Абдуллин приезжал — служил вместе. С Рашидом говорили, вспомнили. Не очень много вспоминали — все-таки свадьба.

Так что теперь есть еще одна студенческая семья. Икрам Сахапов на третьем курсе в МАИ, в будущем — инженер-системотехник. Наташа, его жена, на втором курсе в медицинском институте, стало быть, в будущем врач.

Все у них хорошо. Только замок в двери барахлит. Икрам, бросив палку, мучается с ним всякий раз...

Летом восемьдесят пятого года он с разведыводом вошел в район ущелья Панджшер. Участвовал во многих боях. Был тяжело ранен. Военные врачи сомневались: выживет? Он выжил, но потерял обе ноги. Потом были еще несколько операций... Ему предстояло научиться ходить. Наука эта давалась страшно тяжело, и однажды он признался себе, что в Афганистане ему было легче. Заставил себя соблюдать железную дисциплину: зарядка по утрам, гантели, эспандер, тренировки, мучительные «прогулки» на протезах. В МАИ ему сначала посоветовали поступить в другой вуз: у нас вам делать нечего, учиться и так трудно, а в вашем положении... Идти в другой вуз он не захотел, занимался круглые сутки и все-таки поступил.

Такая вот жизнь за плечами Икрама, и всего-то ему — двадцать с небольшим...

— Год прошел... Как жилось этот год?

Нормально. С учебой порядок. Комнату в общежитии получили. Новая машина теперь есть, «Москвич», прежний «Запорожец» совсем развалился. Что еще? Зимой операцию сделали, раны подживают. Вот и все новости. Да, еще в милицию попал. Было такое дело.

В институте хорошо — помогают люди. С машиной — Миша Кихай, комсомольский секретарь факультета и депутат райсовета, очень помог: ходил, доставал, выбивал. Не было б его — ничего бы не было.

Есть человек — есть дело. Нет человека — нет ничего. Вот Юра Левин, друг по госпиталю, — сейчас он до работы на автобусе здрав, а у него ситуация со здоровьем точно такая

же, как у Икрама, абсолютно на та же. Нельзя ему на автобусе. Но что поделать...

В институте такие вещи принимают и чувствуют. А во внешнем мире...

В автосервисе с «Запорожцем» он все на свете проклял. Отфутболивали как хотели: инженер — к технику, техник — к слесарю. Потом вовсе прогнали: ты машину, говорят, в Таджикистане получал, вот и валяй туда починяться, не мозоль тут нам глаза. И вдогонку — традиционное, уже успевшее войти в привычку: — Я тебя туда не посылал...

И продавщица, отгружающая гражданам конфеты (Икрам хотел племяннику в подарок взять), в том же духе разговаривала, только очень громко, завелась и на весь магазин орала: куда прешь, я тебя, так тебя и раздак, туда не посылаю, отвали! Даже люди в очереди окаменели, заикались: окстись, женщина, что ты мелешь, но хозяйке прилавка сам черт не брат...

— Мне страшно... Мне, ей-богу, страшно, когда я это вижу,— Наташа тихо говорит, утомленно и почти бесстрастно.— Генерал-то, Громов, на партконференции хорошо говорил. Мы, говорил, за наших ребят на гражданке стоять будем и забыть не дадим, что это за народ. А что выходит? Страшно мне...

Однажды Икрам исчез. Уехал на ночь глядя и не вернулся. Появился в середине следующего дня и голову повернуть не может, шея болит. Ночь в КПЗ отсидел.

Ехал в темноте, запрещающий знак не заметил и напоролся на милицию. Права отобрала. Говорят: вылезай из тачки, топай, потом придешь с правами разбираться. Куда вылезать? Куда он ночью без машины? Ну пробейте дырку в правах — и дело с концом. Нет. Поехали в отделение разбираться. Один страж порядка ему говорит: ты права кончай тут качать, знаем мы ваших, вечно права качаете, между прочим, это такие, как ты, сукин сын, «а-ка-эмаия» там приторговывали...

На это ему Икрам ничего не сказал. Он палку из руки переключил и ударил. Приложил крепко.

За такое поведение его немного поучили. Двое — за руки держат. Один — сзади за волосы. Четвертый по шее надавал. Можно было бы отбиться ногами, но ног у Икрама нет.

В камере бывала публика на нарах отдыхала, и для него места там не было, спросили только с нар, какое такое преступление он совершил, и продолжали смотреть свои арестантские сны, — большинству эти сны еще пятнадцать ночей глядеть предстояло, и никто не подвинулся. Вот он и простоял всю ночь на своих протезах.

— Тут на «Двенадцатом этаже», в передаче этой по телевизору, один школьник говорит, а что вы, афганцы, меня все воспитываете? Сами-то хорошие... Дурак ты, мальчик. Будь ты на моем месте, а значит, на войне, действовал бы по приказу...

Наташа — она про свое, врачебное: протезы никому не годятся, заживляющие мази дороги, да и не всегда их достанешь, диспансеризация им регулярная нужна, а то было дело, Андрей Бураков — теперь тоже студент и друг семьи — так себе протезом ногу натер, что едва до осложнений не дошло...

Но что эти врачебные заботы по сравнению с другими? С теми, от которых Наташе иногда делается страшно?

А жизнь понемногу складывается. Учеба. Семья. Друзья. Пенсия плюс стипендия у Икрама. Стипендия у Наташи. Жить можно. Другим бывает хуже.

Вот только замок на двери барахлит, ключ заклинивает. Икрам всякий раз с ним подолгу возится, прислонив палку к стене.

— Надо бы сменить,— говорит, совладав с механизмом.— Надо бы... Да все дела какие-то...

И то верно. Отворить бы и иные двери — за тот конфетный прилавок, в автосервисную ту лавочку, да и в массу других дверей отворить, которые у нас пока плотно закрыты. И чтобы ключ от них был с правом передачи. От одного — к другому. От одного — к другому. Чтобы он в конце концов у каждого из нас был при себе.

Василий Викторов

А. Кривенький

НА ПЕРВЫХ СТУПЕНЯХ

Кривенький А. И. На первых ступенях. Участие комсомола в революционном преобразовании высшей школы, подготовке и воспитании молодой советской интеллигенции 1918—1932 гг. — М.: Мол. гвардия, 1988. — 173 (3) с.

Как ни парадоксально, но это первая книга, посвященная исследованию вклада Ленинского комсомола в создание социалистической интеллигенции в СССР, и в этом ее особая ценность.

Сегодня делают определенные шаги для того, чтобы вернуть высшей школе ее старую традицию — студенческое самоуправление. А для этого, несомненно, надо знать в теории и исторической конкретике опыт развития студенческого самоуправления.

Такой опыт, несомненно, даст вам эта книга.

Владислав Голдин,
г. Архангельск

«Паутина стала сединой»

Фото Е. Дарикович

Игорь уже собирался убежать по делам, но я попросила его повременить самую малость. Надо было прочитать письмо Малыша, точнее сказать — поручика Малыша, командира взвода штурмового десанта — так он подписался. «Не хочу, чтобы сотрудники и окружающие знали, что я был там».

— Как же это... Шесть человек? — спросил я.

— А что... — качнул головой Сережа. — Если парень хорошо натаскан был, то вполне мог.

Сережа сам служил десанником, он знает. Теперь его кличут «граф». Его так кличут потому, что если кто-то заинтересуется: ты кто, чем занимаешься? — он отвечает: состою при дворе. «Состояние при дворе» кое-че-

го требует: вставать в полшестого утра. А после службы руки болят и не держат кружку с чаем. Дворов у него несколько — два участка. Начальник требует: давай асфальт! Вот он и колотит ломом лед. Лед — плохо, люди падают и матерят дворника. Одной ругательнице он вчера сказал: «Слушай... катись ты... от греха».

Он грех этот за собой знает.

Наверное, он очень убедительно сказал. Ругательница сразу укатилась.

Отмахав ломом, он идет в свою крохотную комнатку в коммуналке — ломать мозги и постигать трудную науку — психологию.

Андрей подтвердил: Малыш рассказал реальную историю.

Вот что он рассказал: «Весь рядовой личный состав подразделения был одного призыва — из вчерашних школьников, студентов. Домой вернулись всего тридцать один. Сейчас нас осталось двадцать семь. Двое умерли от ран, двое покончили с собой».

Николай возвращался ночью домой, проводив невесту. Увидел, как пятеро парней избивали одного, а шестой держал за горло девушку. Все это происходило не на пустыре, а в жилой квартале. Только его жители не слышали диких криков — они не могли знать, как кричат люди в ожидании смерти. Николай был настоящим «барсом» — это звание мы присвоили ему за честность и отвагу в бою. И он

вступил в схватку с этой мразью. Не прошло и года, как он вернулся из Афганистана. Он не убежал, остался караулить всех шестерых, лежащих на земле. Итог оказался таким: трое были убиты, а трое с тяжелыми повреждениями доставлены в больницу. Через две недели после ареста Николай удавился в камере. Я не зря эту историю рассказываю. По себе знаю, как тяжело нам возвращаться к мирной жизни.

Война — суровая штука. Почему вернулись мы? Израненные в душе, с осколками и пулями в теле, но вернулись? Просто на операциях не жалели боекомплект...

Вообще, чтобы понять нас, почитайте Ремарка.

...Мы собралась, чтобы поговорить, — и не столько о жизни там, сколько о жизни здесь. Игорь Епифанов там был мото-стрелком, а здесь он учится на журфаке. Андрей Ларин, в прошлом артиллерист, — на философском факультете. Сергей Салабаев — на психологическом. Все — в МГУ. Ждали еще ребят с юридического, но они не пришли.

Я сказал, что мне не очень по душе само понятие, которое определяет нынешнюю ситуацию.

— Афганский синдром — это вполне официальный термин, — возразил Сергей.

«Тебе стыдно? Ну так прикрой меня...»

Сейчас говорят и пишут о «недостаточной взвешенности решений». Или просто — ошибка. Дело не в терминах. Все, что говорится и пишется, рикошетом отлетает — в них.

Сергей: Дома было еще ничего. Интересовались, конечно: а ты убивал? А сколько ты убивал? А это не страшно? Приехал в Москву учиться (сам-то я из Куйбышева) — тут и началось. На второй день на рабфаке у меня с одной девочкой, выпускницей, такой, значит, разговор происходит. Ты никогда над тем не задумывался — так она мне говорит, что вот по льготе в университет попал, а кто-то из талантливых ребят из-за тебя по конкурсу не прошел, а теперь ты чужое место занимаешь? Да и вообще, к чему тебе психология, ты что до армии делаешь? А ничего

особенного не делал, на заводе работал. Вот, говорит девочка, и валял бы на свой завод... Впрочем, она еще ничего, вполне деликатная девочка. Потом хуже было. Иду в общежитие по коридору, один паренек меня в сторону отзывает. Слушай, говорит, а у тебя ведь руки в крови. И вообще ты сам — позор нации...

В чем мы виноваты? Ошибка, ошибка... Общественное мнение сейчас в таком духе складывается, что наше пребывание там было бесполезным. Не знаю, не знаю... Но не в этом суть. Когда был там, свято верил: мы долг исполняем. Восторженно верил. Нас так учили, воспитывали. А как учили? Помнишь, Воланд булгаковский говорил: свежесть не может быть «второй». Это он так полагал, а наше воспитание во многом на «второй» свежести строилось. Помню, экзамен по обществоведению в школе завалил, потому что не смог как надо ответить на тему — коммунизм. Как ты себе это представляешь? Коммунизм, отвечаю, — это когда работа — радость, за уши меня от станка не оттащишь, вот какая радость. Очень хорошо, а вот ты, к примеру, в магазин пошел — сколько себе костюмов возьмешь? Я и ляпнул: три. Ай-ай-ай, расстроился экзаменатор, да у вас, молодой человек, мецанские настроения, будем считать, что экзамен вы не сдали. Ну? Это как? В первый день там, на построении, командир спросил: ребята, вы чего сюда приехали? Мы хором: выполнять интернациональный долг, товарищ полковник! Мы не кривили душой, свято в это верили... Во-во, говорит командир, правильно понимаете, — за интернациональным долгом. Мы как шутку восприняли. Нам говорили: ребята, это нужно. И мы понимали. А сейчас, в период гласности, многие полагают так: все, что было «до» перестройки, полагается крыть. Отречемся. Развалим. На обломках создадим новое. Да как же отречемся, как? От тех, кто там остался, — как? Там — наша жизнь, там столько всего...

Я знаешь, почему на психфак пошел? Просто в один прекрасный день почувствовал, что разучился понимать людей. Даже самых близких, родных... Даже мать. Мать, понимаешь? Домой на каникулы едешь — как хоро-

шо, к своим, к родным. Приехал — как на стенку наткнулся. Для матери я как был ребенком, так и остался, а со мной — черт знает что — то нагрублю, то прикрикну...

Когда к нам делегация американцев приезжала, я долго с доктором Робертом Шеа говорил; выходишь, проблемы у нас одни и те же... Роберт рассказывал, как они из Вьетнама в Штаты возвращались, как на крыльях летели: живи! дома! И напоролось — общественное мнение резко отрицательно настроено, все то же: позор нации. Ладно, ничего, перетерпим как-нибудь: тут на худой конец вино, женщины, веселье. Пошли на дискотеку. Совсем грустно стало: не то что танцевать разучились, а вообще, забыли, с какой стороны к девушке подходить, о чем говорить. И начали сильно пить, потом — наркотики, потом — счеты с жизнью сводили, — у них ведь число самоубийств превысило число погибших в ходе боевых действий...

Я тому паренюку, который ко мне в коридоре подошел, сказал, чтоб шел со мной. Куда? В комнату. У меня с собой оружия, говорю, нету, так зайдём сейчас в комнату, вот, мож держи... Коли тебе со мной по одному коридору стыдно ходить, раз уж я такой позор нации, так ты уж, будь другом, пристукни меня — чего там чикаются...

Андрей: Синдром — это в первую очередь проблема воевавшего человека в невоеваншем обществе. Момент, когда в обществе появляется группа людей, чей жизненный опыт резко отличается от опыта основной массы, уже был у нас — после XX съезда и массовой реабилитации жертв сталинских репрессий. Эти люди оказались в условиях социальной дезадаптации. Но то были люди, которые в большинстве своем уже сформировались как личности. А мы теперь получили значительную группу молодежи, которой в чем-то труднее: не было у нее запаса жизненного опыта. Особенно сейчас это сказывается, когда идет такая серьезная переоценка ценностей.

— Ты говоришь о социальном опыте — исключительно как об отрицательном?

Андрей: Ну почему, есть и положительный. Он только в одном: большинство из тех, кто

был там, чувствуют себя достаточно зрелыми в социальном плане людьми.

— А отрицательный?

Андрей: Груз социальной дезадаптации.

Сергей: Американцы, когда очухались, сразу стали создавать центры реабилитации, поставили дело на строго научную основу.

— У нас сейчас тоже налаживаются такие центры...

Андрей: Это не совсем то. Они скорее оздоровительного профиля. А остро необходима как раз служба психологической помощи.

Сергей: Вот-вот. Я в военкомат как-то заходил. Все вроде бы хорошо у нас: льготы и все такое прочее, однако... Чего-то вам не хватает? — спросили меня. Всего хватает. Но душа у нас болит, понимаете? Военкоматовский сотрудник внимательнее так на меня посмотрел: мужики, это ваши трудности...

— И как ты спасаешься?

Сергей: А я граф! Я — рубаха-парень, понял?

Нет, я не понял.

«Две недели — у окна»

Таких писем много. Вот строки одного из них. «Может быть, наши сыновья не виноваты, что стали такими? Нервными, с обостренными чувствами, непримиримыми? Мой сын два года служил там. Пришел инвалидом и с орденом Красной Звезды. Недавно брал билет в железнодорожной кассе — тетя килограммов на сто двадцать весом хотела оттолкнуть его от окошка. Не знаю, как я сдержался, сказал он мне потом. А что, если бы не сдержался? Тюрьма?..»

Сергей: Я две недели сидел у окна — боялся выходить на улицу...

Андрей: Круг общения у меня в первые дни был не очень широк, и в основном относился с пониманием. Хотя все спрашивали: ну как там? Как боевые?.. Приходишь в компанию — представляют: вот Андрейша, он только что оттуда, сейчас нам расскажет. Ну, в общем чувствуешь себя не в своей тарелке. Но был один человек, я ему очень благодарен, — Игорь Лазовский, одноклассник мой, тогда он в институте учился. Он ничего не спрашивал. Зашел, чайку поставили. Тогда как раз роман

«Имитатор» вышел — он про него речь завел, что-то еще рассказывал — такое впечатление, будто не было этих двух с половиной лет, что он только вчера от меня ушел, — мы поставили в нашем разговоре запятую и теперь продолжили. Потом я у многих спрашивал: попадался ли такой человек? Большинству не попадался. Но это как раз оптимальный случай отношений.

Сергей: Повезло тебе. А я пришел и три дня пил. Народу заходило много, мое дело было простое: от стола стакан поднимать. Очухался через три дня, мама говорит: пойдём, что ли, в магазин сходим, хоть на мир поглядим... Дома высокие, море людей, и все кругом свои — Россия! — опасаться никого не надо, и всякого расцеловать готов, хотя и не хватает все время чего-то: автоматного ремня на плече. Мать трешку достала — я ее как диковинку разглядывал, — два года, понимаешь, трешку не видел. Очередь небольшая, человек пять. Бабушка — «божий одуванчик» подходит. Старая совсем, очки на резинке, а стекла в палец толщиной, пуленепробиваемые. А тут дядечка откуда ни возьмись — здоровый, рожа красная, распахивает всех — бабушка в сторону отлетела, деньги ее рассыпались... А я в шоке стою, чувствую, тормоза уже не держат. Что же вы, говорю, дядя, делаете? Вы ветеран войны, у нас ветеранов уважать привыкли, но ведь мать эта, наверное, по две смены у станка стояла, когда была война, нельзя так. А он на меня: отвали, сопляк! И я понял, сейчас буду с ним разговаривать, как там привык: пока дух не испустит... Хорошо, мать вмешалась, схватила в охапку, увела. Потом две недели у окна сидел, боялся из дома выходить и единственное, о чем жалею, — что автомат свой не привез.

Игорь: Так или иначе, с этим сталкивается большинство. У меня тоже было — не так, возможно, остро, но было. Что нам надо? Немного. Человеческого отношения к себе. Но когда тебе на каждом шагу откровенно дают понять: ты здесь никто, пустое место, никто в тебе не нуждается — вот тогда становится в самом деле худо. Серега о стычке в магазине вспомнил — ситуация распространенная. Если видишь беспорядок рядом —

должен вмешаться. Я за гуманизм обеими руками, но...

— Добро должно быть с кулаками?

Игорь: Да.

«Как там было? Замечательно!»

— Что, так и говоришь теперь?

Сергей: Ага. Замучили, ей-богу: расскажи да расскажи...

Андрей: Если у человека есть что на душе, он сам тебе расскажет, не надо лишний раз в душу к нему лезть. Не нужно человека напоказ выставлять, как музейный экспонат, диковинку, гвоздь программы...

Игорь: Это жестоко, в конце концов. Тяжело вспомнить — это же война!

Сергей: Теперь, когда ко мне пристают с расспросами: как там было? — я и в самом деле говорю: замечательно, прекрасно! А что — тепло, хорошо, женщины в паранджах ходят, экзотика... Есть теория ролевых игр. Четко понял теперь: смогу сохранить, только спрятавшись в определенную роль. Какую?

А вот я — граф, состою при дворе, я рубаха-парень, вся жизнь моя — это отчаянное веселье. И теперь у меня стопроцентная «защита». Бывают, правда, и сейчас депрессии: как начнешь вспоминать... Тяжело. Там была война.

Игорь: Был героизм. Была и грязь. Чего больше — сказать трудно... Сами по себе «афганцы» люди очень разные. Это далеко неоднородная среда. Кто попал в сферу действия мафии, рэкетом занимается, дружим «промыслом».

Сергей: Я паренька знаю. Нормальный вроде бы парень, награды у него высокие... Говорит: я только в Москве себя человеком почувствовал. Дома что? Звезда на пиджаке болтается — без толку. А тут я во всех льготных очередях стою. У меня в месяц награду — миллион.

— Это где же такие очереди прибыльные?

Сергей: Да где, в «комках»... Эти очереди я помню. И вот еще что помню: зал заседаний ЦК комсомола. Провожали студенческий отряд — не совсем обычный даже по внешнему впечатлению: одни мужчины, сов-

сем нет «пацанов», вчерашних школьников. Только те, кто воевал там. Ехали в новом качестве — строить, работать на до-мостроительном комбинате. Отряд уже сформировали, а на руках у руководства было еще более шестисот заявлений от студентов-афганцев. Среди тех, кого провозвали, были Андрей и Сергей. Но тогда я их не знал.

И еще помню, как две недели не мог разказать Андрея. Думал, что он ушел в «подполье»: предсессионный замат, зачеты...

А он был в Спитаке. Там было несколько чисто «афганских» отрядов. Вообще, сколько собралось «афганцев» в Армении в первые дни после землетрясения, точно не знает никто, да и не в цифрах дело. Игорь прав: нельзя всех валить в одну кучу. Один стоит в очереди за электроникой, другой двое суток спит на полу в аэропорту, чтобы прорваться в Армению, — человек сам выбирает, где ему быть.

— Вот что нам одна читательница пишет: «Молодые люди, побывавшие в Афганистане, действительно поняли цену жизни, и мне понятен их максимализм: жить не лишь бы как, а по большому счету»... То есть, среда «афганцев» — это совершенно особенная среда.

Сергей: Опять двадцать пять... У нас так с самого начала устроено: особенная среда! В результате нас просто обособили. Вот теперь и приходится бороться за право...

— Какое право?

Сергей: Да право быть обычным человеком. Я хочу быть, как все. А у нас — крайности: либо ты свадебный генерал, либо убийца. Иной раз думаешь: лучше б не был там...

Андрей: Хорошо бы еще посмотреть, из кого эта среда сформировалась, из каких социальных групп. Я тут на кафедре по этому поводу небольшую работу делаю. Это, наверное, тема отдельного разговора, но вот тебе хотя бы по Москве информация к размышлению: в основном Красногвардейский, Перовский районы, рабочие районы востока и севера столицы. Дети работников аппарата? Мало... Это тоже существенный момент.

— В последнее время что-то уж больно часто мы слышим такой аргумент: разбирайся со своими проблемами сам, я тебя

туда не посылал. Даже в том случае, если речь идет о вполне законных льготах.

Андрей: Льготы — это отдельный разговор...

Все так, но вот год назад коллегия Прокуратуры СССР была вынуждена заняться этими проблемами серьезно. Факты приводились вопиющие: равнодушие к судьбам людей, хамство, ханжество, чванство, начальственный снобизм. Пришлось принимать административные меры.

Андрей: У меня к решению об уголовной ответственности за несоблюдение льгот отношение двойственное. С одной стороны, от сердца отлегло: меньше теперь наши ребята будут мучиться. Но с другой — опять у нас приоритет «административных ценностей» над моральными. Что такое льготы? Это способ поддержки государством тех, кому в данный момент особенно трудно. И льготы должны быть гарантированы — в первую очередь инвалидам и семьям погибших. Но если государство здесь вынуждено административным порядком закручивать гайки, значит, что-то не слава богу с нравственным состоянием общества.

Игорь: Я чем больше думаю о ребятах, их судьбах, все больше отхожу от наших чисто «афганских» проблем... И прихожу к тому, что нам всем надо научиться теперь смотреть на человека по-другому. Что это значит? Быть человечней. Пожалуй, так.

Сереза вдруг вспомнил про родных. Полтора года дома не знали, где он. Писал, что служит в группе войск в Германии. Потом дома узнали: он заболел малярией, а какая может быть малярия в аккуратных, цивилизованных средневропейских краях? Это же смешно...

Через некоторое время после возвращения он сказал матери, что, наверное, вернется туда. Прапорщиком, ему в военкомате предлагали. Там ребята, там все свои, говорил он, мне там будет проще и легче. Ты не бойся, говорил, буду по специальности... в части сидеть, в боевых операциях уже не придется участвовать...

Как знаешь, сказала мама, поезжай... Но второй раз я этого уже не вынесу...

Он уехал в Москву поступать на рабфак, где на второй день

одна девочка ему сказала, что он занимает не свое место.

Потом мы слушали кассету с песнями Андрея Горбачева. После возвращения он работает грузчиком. Пишет песни, поет под гитару. Одна особенно запомнилась — неясностью, туманностью образного строя: человек видит паутину. Он существует рядом с ней, притерт, прижат к паутине, и никак не может оторваться. А потом паутина становится седной — вот и все. Про эти песни человеку постороннему трудно сказать: плохие они или хорошие, равно как невозможно их толковать, описывать, передавать содержание. Единственное, что можно сказать, — у них очень жесткая, прямая интонация, такой я не встречал еще на дисках с песнями, написанными афганцами. Он никогда не записывал свои песни специально, но в день отъезда студенческого отряда в Афганистан к нему пришел Андрей Ларин и сказал: давай сделаем, отвезем нашим.

Песни моментально разошлись, их разучили и пели.

А на улице уже темно, кверху на улице: оттепель, тротуар — каток. Люди костерили дворников страшными словами и грозились писать в Моссовет: не платить им ни черта, вот тогда будет порядок.

Если дворникам не платить, Сергею придется худо: стипендия у него нет, а просить дома он не считает возможным.

Пошел себе, со спины казалось: совсем не граф, не рубаха-парень, а так, какой-то поздний, ссутулившийся человек — «защита», что ли, вдруг отказался?

— Ах ты, забыл, — сказал Андрей. — Мужики-то с юрфака знаю почему не пришли. Они сессию досрочно подавали, завтра уезжают утром.

— Каникулы? Отдохнуть?

— Ага, — сказал Андрей. — В Спитак. Или в Кировакан, точно не помню.

Я вспомнил про паутину из песни.

— А-а... Это когда едешь в машине. Пуля пробивает стекло, и вокруг дырочки располагаются маленькие трещины, совсем как паутина, — вот и все.

Василий Казаринов

Нужно — живым

Наверное, я все-таки чего-то недопонимаю.

Многое в этом деле с самого начала казалось странным: долгие телефонные переговоры, уговоры о встречах, объяснения — зачем и почему, а толку — никакого. Один комсомольский работник вообще тактично «послала подальше»: некогда, некогда, без того забот по горло...

А дело вот какое. В № 3 журнала опубликовала маленькую заметку. «Мы хотим рассказать о тех студентах, кто служил в Афганистане и не вернулся.

Суть дела, которое мы надеемся осуществить вместе с комитетами комсомола вузов страны, клубами воинов-интернационалистов, районными и городскими военкоматами, — собрать и опубликовать сведения обо всех студентах-воинах, погибших в Афганистане.

Мы должны знать и помнить тех, кто, выполняя приказ, выполняя долг воина-интернационалиста, пал на полях недавних сражений.

Создание такой вот Летописи памяти может стать важной нравственной акцией современного студенчества.

Мы надеемся, что наше предложение по созданию Летописи памяти, книги скорби, найдет отклик в молодежной среде.

Включайтесь в нашу акцию». Текст маленький, но дело, о котором идет речь, такой важности, что и слова-то с ходу не подберешь — огромной, перво-степенной.

Писем не было. Тишина. Молчание. Молчат комитеты комсомола, парткомы, ректораты, студсоветы.

Позвонили в несколько институтов. В МИИТе сказали: «Да, идея хорошая. Тоже думаем об этом. Списки пока не готовы. Когда перезвонить? Попробуйте через несколько месяцев...» На всевозможные трудности сослались и в других московских институтах. Готовые списки нашлись лишь в МАИ, но получить их мы так и не смогли. Человек, ими ва-

деющий, оказался персоной поистине неудовимой...

Помочь обещала только ветеринарная академия.

Мы хотели поместить о каждом хотя бы краткую информацию: несколько дат, географических названий, фотографию. Заехав через два дня, как мы договаривались, в академию, я понял, что все совсем не так просто, как показалось вначале. Спорные даты, разночтения названий, единственная фотокарточка, наклеенная на экзаменационный лист, с безобразной лиловой печатью, уродующей снимок...

Но и это еще не все. Дело в том, что на запрос военно-учетного стола подтверждение о смерти пришло из военкомата только на одного человека. То есть, как ни козунственно это звучит, выходит, что двое других ребят погибли как бы неофициально — просто ушли из института в армию и обратно не вернулись. Как тут быть?..

Обратиться посоветовали к Александру Карикову, студенту академии, председателю клуба воинов запаса Волгоградского района.

— Погибшие в Афганистане... С этим все непростое. Огромная путаница с бумажными делами. Призвать в армию может военкомат по месту жительства, по месту учебы, временной прописки — общезнание, например. Зачастую это непредсказуемо. Вероятно, именно в этом причина того, что на запросы военно-учетного стола ответ приходит далеко не всегда...

О гибели студента напечатано в газете, есть очевидцы, могла... А военкомат молчит. Ответа нет.

— Просто неуважение. Вечный конфликт между человечностью и бездушностью...

Константин Лапочкин

От редакции. В сведениях, которые мы публикуем, могут быть неточности. Заранее приносим извинения близким погибших и нашим читателям.

Студенты МВА, павшие в Афганистане:

1. Колодзаев Олег Степанович, год рождения — 1966-й, село Безеда Бриганского района Молдавской ССР. Призван в сентябре 1985 г. с 1-го курса ветеринарного факультета. Дата смерти пока точно не выяснена.

2. Чеколаев Сергей Николаевич, год рождения — 1966-й, село Курнио Ковчелкинского района Мордовской АССР. Призван в ноябре 1985 г. с 1-го курса ветеринарного факультета. Умер от ран 8 марта 1987 г. Посмертно награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

3. Кузнецов Василий Александрович, год рождения — 1966-й, село Б. Кашаевка Пягелмского района Пензенской области. Призван в июле 1984 г. с 1-го курса зооинженерного факультета. Погиб 26 мая 1985 г.

МОНОЛОГ
РЕКТОРА

Самостоятельность — рентабельна

Юрий Железнов,
ректор Московского института
стали и сплавов

Один из коренных вопросов нашей работы — разработка механизма отбора талантливых ребят для работы в наиболее сложных и современных производствах. Многие в этом направлении уже сделано. Так, на третьем курсе мы проводим аттестацию всех студентов по трем категориям. Первая — общая эрудиция и успеваемость. Вторая — склонности, которые мы выяв-

ляем на основе нескольких тестовых работ. Способы решения этих задач каждый студент выбирает самостоятельно, и опытным специалистам сразу видно, к чему он тяготеет — развивает ли аналитическую сторону проблемы, или проектную, практическую, или организационно-экономическую. И, наконец, третья категория — экзамен на морально-нравственное ориентирование. Создана перекрестная анкета, которую заполняет вся группа: каждый оценивает каждого с точки зрения его че-

ловеческих и творческих качеств. Затем сводится общая оценка, и мы получаем объективную картину, которая позволяет ответить, скажем, на такие вопросы: добросовестный ли это человек, подведет ли в трудную минуту и т. д.

И вот по сумме всех трех параметров кафедра решает — направляет она того или иного студента на технологическую, проектную или научную работу, то есть появляется ориентация на наиболее благоприятную для конкретного человека форму деятельности. При этом, безусловно, учитывают и пожелание самого студента. Все это очень помогает при распределении по окончании вуза. Мы уже после третьего курса можем предлагать министерствам и отдельным предприятиям именно те кадры, в которых они нуждаются. И дальше, исходя из того, чем придется заниматься в будущем нашему выпускнику, мы и строим его индивидуальные учебные планы. Если он идет на производство, мы его «прокатываем» по традиционному пути; если же в совершенно новую отрасль, то разрабатываем для него особую программу подготовки. В итоге мы получаем несравнимо разный качественный уровень специалиста и, думаю, вправе требовать особой системы оплаты и поощрения за качество. Логично? Ведь есть же обычная обувь и модельная, то и другое необходимо, но за модельную мы, не раздумывая, платим намного дороже.

В последнее время нам значительно больше стал помогать Комитет по народному образованию. Прежде всего тем, что развязал руки ректорам. Раньше меня не покидало ощущение, что я стеножен, весь опутан невидимыми веревками. Любая попытка отклониться от общего курса пресекалась. Существовала масса запретов, ограничений, условийстей. Я, например, не мог больше платить человеку, который хорошо работает. Не имел возможности оплачивать труд студента. Не распорядился собственными вузовскими средствами. Абсурд! Мне вообще кажется, что сегодня у нас один выход — предоставить ректору самостоятельно решать, куда вкладывать имеющиеся средства, но при этом он должен отчитываться перед коллектив-

вом за каждый потраченный рубль. Если я, к примеру, сделал это неумело, нерационально — коллектив мне об этом скажет. Если я, паче чаяния, его на себя потратил, коллектив знает, как со мной в этом случае надо поступить. Но если я трачу деньги целесообразно, от этого всему коллективу видна осязаемая выгода, то при чем здесь, извините, ревизор? Для чего нужны эти бесконечные формальные финансовые проверки?!

Нужен студентам лагерь отдыха? Нужен. Студенческое — с видеотекой — кафе? Необходимо. Нужны сотрудникам института садовые участки? А как же! И теперь мы в коллективе принимаем решение направить на эти нужды необходимые средства. Хотя — признаюсь — мне пока еще в диковинку то доверие, которое нам оказывается, и часто не хватает собственной смелости, — давит еще многолетний страх прежних ограничений.

Причем распространяется он, к сожалению, не только на основе средств, но и на многие другие аспекты работы вузовской администрации. Все еще сильны стереотипы жестких программ, обязательных и необязательных курсов, сетки часов. Вот, например, в последние годы явно наметилась у людей, получающих техническое образование, тяга к гуманитарной и эстетической стороне жизни, к литературе и искусству. Мы очень долгое время не обращали внимания на внутренний мир студента, на его подготовку как личности. И грех этот в равной степени был распространен во всех вузах и в столичных, и в провинциальных. Сократились до минимума студенческая самостоятельность, внеучебные занятия спортом, художественное творчество — то есть все то, в чем студент находил возможность самовыражения. И студент превратился для нас только в учебно-профессиональную единицу.

И для того чтобы изменить это положение, нам, педагогам, прежде всего нужно измениться самим, перестроить свою психологию, свое отношение не только к студентам, но и к дисциплинам, которые преподаем. В последнее время колоссально возросла нужда в мировоззренчес-

ком подходе к науке, и не только в сфере общественных дисциплин, но и в специальных предметах. Преподавая металлургию, мы должны помнить о том, что делаем это для того, чтобы металлургическое производство принесло обществу максимум пользы, а не душило людей своими вредными выбросами. Здесь резервы специальных, инженерных кафедр не меньше, а может быть, и больше, чем кафедр общественных наук. Но, признаюсь, провести сегодня переориентацию мышления этой категории педагогов дело очень непростое. Для этого необходимо изменение общего климата, духовного настроения внутри института, с широким развитием пропаганды новейших достижений в области экологической культуры, искусства, социологии, психологии, культуры демократии. И главный вопрос сейчас в том, насколько нашего ума и опыта хватит, чтобы эти задачи решить.

Проблем очень много, и можно было бы еще долго перечислять все то, над чем необходимо нам работать в самую первую очередь. Но скажу еще об одном: очень важно, на мой взгляд, просто дать студенту почувствовать себя свободным в выборе решений. Студент все еще страдает от зарегулированности, от того, что весь учебный и воспитательный процесс долгое время был направлен на то, чтобы занять как можно больше свободного времени, а не высвободить его для самостоятельной, творческой работы. Сейчас положение меняется, но все еще очень медленно. И все-таки мы надеемся, что некоторое раскрепощение, предоставленное студенту, принесет свои плоды, даст ему возможность наконец-то проявить себя как активной, соиздательной и талантливой личности.

От редакции. К нам нередко приходит письма, в которых студенты сетуют на то, что толком не знают своего ректора. Что ж, теперь у вас есть прекрасная возможность обратиться в рубрику «Монолог ректора» с вопросами к собственному ректору. А мы постараемся получить на них ответы.

Наверное большинство сегодняшних абитуриентов думают так же, как и я два года назад. Но мой полупроходной балл и средний балл аттестата сами все решили — написала заявление на вечернее, где был недобор. И начала студенческую жизнь с намерением непременно перейти на дневное после первого курса, чтобы хлестнуть настоящей романтики студенческой жизни с ее стипендиями, неизбежными «картошками» и пением «Гаудеамуса».

Однако через год мое некогда твердое решение сильно поколебалось.

Пресса, радио, телевидение уже давно говорят о том, что в сегодняшнем вузе обучение мало связано с практикой — мы выпускаем инженеров, которые никогда не были на заводе, чертежников, никогда не видевших в натуре деталь, которую они рисуют на листе ватмана, химиков, знающих только формулы и имеющих расплывчатое понятие о доменной печи. А по-моему, самый простой и надежный способ стать хорошим специалистом в своей области — это совмещать учебу и работу по профилю избранной профессии. Сразу поймешь, нравится ли тебе будущая работа, получаешь ли от нее моральное удовлетворение или следует изменить решение. Практические знания, полученные на производстве, помогают в учебе, а накопленный во время вечерних занятий теоретический багаж способствует успешному освоению специальности.

Юлия Марьяшкина, студентка

Менеджер? — Вот именно!

Ольга Боброва

Капля в море

Незнаю, попалла я на маленький праздник — день рождения. Сидели на «ранчо» у Мухтара. Уже давно наступили быстрые южные сумерки, и было выпито огромное количество чая. Народу не убавлялось: приходили люди, уходили... Спорили о будущем «новорожденного». Этот день в самом деле стал днем рождения — школы подготовки кадров управления: Совет Министров автономной республики подписал постановление. Дорога к этому дню была непростой, с немалыми энергозатратами — это стало у нас печальной традицией, когда дело касается чего-либо нового.

«Да кто они такие, чтобы учить нас? Пусть занимаются своим делом... Он кто, врач? Вот пусть и лечит...»

Такие реплики в адрес Магомеда Эльдарова можно слышать нередко. Эльдаров немного даже привык оправдываться. У него на этот счет — стоит ли учить руководителей или не стоит — свое мнение.

— Нам не хватает среды, на которую можно было бы опереться, мы задыхаемся без интеллектуальной атмосферы, способной породить независимость мысли. Пока преимущественно встречаемся с закомплексованностью, стереотипами, прагматизмом в поведении, мышлении. Вот что мы будем выкорчевывать у наших слушателей в первую очередь. И вся программа школы направлена на создание корпуса руководителей интеллигентных и грамотных. Чтобы они были способны четко ориентироваться не только в профессиональной области, но и в истории целой страны, искать пути ее движения вперед...

В связи с этим вспоминался мне такой факт: по данным социологических исследований, работа руководителей над своим совершенствованием занимает в неделю: в СССР — 1,5 часа, в ФРГ — 8, в Японии — 12 часов...

Нам сейчас крайне не хватает не просто управленцев, а именно менеджеров, людей современных, развитых, коммерчески инициативных... В Китае, например, ежегодно заключаются договоры с европейскими странами и США на подготовку более 20 тысяч менеджеров. Отбирают для учебы людей в первую очередь молодых и талантливых. А что у нас? У нас пока это дело на энтузиазме одиночек стоит. Есть подобные школы в нескольких вузах, на ряде предприятий. Но это капля в море...

Когда речь заходит о новом, не совсем для нас еще привычном деле, всех в первую очередь занимают два простых вопроса: кто? и что?

Сон — 3 часа в сутки

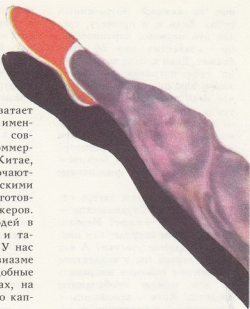
Немного странным для постороннего глаза может показаться в биографии Эльдарова сочетание таких вот моментов: он — врач по образованию, ассистент кафедры пропедевтики медицинского института. Отчего вдруг ударился в проблемы менеджмента? Не нашел себя в медицине? Да нет... Успешно защитил кандидатскую. Потом одно за другим появились четыре изобретения.

С его приходом на кафедру заметно оживилась научная работа студентов, стали проводиться научно-практические конференции молодых ученых, специалистов, которые сразу привлекли внимание десятков медицинских вузов страны. Комсомол республики удостоил его премии за педагогическую деятельность по коммунистическому воспитанию молодежи.

Деньги эти, кстати, пошли на премии лучшим участникам институтской конференции...

Одно время он был председателем республиканской федерации каратэ.

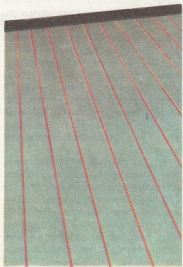
— А каратэ мне зачем? А зачем любому из нас книги, музыка, философия?.. Почему мы стараемся этим «зачем» ограничить и без того узкий

мир наших интересов? Я интеллигентно всем, что меня волнует, на что хватает времени и физических сил. Ведь человек до обидного мало использует резервы своего мозга — где-то от 3 до 10 процентов, а значит, и возможность мыслить, действовать.

Мой скепсис по поводу очередного его не вполне понятного увлечения — у-шу — был сразу опровергнут множеством фактов из китайской истории.

— Этот вид психофизического тренинга представляет собой законченную систему, проверенную многими поколениями. Все здесь глубоко увязано. И, выполняя комплекс в общем-то несложных упражнений, человек не только развивает состо-

вы, мышцы, но и «прорабатывает» кровеносную, нервную системы, внутренние органы. А это влияет, в свою очередь, на выносливость организма.

Мы вычислили продолжительность его рабочего дня — получилось примерно 20 часов. На сон остается всего часа три-четыре.

— И этого хватает?

— Вполне... Иначе не выходит.

Просто уметь работать

Так вот, стало быть, зачем увлечение древней китайской системой — ему хочется научить

своих слушателей работать примерно в таком ритме, в каком работает сам.

В школе менеджеров предусмотрен целый комплекс психофизической подготовки с элементами у-шу. Кстати, со спорта и начинаются занятия. Ведь сразу после трудового дня человек не в состоянии эффективно усваивать информацию. Основными курсами и дисциплинами в школе стали теория и практика управленческой деятельности и общего руководства,

углубленное изучение марксизма-ленинизма и, конечно же, психологии, социологии, информатики, маркетинга. Не обойдены вниманием риторика, музыка, поэзия, этика, эстетика...

Многие недоумевают: зачем обычному управленцу такое изобилие предметов?

— Конечно, «руководителем», каких сейчас, к сожалению, немало, все это ни к чему. Его функции до недавнего времени были просты: главное — план, а все остальное необязательно. Но сейчас, когда речь идет об ускорении социально-экономическом, требуется качественно иной уровень компетентности, политической культуры, правовых знаний, творческой инициативы. Уже не подходят старые стереотипы в условиях полного хозрасчета и демократизации управления. Собственно, всем этим в комплексе и должен владеть менеджер.

Менеджер — это умение оперативно оценить любую хозяйственную ситуацию, просчитать варианты рационального решения на основе самых современных экономических методов. Это виртуозный аналитический подход к определению управленческих, социально-политических, правовых и других проблем. Менеджер — мудрый психолог в сфере деловых и человеческих отношений. Он неизменно корректен, вежлив, остроумен, интересный собеседник на любую тему.

Потребность в таком управленце сейчас огромна. Потому мы и взялись за создание школы...

Конечно, Эльдарову в одиночку поднять это дело было бы не под силу, без единомышленников здесь не обойтись. В конце концов сложился коллектив, который больше года без какого-либо материального вознаграждения, а «ради интереса» разрабатывал целые системы, курсы, по которым потом читались лекции в зональной комсомольской школе, на предприятиях города, в институтах. По просьбам руководителей проводили тестирование, деловые игры, анализ конкретных хозяйственных ситуаций... О будущей школе узнали, заговорили, поторапливали с открытием.

Фото В. Пискарина

Сложно было рассчитать финансовую сторону существования школы — ведь предстояла деятельность на принципах хозрасчета и самоокупаемости. Этим занялся заместитель директора Евгений Семенович Бернштам. Он преподает на кафедре управления в сельскохозяйственном институте, кандидат экономических наук. Им предложена система, в основе которой заложены хозяйственные договоры с предприятиями, организациями и кооперативами, которые направляют на обучение своих сотрудников. Плата за год определена в две тысячи рублей. Местные заводы школой заинтересовались сразу же, направив одновременно по несколько человек. К июню было заключено договоров на 52 тысячи рублей.

Пока у школы нет своего собственного здания. Ее приютит у себя политехнический институт. Предполагается здесь же открыть менеджерский клуб для студентов.

Кстати, работа со студентами предполагается не только в политике, но и в других вузах Махачкалы. Тем более, что такой опыт уже есть в медицинском институте. По предла-

гаемой Эльдаровым менеджерской программе уже занималось несколько групп студентов.

Пришел в свое время к Магомеду Чупановичу третьекурсни Нариман Абдуразаков. Тестирование прошел успешно, стал осваивать шаг за шагом систему и буквально через год из «среднестатистического студента» превратился в инициативного, энергичного человека, возглавил совет СНО, который среди 83 медвузов страны занял в прошлом году третье место. Еще через некоторое время Нариман стал лауреатом премии комсомола Дагестана за организацию работы среди молодежи. В науке он тоже преуспел: опубликовал пять научных статей, стал соавтором изобретения, членом Всесоюзного координационного совета по научному творчеству молодежи. В настоящее время является стажером-исследователем на кафедре пропедевтики 2-го мединститута в Москве.

«У него странная анкета...»

«Да вы поглядите его анкету! Где он только не работал...»

Такие вот отзывы о старшем

преподавателе школы Мухтар Амадзиев. И в разговоре я невольно вспомнила об этом.

— Да что я, на предприятии Пентагона работал? — недоуменно смотрит на меня Мухтар. — Почему из этого делается криминал — я просто изучал разные производственные системы.

Местом сбора инициативной группы стало его «ранчо» — так друзья называют утопающий в зелени дом Мухтара, двери которого всегда открыты.

Мухтар производит впечатление аскета. Тщетно я пыталась найти в комнатах его дома привычную мебель. Только рабочий кабинет с отцовским письменным столом, книжным шкафом может подойти под общепринятые стандарты. Одну комнату он превратил в мини-спортзал. Здесь он занимается у-шу.

Попался мне на глаза раскрытый буклет с комплексом упражнений — сплошные иероглифы.

— Как ты тут разбираешься?

— Да вот, понемножку начинаю осваивать китайский...

Частенько заглядывают к нему мальчишки из его секции, которую он вел на общественных началах целый год. По настоянию Мухтара в школе будет налажена работа с детьми.

Больше года Мухтар работал делником и полностью на идею. Признание? Да, потом оно пришло. Даже на общесоюзном уровне. В марте прошлого года пригласили их рассказать об опыте своей школы в передаче «120 минут». Потом — семинар в Вильнюсе по совершенствованию управленческой деятельности в условиях перестройки.

Ну что ж, пока школа стоит в самом начале пути: первые шаги, первый опыт, первый набор слушателей... Наверное, что-то придется менять, что-то дополнять, но перспектива и необходимость подготовки менеджеров продиктована сейчас самой перестройкой.

...Мы еще долго сидели на «ранчо» у Мухтара, пили чай, говорили о «новорожденном». Что ему пожелать? Как обычно в таких случаях — здоровья и долгих лет жизни.

Вот уже тысячу лет, ровно ты-
сячу лет каждый русский ребен-
ок, прежде чем вступить в лу-
чезарный храм учености, куль-
туры и искусства, заучивая
30 с лишним букв, осваивает
ключи, с помощью которых
только и можно открыть двери
этого храма.

И эти ключи, единственные
в своем роде, выкованные из
чистейшего золота славянских
языков и славянского духа, дан
русскому народу и другим славян-
ским народам, величайший бол-
гарский просветитель Кирилл.

И это он, Кирилл, и его сподви-
жник Мефодий заложили основы
дружбы и братства славянских
народов, вне которых не может
быть прочного мира на Земле.

С.А. Жданов

24 октября 1981,
Ленинград.

чистейшего золота славянских
языков и славянского духа, дан
русскому народу и другим славян-
ским народам величайший
болгарский просветитель Ки-
рилл.

И это он, Кирилл, и его сподви-
жник Мефодий заложили ос-
новы дружбы и братства славянских
народов, вне которых
не может быть прочного мира
на Земле.

24 октября 1981
Ленинград

Следует добавить, что с ны-
нешнего года «За буквите» из-
дается и на русском языке.
Все желающие могут выписывать
это интересное издание по
каталогу Союзпечати. Подпис-
ной индекс — 20035.

К болгарским читателям!

В последние месяцы из НРБ
мы получаем много писем. В
связи с этим просим вас, болгарские
друзья, ответить на сле-
дующие вопросы:

— Что вам нравится в но-
мерах 1989 года?

— Что оставило равнодуш-
ным?

— Что вы можете посовето-
вать для улучшения журнала?

— Хотите ли вы принять
участие в акции «Друзья по
переписке»?

— Хотите ли вы участвовать
в специальном конкурсе «Ст.
М.» для болгарских читателей?

— Будете ли вы выписывать
«Ст. М.» на 1990 год?

Среди авторов лучших писем
из НРБ редакция организует
книжную лотерею.

ОРИЕНТИР

Золото славянских языков

Алексей Васильев

«За буквите». Так называется
одно из приложений нашего
партнерского издания в Бол-
гарии — вестника «Антени».

Когда выходит очередной но-
мер «За буквите» — это всегда
праздник для всех тех, кого ин-
тересует славянский вопрос (в
научном и общественно-истори-
ческом ключе).

Редакция газеты активно
привлекает к сотрудничеству
советских авторов. На страни-
цах одного из прошлых номе-
ров мы обнаружили автограф

Федора Абрамова. Наша печ-
ать, к сожалению, не удостои-
ла Ф. А. Абрамова при жизни
такой чести.

Вот этот текст:
«Для «За буквите»

Вот уже тысячу лет, ровно
тысячу лет каждый русский ре-
бенок, прежде чем вступить в
лучезарный храм учености,
культуры и искусства, заучива-
ет тридцать с лишним букв,
осваивает ключи, с помощью
которых только и можно от-
крыть врата этого храма.

И эти ключи, единственные
в своем роде, выкованные из

СТ.М представляет: Геннадий Лисичкин

Фото С. Павина

Предисловие

Может показаться, что предлагаемый читателю материал касается специфических сельских проблем. Это верно лишь отчасти. Дело в том, что через призму сельской проблематики, с помощью изучения тех противоречивых процессов, которые там развиваются, можно легче понять, что вообще с нами происходит, куда мы идем, в чем может быть выход из того положения, которое уже давно и настоячиво требует революционной перестройки. Почему я так выдвигаю на передний план общественных проблем именно сельскую тематику? *Во-первых*, в сельском хозяйстве экономические процессы расширения воспроизводства, как ни в какой другой отрасли народного хозяйства, органически переплетаются с воспроизводством природным. То есть здесь мы имеем дело с таким пластом исследования, который сама природа вынесла на свет божий и сказала:

— Смотрите, люди, чего вы, ваша хозяйственная деятельность, стоите. Соразмерьте свой пыл, свою неугасимую энергию с толщиной того сука, на котором сами сидите.

В сельском производстве любой промах нашего общего поведения предстает как в увеличительном стекле. И в то время, как чужинная чушка, брошенная на задворках какого-либо предприятия, мирно ржавеет, тихо, скромно погружаясь в землю, чтобы не мозолить глаза подслеповатым контролерам, обычная чушка, особенно опорошившаяся свинья, так вопиет о каждом нашем неудач-

ном хозяйственном достижении, что никакая критика и самокритика не может даже отдаленно сравниться с нею. Поэтому разумное начальство никогда не осмелится добровольно вступить в свинарник (ну, хотя бы на 54 тысячи голов), где сутки или двое не кормленые животные, но весьма способно обслеует долгой стоимостью в несколько десятков миллионов рублей. А ведь явления-то однопорядковые!

Во-вторых, сельское хозяйство играет в нашей современной жизни гораздо большую роль, чем обычно принято считать. Мы привыкли думать, что оно призвано в основном только накормить нас и дать для перерабатывающей промышленности какое-то количество сырья. Неприхотливые, воспитанные в аскетическом и самопожертвованном режиме, мы готовы сносить многое во имя того, чтобы когда-нибудь потом всем нам хорошо было, стало. Сельское хозяйство взяло на себя «донорскую» роль и продолжает выполнять ее поныне. Промышленность присосалась к этому источнику так, что оторваться не может. А не может оторваться еще и потому, что затянущееся «подсосное» состояние сделало ее нежизнеспособной. Тем не менее оказалось, что современное высокопродуктивное сельское хозяйство своими успехами процентов на 60 обеспечивает успехи всего народного хозяйства. Следовательно, наше стремление жить по-людски зависит от того, сможем ли мы свое сельское хозяйство вывести из тупика.

И, наконец, *третье*. Отста-

ло сельское хозяйство обогнало все остальные отрасли народного хозяйства по смелости поиска путей выхода из создавшегося положения. Именно здесь тлели идеи кооперативного движения, именно тут героически отстаивались ленинские кооперативные принципы хозяйствования, которые высокомерно и дружно еще вчера характеризовались «низшей» формой собственности только за то, что самоуправление, самокооперативность и самофинансирование, хотя и в шибко деформированном виде, продолжало здесь как-то теплиться. Эта живучесть говорит о многом. И в первую очередь о правильности избранного генерального пути нашего нынешнего развития. Поэтому не было бы ничего зазорного в том, если бы генеральные директора наших промышленных гигантов, другие руководители экономики поехали бы сейчас на учебу, на социальную выучку к Бедуле, Вагину, Калачеку, Старовойтову, Стародубцеву... Короче, сельское хозяйство стало полигоном, на котором успешно проверяются многие из тех подходов, которые можно смело рекомендовать для применения и в других отраслях народного хозяйства.

Вот об этом я размышляю в своих статьях и книгах, начиная с «Плана и рынка» (1965), «Что человеку надо» (1974). Позднее свои статьи на эту тему я обобщил в «Тернистый путь к изобилию» (1986), «Люди и вещи» (1989). С большим энтузиазмом работал над статьей «Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке?».

Геннадий Лисичкин

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

Сельский дом

Геннадий Лисичкин

В судальском колхозе имени XXVII съезда КПСС, центральная усадьба которого почти сплошь выстроена из двухэтажных домов городского типа и коттеджей, задал я вопрос:

— А сами-то колхозники строят для себя дома?

Ответ был быстрым:

— Нет. Хотя, впрочем, один механизатор с женой поставили собственный дом...

И это в хозяйстве, где насчитывается 850 трудоспособных. Поразительное единодушие сплывает в этом жизненно важном вопросе — не хотят строить своих домов. И это — в передовом колхозе...

В колхозе «Большевик» Миленковского района такое же положение. Но здесь я наблюдал случай, который, как мне кажется, еще больше, еще ярче выявляет настроения, характерные сейчас для Нечерноземья.

Председатель В. М. Ульянов знакомил меня со своим хозяйством, показывая, что делается для благоустройства села. Внимание привлек свежий, красивый просторный кирпичный дом, уютно вписавшийся между холмами и открыто, улыбчиво смотревший много-

численными своими окнами на поименные зеленые дуга, на заставшее серебро Оки. Спрашиваю:

— А здесь что?

— Механик построился, — без энтузиазма ответил председатель.

— Надеюсь, вы его за это «на шит подняли». Ведь человек с такими глубокими корнями самый надежный работник: не сбегит по первому капризу с поля за одну ночь, побросав технику, не подумав о своих обязательствах перед соседями, коллективом...

— Какой там шит! Три года по всяким инстанциям человека таскают...

— Может, что-то прихватило этот механик? — выгораживаю бдительных анонимщиков.

— Не в том ранге, что бы за счет кого-то иметь что-то, — замечает с житейской мудростью Ульянов. — С женой, с мобилизованными на этот случай родственниками вкалывали на стройке...

Значит, думаю, кто-то не хочет не только строиться на селе, но саму эту идею — иметь вот такой добротный дом, крепкое личное подсобное хозяйство — считает порочной, подозрительной, враждебной духу современной деревни. Кто-то, видимо, опасается: уж не заведется ли в таком доме смрадный дух если не кулака, то подкулачника, который отравит коллективистскую атмосферу, сплывающую крестьян и тогда, когда они своим нелегким трудом выращивают урожай, едва-едва возвращающий семена.

Однако прежде всего — насколько правомерно вообще связывать состояние дома, в котором живет крестьянин, с той же урожайностью или продуктивностью скота. Мне кажется, что двух мнений тут быть не может. В человеке все развивается более или менее гармонично. И неряха в быту остается таким же разгильдяем на производстве. Мы говорим о высокой эффективности индустриальных технологий в сельском хозяйстве, имея чаще всего в виду набор элитных семян, химикатов, специализированной техники и т. п., но забываем, что вся эта замечательная технология обречена на посяение, если ее будет осу-

ществлять корявая рука безразличного к делу человека. А как сделать, чтобы этот человек был не безразличен и чтобы его рука была не корявой, а твердой и ласковой? Обычный ответ торопится сорваться с уст:

— Надо по-настоящему материально и морально заинтересовать работника. Заплатить ему по максимуму, да еще награждать медалью или грамотой.

Читатель, оглянься вокруг. Кому заплатить? Вот этому, тому или третьему? Да ему хоть сто рублей в день плати, он никогда ничего путного не сделает, потому что не может и, что страшней, не хочет работать так, как надо. Не хочет оттого, что уровень потребностей вот этого человека крайне низок. От голода у нас никто не пухнет, даже те, кто со своих полей собирает осенью меньше, чем посеял... И вот возникает опасная ситуация. Работая меньше чем вполсилы, можешь запросто иметь какую-нибудь крышу над головой, элементарную еду в достатке, а если ко всему этому добавить еще и бутылку, то никакая там йоговая нирвана, достающаяся бог знает каким издевательствам над собой, не может дать большей расслабленности, большего кайфа, чем все остальное. И представляется, такое чудесное, дремлотовое состояние большинства кто-то начинает вдруг нарушать тем, что строит теплицу в огороде и шумно хрумкает на всю деревню свежими огурцами, тогда как на других огородах буйно цветут сорняки. Еще хуже, просто невмогуту становится, когда сосед затевает строительство добротного дома, внося смуту. А если туда проникнет зараза беспокойства и соревновательности, то никакой бутылкой не восстановить благостного равновесия, получаемого от работы, граничащей с развлекательным общением с товарищами по производству. Ну как тут не взыться за перо, чтобы, пусть анонимно, защититься от беспокойного соседа. Тем более что ученые журналисты, писатели, находящиеся в духовном родстве с работниками указанного типа, торопятся подбодрить своих полудремающих граждан, вдавливая в их сознание, что они-то и есть хо-

рошие люди, а вот их соседи плохие, подозрительные, так как заражены глетворным «ещицизмом», и если еще они, не дай бог, выращивают овощи для рыночной продажи, то уже на языке обвинения в «нетрудовых» доходах.

Читатель может задать резонный вопрос: с чего это автор заикнулся на проблеме дома на селе? Разве не ясно, что богатый колхоз может колхозникам хорошие дома понастроить, значит, и разговор надо вести не о собственном мешанском коттедже с геранью в окошке, а о гербицидах, пестицидах, севооборотах... О делах производственных, короче. Однако верить в возможность колхоза, совхоза дать за свой счет всем нуждающимся жилье может только человек, сохранивший в наш бурный век маниловский взгляд на жизнь. Убыточным хозяйствам о домах для своих работников не приходится думать, ведь они даже не в силах без помощи государства свести концы с концами, чтобы хоть как-то существовать. Кроме того, напомним, что в саму структуру заготовительной цены на сельхозпродукты затраты на строительство домов для сельских жителей никогда не включались и не включаются...

Если человек не может, да и не хочет отремонтировать свой собственный дом, поправить крышу, укрепить фундамент, отремонтировать забор, если он в своем собственном доме не проходит школу, создающую из него хозяина, то откуда возьмется у него чувство хозяина по отношению к общественному добру? И вот он разбрасывает запихи по мастерской, сваливает с самосвала кирпич, добиваясь максимального боя, разгужает в грязь драгоценные доски, порой даже не замечая, как чеховский злоумышленник, что занимается средь бела дня на глазах у всех вредительством. И если вы остановите его в такую минуту упреком, что он поступает не по-хозяйски, не так, как если бы работал на себя, то можете оказаться в ложном положении. Такой работник возьмет вас за руку, отведет к себе домой и продемонстрирует свою полную безрукость, безалаберность, неряшливость, безвкусицу, доказывая — по-простецки, — что

он не вредитель, что он и на себя также работает шалей-валяй. Наши призывы, адресованные такому работнику, относиться к общественному добру как к своему, не доходят до его сознания хотя бы потому, что у него ничего своего-то нет, кроме рубашки, костюма, телевизора, которые, кстати, прямого отношения к производственному воспитанию не имеют. Перед нами оказывается не серьезный работник с глубокими корнями в земле, которую он обрабатывает, а временщик, перекачи-поле, готовый до поры до времени безропотно, кое-как выполнять любую команду переменчивого в своих вкусах на технический прогресс начальства. Вот такой работник при первой возможности и бросает — нет, не свой дом, который так называется тогда, когда он выполняет функцию крепости для своего хозяина, — бросает свой шатер, свою юрту и бежит в город, на очередную великую стройку, обрекая на запустение цветущий край...

Председатель сузальского колхоза имени XXVII съезда КПСС В. П. Пантыкин долго не мог начать разговор со мной о судьбах колхоза, вернувшись разгоряченным с партийного собрания. Что же его так взволновало? Оказывается, на собрании речь шла о сохранности колхозного жилого фонда. Вот в тех самых домах городского типа, в коттеджах, которыми я любовался, многие *квартиранты* (выделено мной. — Г. Л.) за весь срок жизни здесь не только не вбили гвоздя, чтобы исправить, отремонтировать свое же жилье, но они домают и руют даже то, чем сами пользуются. Председателя, правленцев это не может не унегать: строительство каждого дома стоило не только больших денег, но и невероятных усилий, ибо достать стройматериалы сейчас трудней, чем зарабатывать деньги на их покупку.

От своих родителей не отстанут и дети. Виктор Павлович показал на древнюю величественную церковь, разрушенную западными атеистами. Колхоз выделил деньги на реставрацию памятника. Когда работы закончились, местные школьники, заигравшись, развели в храме костер и спалили

всю реставрацию. Не умышленно, не из-за атеистического фанатизма, а просто так. Нечаянно.

Произошедший случай нельзя толковать в том смысле, что сельские дети и их родители так незрелы и отсталы, что не умеют беречь даже свое жилье. Нет, городской житель, как знаем, сплошь и рядом ведет себя точно так же. Если не в своей квартире, то в местах общественного пользования. Почему? Да потому, что и крестьянин, и горожанин к жилью относятся как иждивенцы. Они не знают, как трудно построить дом, как дорого обходится его эксплуатация. Наоборот, государство всячески убеждает его, что крыша над головой — мелочь: красная цена — 13 копеек за метр. А если так, то нечего и дрожать над вещью, которая, оказывается, ничего не стоит. Не отсюда ли начинает формироваться разгильдяй, не умеющий ценить добро, не способный навести порядок ни в квартире, ни в производстве.

Вот теперь и спрашивается, с чего же надо начинать заботу об ускорении темпов роста производства: с самого этого производства или с формирования работника, которому оно доверится. До вчерашнего дня считалось, что — с производства, с увеличения числа тракторов, комбайнов, автомашин... А работник... Что ж, работника можно подготовить на курсах, в техникуме, в институте. Оказалось, однако, что одних курсов и техникумов мало. Надо, чтобы человека воспитывала вся жизнь. И в первую очередь — семья, дом. А вот это важное звено — дом — в нашем случае исчезло из системы воспитания.

Если поставить в приведенных выше рассуждениях точку там, где автор агитирует крестьянина за строительство на селе собственного добротного красивого дома, то его — меня, то бишь — можно с полным правом обвинить в цинизме или, во всяком случае, в барской оторванности от реальной жизни. Построить крестьянину дом на селе, чтобы быть серьезным, потомственным, а потому квалифицированным работником, нормальным способом стало практически невозможно. Объясню почему.

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Считаю, что все беды высшей школы — от ее бесплатности и бесхозности. Посмотрите, чем заняты вузы? Выбыванием средств, оборудования, помещений, борьбой с бюрократией, инструкциями. А студенты? Поиском всех возможных и невозможных заработков. Ведь на одну стипендию даже йогу не протянуть. К тому же многие студенты обзаводятся семьями. Вот и получается, что учеба отодвигается на второй план.

Единственный выход из такого положения я вижу в хозрасчете. Все проблемы решается только тогда, когда за обучение студента будет платить конкретное предприятие, куда он придет после института, а не государство.

Только в условиях хозрасчета можно будет прекратить порочную практику перепроизводства специалистов, которые, не найдя работы по душе, устраивались таксистами, официантами, дворниками... Задолго до окончания института студент будет уверен, что, получив диплом, он займется любимым делом. Предприятие, заплатившее за обучение, будет заинтересовано в том, чтобы создать выпускникам все условия для продуктивной работы.

Развитие высшей школы будет определяться не директивами сверху, а реальным спросом на специалистов того или иного профиля. Хозрасчет способен дать ощутимые результаты в ближайшее время. Надо внедрить его как можно быстрее. *Игорь Макиенко, студент*

Прежде всего по чисто экономическим причинам. Средний заработок в колхозах, например, на Владимирщине колеблется вокруг 200 рублей в месяц. Разумеется, что на такой заработок жить можно, но о строительстве собственного дома говорить не приходится. Собственно, сама нынешняя политика в области оплаты труда, как известно, из того и исходит, чтобы освободить рабочего человека от тяжелых дум и повседневных забот о жилье. Государство взяло на себя обязательство обеспечить всех нуждающихся жилплощадью по тем или иным нормам. За счет каких средств? Естественно, за счет тех, что создаются теми, кто стоит в очередь за квартирами. Государство выплачивает лишь часть того, что заработал тот или иной человек, а остальные деньги идут в общую кассу, чтобы в организованном порядке удовлетворить нужды всех в жилье.

Замысел, конечно, хороший, хотя не может не настораживать вопрос о том, кто и сколько в эту общую кассу передает своих денег и сколько из нее получает в виде предоставленного государством жилья. Посмотрим теперь, как этот замысел реализуется на практике: сейчас примерно половина населения страны пользуется государственным жильем, а другая половина — жильем кооперативным или индивидуальным. При этом те семьи, которые получают государственные квартиры, не только не несут никаких расходов по строительству жилья, но и пользуются щедрой государственной дотацией по его текущему содержанию и ремонту, оплачивая в виде квартирной платы лишь треть расходов на эти цели. Согласно расчетам экономистов семьи, проживающие в индивидуальных домах и кооперативных квартирах, тратят на удовлетворение потребности в жилье в 8—10 раз больше средств, чем проживающие в домах государственного жилищного фонда.

Легко догадаться, что именно сельский житель вынужден нести эти повышенные траты на жилье, именно его отчислены от зарплат в общую кассу отовариваются жильем в последнюю очередь и хуже всего.

Вот поэтому так неказисты многие наши деревни. Выводы в этом, как видим, не жители этих деревень, а, как это часто случается, наша поспешность облагодетельствовать сразу всех, тогда, когда для этого нет условий, средств. Нельзя не видеть, что коммунистический принцип распределения того же жилья по потребностям ни к чему хорошему вести не может, т. к. нельзя жить при социализме, а распределять по коммунистически. В этих условиях и получается так, что знатный механизатор, добывающийся высоких результатов, привесов скота, живет в деревне хуже, чем его соседка, во время перебрывшаяся в город на скромную должность уборщицы и получившая от государства удобную квартиру. Если бы не уравниловка, если бы расходы на жилье закладывались в структуру зарплаты каждого, то перспективы сельского дома были бы гораздо лучше.

Но дело не только в нынешних скромных финансовых возможностях крестьянина, мешающих ему построить свой собственный дом. Деньги на дом крестьянин еще может собрать, особенно в тех районах страны, где в личных подсобных хозяйствах развито садоводство, виноградарство, раннее овощеводство. Но как отovarить их стройматериалами? При «остаточном» принципе распределения фондов в народном хозяйстве многие дефицитные материалы селу отпускаются в последнюю очередь. Хозяйственный механизм до недавнего времени представлял обновлению деревни еще и тем, что сельский заказчик был невыгоден для подрядных государственных строительных организаций, успехи которых измерялись до сих пор показателем «вала». А уж какой там «вал» мог быть накручен на деревенской избе? Еще куда ни шло — построить на селе животноводческую ферму или, лучше, комплекс ценой в несколько миллионов рублей. А «ломаться» из-за нескольких тысяч рублей на строительство дома для крестьянина ни одна уважающая себя государственная организация не желала. Вот и по этой причине жилищное строительство на селе на-

столько отстало от городского, что положение дел в этой области грозит обесценить все крупные и даже целесообразные капитальные вложения непосредственно в сельское производство.

Сегодня нужны новые хозяйственные организации, действующие не на традиционных нормативных принципах, а на началах типа тех, которые проверены в различного рода артелях. Село должно иметь подрядчика, способного приспособиться к специфике и разнообразию потребностей сельских жителей.

Я вспоминал свою недавнюю поездку по венгерским селам. Больше всего меня там поразила строительный бум. Откуда берутся мастера — каменщики, сантехники, электрики, — быстро собирающие сельский дом? — спросил я в одном из колхозов. Мне объяснили, какой выход был здесь найден. На производстве бросили каиц: специалисты, желающие в свободное время подработать, могут создать хозяйственное товарищество, взять из своей организации напрокат механизмы, технику и работать с ней на строительстве того же дома на селе на условиях свободного договора с хозяином. Почему бы и нам не попробовать, в частности, и такую форму организации индивидуального строительства. Представляю, как завертится дело, если бы стало возможным заключать официально договор с человеком, представляющим законную комплексную бригаду специалистов, берущихся возвести дом по вкусу и деньгам хозяина. Кстати, они бы на этих принципах с космической скоростью, в свое нерабочее время изготовили бы и кирпич, и доски на тех мощностях своих предприятий, которые хорошо если используются сейчас наполовину. А ведь вся трудность такого решения состоит лишь в косности нашего мышления, поскольку людей, желающих подработать, предостаточно, да и техники в колхозах, совхозах, на заводах простаивает без дела тьма-тьмушая.

И все-таки, как мне кажется, не только экономические причины тормозят строительство жилья на селе, его модернизацию...

Сельская пенсионерка, врач, учитель, механизатор оказываются сегодня одинаково физически беспомощными перед кучей бытовых забот, окружающих сельского жителя. Крестьянин превратился в постоянного просителя всякого рода услуг, чтобы хоть как-то держаться на поверхности. Согласитесь, для здорового человека такое положение унизительно. И вот крестьянин начинает и по этому параметру сравнивать свою жизнь с городской. Это сравнение тоже оказывается не в пользу деревни. Городской житель, независимо от своих моральных качеств и производственных успехов, в любую минуту может если не на такси, то на почти бесплатном (опять дотация горожанину) городском транспорте и в больницу, и в магазин, и в гости съездить, а сельский житель все пороги всяких сельских контор обобьет, пока выпросит себе место в машине, идущей в соседнее село, в город. И так — во всем. Стоит ли пускать глубокие корни там, где так ненадежно и унизительно положение рядового человека? — задумывается крестьянин. И все чаще приходит к выводу — не стоит!..

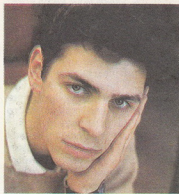
Беспомощным самостоятельно решать свои жизненные проблемы оказывается часто не только индивид, отдельно взятый крестьянин, но и весь трудовой коллектив в целом. Мы сидели в конторе колхоза имени XXVII съезда КПСС, и председатель В. П. Пантыкин, пригласив секретаря парткома хозяйства, пытался, используя, видимо, психологический эффект присутствия корреспондента, «давить» на областное начальство, с которым я приехал в колхоз, выпрашивая для себя право на собственные деньги построить школу для колхозных детей. В нынешних условиях села, оказавшаяся, мало еще иметь средства для решения своих жизненных проблем. Надо уметь убедить городское начальство в целесообразности сельского жителя жить так, как он считает для себя удобным. Разве это не странный порядок?

Как видим, сложился определенный механизм, препятствующий обновлению жилого и социального фонда на селе. И от этого, кстати, страдают не

только сельские жители, но и городские. Если сопоставить количество квадратных метров пустующего сейчас жилья в деревне с числом очередников на получение квартир в городе, получаемого в первую очередь за счет деревни, то станет очевидным вся трудность решения жилищной проблемы в стране без нормализации строительной ситуации на селе.

У кочевников потому и не развивалось земледелие, что они кочевали с одного места на другое. В каком-то смысле мы нашего земледельца превращаем в кочевника. Председатель колхоза, специалисты по упомянутому выше причинам не рискуют связать всю свою жизнь с тем местом, где сейчас работают. Они находятся в постоянной, как говорится, боевой готовности, чтобы немедленно и с минимальным для себя ущербом сменить место. Крестьянин внимательно, настроенно следит исподлобья за развертывающейся ситуацией и тоже не хочет рисковать своими вложениями в развитие своей деревни, опасаясь, что если построить с большим трудом дом, то он может запросто оказаться в «неперспективной» деревне, подлежащей сносу, или как минимум на вымирание из-за какого-то решения о специализации и концентрации общественного производства. Вот в таком выжидательном состоянии, в состоянии внутренней решимости не сегодня завтра податься и начать куда-то двигаться застал я многие виденные мною владимирские деревни и села.

Не обновляющее себя село представляет печальную картину не только в эстетическом смысле, но и в социальном. Когда деревня дружно не строится, то умирают, засыхают межчеловеческие отношения, связи и начинается разрушительный процесс дезинтеграции. Людей становится трудно поднять на то, чтобы вырыть общий колодезь, поправить дорогу, озеленить улицу... Не только сам нынешний быт, но и пооперационный принцип оплаты труда в общественном производстве дезинтегрирует трудовой коллектив. Каждый живет и работает сам по себе. Связь с конечным продуктом ничтожна. Сказали яму се-

Вот и близится к концу семестр. И, готовясь к очередной сессии, вспоминаешь поневоле предыдущие. Хоть и говорят, что «от сессии до сессии живут студенты весело» — призадуматься, про нас ли это. Мы — вечерники, и бытует мнение в студенческой среде: коли не сдал вступительных на дневной — иди на вечерку!

Ох и тяжела же наша «вечерняя» (а порой и ночная) жизнь: в институте поесть нигде: придешь, а буфеты (столовые-то и подавно) давно закончили работу; готовиться некогда, будешь дома к десяти-одиннадцати вечера — хорошо, но заниматься уже не таяет — голова настроена отдохнуть от того, что в нее только что вбивали в течение трех часов подряд, да и на работу поутру. Отпуск по учебе — 10 дней — маленький, приходится на работе договариваться.

Многие работают не по будущей специальности. Так нужно ли оно, вечернее отделение?

И между тем ответ мы получим скорее положительный, чем со знаком «—». До сих пор мы не вспоминали тех, кто вернулся из армии, кто не в состоянии кормить семью на стипендию — да мало ли какие причины могут заставить пойти работать вчерашнего дневника, не желающего прерывать учебы...

Положение вечернего обучения должно быть переосмыслено — только тогда можно ждать от него реальной отдачи.

Артур Бубман,
студент-вечерник

годня выкопать — выкопаю, скажут завтра ее засыпать — засыплю, но деньги за (пусть и напрасную) работу получу. Таков принятый порядок, который не связывает одного работника с другим так, как, скажем, группу альпинистов, идущую на штурм высоты, или любой нормальный трудовой коллектив, живущий не на жалование, а на созданный ими же продукт. В результате и в передовых, и в отстающих хозяйствах оплата труда часто оказывается одинаковой.

Какая же производственная и бытовая философия может сложиться в таких условиях? Очевидно, лишь та, что с такой яркостью описана у Распутина в его повести «Пожар». Поэтому я отсылаю читателя изучить феномен такого дезинтегрированного сознания к этой работе писателя. Свою же задачу публициста я вижу лишь в том, чтобы показать истоки формирования такого сознания и поведения. Очевидно, они кроются не в головах отдельных людей, а в ныне существующих материальных условиях их жизни.

Можно ли эффективно работать в такой атмосфере углубляющегося отчуждения людей друг от друга? Вряд ли. Это подтверждает и статистика, в частности, по Владимирской области. Капитальные вложения здесь, как и в других районах страны, за последние пятилетки были очень крупные, миллиардные. Урожайность же основных культур просто застыла на долгие годы на крайне низком уровне...

Печалит еще и другое. По ряду важных показателей развития сельского производства область глядится сейчас неважно даже в сравнении с 1916 или 1913 годом. Коров в те давние времена было 132 тысячи голов, сейчас их в области около 195 тысяч; поголовье овец уменьшилось на 90 тысяч. А уж насколько нынешняя структура животноводства в области рациональна вообще, пускай судят специалисты. На землях Владимирщины традиционно возделывали уникальный русский лен. Сейчас эта культура с полей области выведена. И поделом: слишком она трудоемка. Создается впечатление, что по «валу» область если и пере-

шагнула уровень 1913 года, то не очень далеко ушла вперед. А уж по размерам прибавочно-го продукта, то есть по валовому доходу, полученному с гектара, по уровню производительности труда, исчисленной не по-нынешнему, а по-марксистски — с учетом экономии не только живого, но и овеществленного труда, картина, как мне кажется, может сложиться еще более печальная.

Я привожу упомянутые цифры не для бухгалтерских расчетов, а с одной только целью — показать громадную значимость для развития сельского производства человеческого фактора, фактора интереса непосредственного производителя в результате хозяйствования, степени его влияния на формирование процесса расширенного воспроизводства. Как видим, на Владимирщине и, к сожалению, не только здесь, состояние дел в этой сложной сфере оставляет желать лучшего. Но так ли уж безвыходно положение, как это может показаться? Читаю в газетах: первый секретарь Барановичского райкома партии в Белоруссии награжден звездой Героя Социалистического Труда за успехи в развитии сельского хозяйства. Проходит короткое время, и вот опять сообщение — такой же высокой награды удостоен и первый секретарь Брестского обкома партии. Немедленно еду туда, чтобы собственными глазами убедиться в том, какие же успехи и как ими достигнуты. Ведь они тоже работают в трудных условиях Нечерноземья...

От редакции. Напоминаем всем читателям журнала, что новая рубрика «Политический семинар», принятая вами, судя по письмам, с большим интересом, ждет предложений с вашей стороны.

Мы надеемся узнать от вас не только имена профессиональных экономистов, историков, философов, с которыми вы хотели бы встретиться на страницах журнала, но и приглашаем к продолжению разговора всех, кого волнуют затрагиваемые нами темы, кто имеет свою позицию, свои суждения на сей счет.

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Почему-то сразу после комсомольских выборов рядовые комсомольцы ожидают бурных перемен от своего нового комитета. Но ведь это выборный орган, созданный не столько для того, чтобы выдумывать занятия своим выборщикам, а скорее для организационного оформления их предложений. И не деятельность комсомольцев зависит от комитета ВЛКСМ, а наоборот.

Не все мы еще поняли, что общественная работа вовсе не пресловутый сбор макулатуры и металлолома, а реальная возможность повлиять на свою судьбу и судьбу окружающих. И при нашей сегодняшней апатичности и инфантильности завтра мы можем превратиться в очередное поколение одинаковых винтиков огромной механической системы.

Предыдущему поколению была свойственна привычка не разбираться в происходящем. То же грозит и нам, ведь уже сейчас, вступая в комсомол, многие — если не большинство — не могут четко ответить, зачем они вступают в организацию, что в ней происходит, чем она занимается...

Мы должны сделать шаг от пассивности, которая подчас была своего рода формой самозащиты, к ярко выраженной общественной позиции. Шаг от всеобщего отрицания к попыткам улучшить нашу действительность. Иначе все вернется на круги своя и мы утратим уникальный шанс, данный нам историей...

Екатерина Травкина, секретарь комитета комсомола школы № 45

О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе

Игорь Акимов,
Виктор Клименко

Ученик на уровне интуиции (продолжение)

Вся эта премудрость наш учитель, конечно же, не знает. Да она ему и ни к чему! У него есть верный инструмент — педагогический шаблон, у него есть наработанный поколениями педагогов навык — применение шаблона; у него есть идеал — ученик, полностью соответствующий педагогическому шаблону.

Вот его действия.

1) Облагораживание зла.

Поскольку розги запрещены и в угол на горюх коленями тоже не поставишь, он создает ситуацию, при которой и он сам, и его предмет, и вся школа в целом становятся для ученика источниками отрицательных эмоций. Занижение оценок, унижение, раздувание недостатков, и игнорирование достоинств, использование ярлыков, выставление на осмеяние — арсенал богатейший! И все это с единственной целью: самоуверждения. Самоутверждения за чужой счет. Любими средствами он должен доказать себе, что он выше. Причем — самое ужасное! — мнимая победа его не устраивает. Вот когда ученик действительно энергетически иссякнет и превратится в жалкое, забитое, вздрагивающее от одного взгляда на него существо, только тогда наш учитель утомонится и потеряет к своей жертве всякий интерес, поскольку она перестанет быть точкой опоры для самоуверждения — источником положительных эмоций.

2) Облагораживание послушания.

Ученик на уровне интуиции хватается за мысль учителя на ле-

ту — и все последующие объяснения ему скучны. С заданием, которое нужно выполнить в классе, он справляется в считанные минуты — и тем обрекает себя на скуку безделья. Любую мысль учителя он поворачивает в неожиданную сторону и протягивает далеко вперед — и тут же хочет знать, прав ли он в своем умозаключении; но учитель его пресекает: «Не отвлекайся от темы урока», — и он опять встречается со скукой. Ему не страшно поскучать — энергопотенциал позволяет, — но природа требует пресечения отрицательных эмоций положительными. Их источники известны: можно ежедневно менять позу; переключать тетради и учебники, рисовать чертиков и мушкетеров, играть в морской бой или шахматы, подсказывать товарищу по задней парте — у каждого свой излюбленный набор.

Если в варианте облагораживания зла действия учителя — мягко говоря — непедагогичны, а значит, и противозаконны (что даже он сам в минуты просветления — прилива энергопотенциала — не может не признать), то облагораживание послушания обещано и школьным уставом, и самой высокой педагогической наукой.

Инструмент облагораживания послушания — гиподинамия. Гиподинамия тела и гиподинамия мысли. Для первого: «Сиди ровно», «Не вертись», «Руки должны быть на парте: они или держат ручку, или не делают ничего», «Что ты увидел в окне? Смотри на доску». Для второго: «Не отвлекайся» (грех не повторить эту фразу, убийственную для любой живой мысли, как удар топором), «Смог сделать раньше других — умей и потерпеть, пока товарищи тебя догонят»; и — шедевр педагогического безмыслия, облагораживания скопом всех собст-

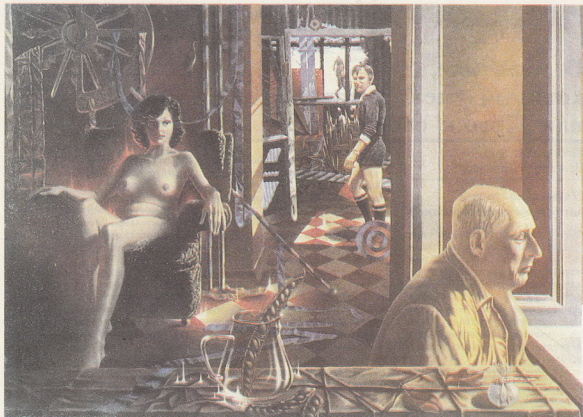
венных мифов и заблуждений — «Учись отдыхать»...

Лишенный движения, ученик утрачивает источник мысли; лишенный предмета мысли, он вынужден искать источники положительных эмоций в себе.

Выручает воображение.

Оно переносит в мир образов, грез, плывущих, эфемерных, перетекающих одна в другую фантазий. Их рождение имеет одну-единственную цель: создать предмет (образ) — независимый от внешних обстоятельств источник положительных эмоций. Последняя оставленная ученику возможность убить гибельную для него скуку!

Воображению не страшно неподвижность. Напротив! — неподвижность (а в идеале — покой) его обязательное условие. Воображению не страшно и отсутствие мысли. Напротив! — любая мысль убивает воображение. Любое изменение в окружающем мире, любая новизна (без которой немислимо творчество) губительны для воображения. Как же ему защититься от внешнего мира? как сохранить себя? Доказав свою необходимость, доказав свою компенсаторную достаточность; и может быть, даже первородство! Оно претендует не больше не меньше, как на знак равенства между собой — и реальной жизнью. Оно претендует на весь былой территориальный императив ученика, убеждая его, что его возможности безграничны (оно с готовностью реализует его судьбу в любой, самой возвышенной, самой биастательной роли), но это всего лишь мнимое владение уже не принадлежащей нашему ученику территорией. Значит — обман. О котором ученик даже не подозревает, потому что уже находится на уровне эмоций (воображение — тропическая оранжерея, дверь в которую находится между дверями в шестиметровую кухню и в совмещенный санузел в крупнопанельных владениях человека на уровне эмоций), — значит, на уровне, когда он уже не чувствует тесноты и острых углов школьно-педагогического регламента, а учитель считает свою педагогическую задачу биастательно выполненной.

3) Облагораживание пассивности.

Критичность ученика на уровне интуиции изумительна. Он окружен задачами; вопросы, требующие немедленного ответа, не дают ему покоя. Он видит вокруг множество форм гармонии — и охотно откликается на них попытками создания собственных образцов. Несовершенство человеческих отношений — ложь, лицемерие, злоба — травмирует его душу, которая требует от него активного вмешательства в устройство мира.

Как квалифицирует эти установки наш учитель?

1) фантазерство, 2) выпендривание, 3) донкихотство.

И предлагает встречную программу.

Он знает, что задач нет, и формулирует это просто: «все давно известно», «любое новое — это хорошо забытое старое».

Гармония для него — только источник положительных эмоций. А поскольку воспринимать их он способен лишь небольшими дозами, то ему дос-

таточно яркости, неожиданности или пряности, но непременно пустых, иначе он сразу почувствует дискомфорт. Значит, его вполне устраивает кич, штамп, эрзац, а когда ему указывают на это, он говорит: «У каждого свой вкус».

Он проповедник, он всегда и во всем стоит за добро, но несовершенство мира воспринимает философически: «Каждого можно понять». Его позицию тоже понять нетрудно: будь у него изрядный энергипотенциал, он мог бы позволить себе активность, а так — вынужден облагораживать зло, иначе как себя убедить, что грязных рук не бывает?..

Но одно дело — молиться этим идолам самому, и совсем иное — внушить эту веру непосредственному, отважному и пылкому ученику. Неужели это возможно?

Зарпосто.

Потому что весь окружающий мир, быт, наука, каждый отдельный человек и связи между людьми — все подтверждает правоту нашего учителя. «Весь мир так устроен, «все так живут», «я хочу тебе добра» —

говорит он ученику и тычет его как кутенка, в дерьмо окружающего мира, быта, науки, людей и их отношений — в дерьмо своего мира, живущего на уровне эмоций.

Сами понимаете, ничего бы из этой затеи не вышло — и наш учитель это знает, — если бы он уповал только на свою мораль. Нет. Вооруженный современной педагогической наукой и собственным опытом, он воздействует сразу на весь эпк, и именно поэтому одерживает победу. Из живого, любознательного, отважного выдумщика и правдолюбца он формирует равнодушного, послушного, трусоватого, хитрого, ленивого, лицемерного и бездушно-функционального. Такого, как все. Удобного. Неотличимого. Пригодного на любое место, потому что единственное, что он теперь умеет, место занимать. Дело делать будут другие.

Ученик на уровне интуиции (продолжение)

Предположим, что ему повезло немножко больше — и он встретил учителя на уровне чувств.

Это — просветитель. Как вы помните, главное, что его отличает, — великолепная психомоторика. Щедрость чувств; способность эти чувства выкристаллизовывать в ясные, четкие мысли; ну и любознательность, и информационная ненасытность, а потому — нескончаемая погоня за впечатлениями.

С энергипотенциалом у него похуже. Вернее — средненько: не так плохо, как у менее удачливого коллеги, живущего на уровне эмоций, но и хвалиться особенно нечем. Хватает лишь на то, чтобы чувство реализовать в мысль. На этом он иссякает. До действия руки уже не доходит, потому что, подгоняемый необходимостью очередной подзарядки, он выскидывает уже следующий гармоничный предмет, чтобы всплунуть вместе с новым чувством.

Его критичность соответствует энергипотенциалу. То есть явно недостаточно, чтобы видеть задачи, зато она себя реабилитирует, находя знаки гармонии буквально во всем. Значит, она вынуждена энергетическими обстоятельствами к несвойственной ей роли. Вместо заглавного героя, ей приходится суетиться на подхвате: «Чего извоите?»

Вы уже поняли, что с учеником на уровне интуиции у этого учителя есть общий знаменатель — психомоторика. Благодаря ей они понимают друг друга с полуслова. И восхищаются друг другом. Впрочем, чувства учителя стесняет дискомфорт: для переполняемого энергией ученика чувства — всего лишь фон, мысли — промежуточный этап; а всем своим существом он рвется к делу, к действию, к реализации того, что возникло между ним и учителем на уровне слов. А учитель этого не может, и потому — не хочет; ведь он и цели такой — воплотить в деле какую-то идею — перед собою не ставит. Вы думаете, он не понимает деятельную потребность ученика? Еще как понимает! Но в нем сидит неосознаваемое (то есть, не материализованное в мысль) чувство: если ученик начнет действовать, реализовывать идеи — он тут же вырвется вперед. А этого учитель не хочет. Не уюм — сердцем, чутьем. Потому что — увидав спи-

ну ученика — он окажется во власти отрицательных чувств, чего он в силу своей природы уметь избегает.

Теперь любой из вас легко сформирует программную установку нашего учителя: остудить ученика; вместо бега вперед, в неизвестное, приучить его к бегу на месте.

«Не спеши, — говорит он. — Тыше едешь — дальше будешь. Зачем уподобляться диетантам, которые выдумывают велосипед, дифференциальное исчисление или перпетуум-мобиле? Вначале заложи фундамент постройки, которую будешь создавать всю жизнь. Сотни поколений оставили нам в наследство замечательную культуру, которую мы должны пропустить через себя, сделать частью себя. Какая изумительно логичная, все увязывающая и все разъясняющая наука! какое прозрачное человековедение в книгах, музыке и живописи! какое дерзновенное соперничество с богом в этих мегаполисах, космодромах и заоблачных платинах!.. Вот когда почувствуешь, что наполнен доверху, что больше некуда лить — вот тогда и получишь моральное право внести свою лепту в здание культуры...»

Практически это торможение воплощается элементарнейшим приемом. Ведь для того, чтобы действовать, нужно иметь свободные руки, а он вкладывает в руки ученика книгу: прочти; это так прекрасно! — и указывает, где прекрасно, и учит это прекрасно различать, и учит получать от него удовольствие. Еще книга не подошла к концу, а уже целая стопка новых высылается перед учеником, обещая новые впечатления — взамен движения вперед. Отучаясь действовать, он отучается тратить энергипотенциал, который, не находя применения, тает, тает, пока однажды ученик не осознает, что достиг состояния комфорта. Он уже не рвется что-то искать или переделывать. Ему и так хорошо. Его любимые книги, музыка, друзья, живописные пейзажи — все это с ним всегда, все это делает его жизнь наполненной, яркой и содержательной.

Наш учитель может быть удовлетворен: он добился цели,

создал из ученика подобие себе — довольного жизнью потребителя.

Ученик на уровне интуиции (окончание)

Счастливая судьба! — он встретился с учителем на уровне интуиции. С творцом.

У них одинаковый эпк. Не равный, не соизмеримый — у кого-то побольше одного, у кого-то — другого. В чем различие? Только в опыте. В опыте решения задач. В споровке. Тут преимущество учителя несомненно, и только поэтому их сотрудничество (не учеба! — именно сотрудничество, с первого и до последнего дня их совместной работы) начинается на территории учителя.

Свою задачу он видит в одном: научить ученика узнавать и решать задачи. Он владеет методом, алгоритмом решения задач и показывает, как этот метод работает. Значит, знания, умения и навыки утрачивают самоценность, перестают быть целью работы; возвращаются их первоначальный смысл средств достижения цели, инструментов, с помощью которых реализуется замысел.

Это позволяет нам сформулировать еще один маленький закон о критерии истинности предмета: *если предмет выполняет свои истинные функции, он обретает свойство саморазвиваться.*

Правильно сделанный резец самозатачивается. Знания, умения и навыки, которыми пичкали вас в школе, прошли сквозь вас, как через проходное парадное. Знания, умения и навыки, обретенные как средства решения задачи, становятся памятью тела — инструментом психомоторики — на всю жизнь.

Итак, работа этого учителя заключается в том, что он 1) приучает ученика верить самому себе (своей критичности), 2) приучает его верить собственным действиям (своей психомоторике), 3) приучает его слушаться мудрости тела (расходу энергипотенциала, не переходя границу дозволенного).

Эти учитель и ученик почти не пользуются словами — истинная работа не терпит условия. Это своеобразный тандем. Вначале в нем лидирует учитель; затем, когда их умение

выравнивается, они лидируют попеременно; наконец, ученик окончательно выходит вперед, и нет для этого учителя большего счастья, чем снова и снова встречая на своем пути свидетельства талантливой работы его ученика.

Выводы.

Первый учитель, используя педагогический шаблон, считает свою задачу исполненной, если сводит территориальный императив ученика к размерам жизненного пространства. Если это ему не удастся, он избавляется от ученика — добивается, чтобы его перевели в другую школу.

Второй учитель, облагораживая конформизм, тоже сводит территориальный императив этого ученика к рамкам жизненного пространства; но при этом оставляет его в приятном заблуждении, что он может все на территории, которую способен охватить чувством.

Третий учитель выпускает ученика на свою территорию, и они работают вместе, пока территориальный императив ученика не выйдет за пределы освоенных учителем границ.

Ученик на уровне чувств

Как вы знаете, главное отличительное свойство этого ученика — великодушная психомоторика. Энергопотенциалом он похвалиться не может; его достаточно для жизни с удовольствием, но слишком мало, чтобы посягнуть на задачи. Его критичности хватает, чтобы с первого взгляда угадывать гармонию, но от дисгармонии он мгновенно отгораживается (поскольку контакт с нею — по сути, творческая работа, — требует больших энергетических затрат, которые ему просто не по карману). Обусловленная критичностью двойственность и делает его конформистом.

Это во всех отношениях приятный человек. Он очень много читает — причем хорошей литературы — и все помнит. Он с удовольствием слушает мелодичную (традиционную) классическую музыку. Он пишет стихи. Рисует. Танцует. Легко овладевает музыкальными инструментами. Он охотно занимается с землей и растения-

ми на садовом участке. Он спортивен, поэтому принимает участие в спортивных играх, но профессиональный спорт его не привлекает: легко освоив первоначальные или даже кандидатский норматив, он обычно этим и ограничивается: его самокритичность слишком слаба, чтобы мышечную работу на этом и более высоком уровне уметь превращать в удовольствие.

Его приятность для окружающих объясняется его ярко выраженным коллективистским чувством. Он не может быть один. Едва получив удовольствие от источника гармонии, он должен немедленно поделиться сформировавшейся в нем мыслью со слушателями (а в них эта мысль становится либо источником интеллектуального чувства — если они находятся на одном с ним энергетическом уровне, либо источником положительных эмоций — если они находятся на порядок ниже).

Вот и прояснился его роль в группе: он — источник информации и идей. Значит — идеолог. Но собственных идей у него нет, все — заимские; он их просто тиражирует. И эта несамостоятельность становится самым уязвимым аспектом его позиции. Пока он выражает себя в монологе — у него все в порядке; но едва начинается *общение* (диалог) — он теряет устойчивость. Ведь собственных мыслей у него нет, он может опереться только на память, а она — даже самая обширная и оперативная — не в силах устоять за многообразиями житейских ситуаций. Как же вывернуться нашему герою, чтобы не потерять лицо? Очень просто: он хитрит. Так что запомните: *хитрость — это компенсация несамостоятельности мышления.*

Он обманщик поневоле.

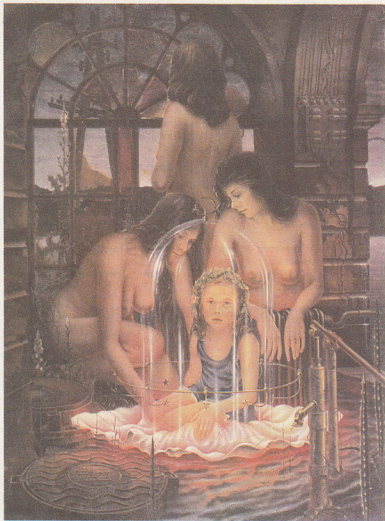
Ум выделяет его из группы. Была б у него критичность по-лучше, он бы, пожалуй, сумел бы удержаться в тени. При этом — сохраняя роль идеолога — он стал бы и теньвым (значит, истинным) лидером группы. Но ложное чувство собственного превосходства выносит его вперед. Его мизансцена соотвечает его энергопотенциалу — она коротка. Выговорившись, он теряет опору, и когда начинается диалог, он

оказывается перед необходимостью создавать эту опору собственными руками (простите — языком). И он начинает блефовать. Будь у него побольше энергии, он, как умный человек, легко бы сообразил, что не рискует ничем — и это бы придало ему и сил, и уверенности и позволило бы ему претендовать на роль лидера. Но сил нет, он боится разоблачения — и это губит его. Группа ощущает в нем непоаноченность

(а может быть, и осознает, что это страх, если в группе найдется еще один умный человек, который в борьбе за лидерство назовет его ахиллесову пяту ее собственным именем), — и пренебрегает им. Каких на час, он вдруг оказывается шутом и козлом отпущения, селя на людскую неблагодарность, которая выдвигает в лидеры не лучших, а сильных. Впрочем, это не портит ему настроения, поскольку в нем уже вызревает новая идея, которая опять — пусть на миг — вынесет его наверх.

И все же главная тональность жизни его души — минорная. Потому что полноценного удовлетворения ему не дано испытать. Как бы хорошо ему ни было, он всегда считает, что достоин лучшего. Ведь своими чувствами он способен охватить любую территорию, и это подталкивает в нем постоянное ощущение, что он талантлив, и стоит ему только захотеть — и он докажет всем. Увы, мы-то с вами знаем, что эти владения — мнимые, что его территориальный императив ограничен его жизненным пространством. Повторяем: будь у него в порядке критичность, в ее зеркале он бы увидел реальную картину и понял бы, что для достижения заветных желаний путь у него единственный — наращивать энергопотенциал и развивать критичность.

Но он ищет работы с удовольствием, поэтому предпочитает плыть по течению: он эксплуатирует психомоторику, которая у него и без того великодушна. Иначе говоря, без усталости накапливает все новые и новые известные знания — становится эрудитом. Раздувается, раздувается — и думает, что тем повышает свою пьедестальную силу. Но — как было сказано несколькими страницами рань-

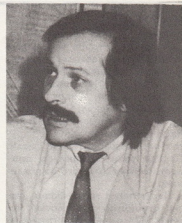
ше — знания, полученные даром, не самостоятельно (в процессе решения задачи), подъемной силы не имеют. Он уверен, что неустанно бежит вперед, на деле же демонстрирует техничный бег на месте.

Не кажется ли вам, что и здесь напрашивается маленький закон о критерии прогресса? Если движение вперед происходит по циклоиде (значит, формула движения неизменна), прогресса нет. Прогресс — это движение по непрерывно изменяющейся формуле.

Вот почему хорошего ученика и хорошего студента не покидает ощущение неудовлетворенности: они не видят смысла в знаниях, которыми их пичкают. Накопление как цель исключает прогресс. Значит, может выручить только задача. Нет двух одинаковых задач (задача — всегда неизвестное; ког-

да ее решили, она превращается в знание). Следовательно, каждая задача требует индивидуального подхода. Вот этот обязательный индивидуальный подход и нарушает монотонность, и создает интерес, и тянет на себя все необходимые знания (которые при этом — как вы помните — усваиваются без сопротивления), и изменяет формулу движения. Это происходит не потому, что «так надо», а потому, что иначе ничего не получается. И целью становится не безликий умозрительный прогресс, а конкретный результат (решенная задача), который, уводящая пространство души, наполняет жизнь реальным смыслом.

Продолжение следует

Одушевленные натюрморты

Странная профессия — архитектор... Строитель или живописец, график или инженер — что перетянет, кто победит? Исход борьбы всегда неясен, а часто и маловажен, если побеждает искусство.

Константин Худяков закончил Московский архитектурный институт в 1970 году. Перипетии послеинститутской судьбы вели молодого архитектора не прямой, но верной дорогой к живописи. Участие в молодежных выставках на Кузнецком мосту и Малой Грузинской завершилось постоянной экспозицией в кооперативной галерее с романтически-грозным названием «Марс».

Живописная система Худякова принципиально сложна. В ее основе — искренняя попытка вывить незримые жизненные структуры, прячущиеся за обманчивой реальностью вещного мира. Мир, разобченный и разъятый на несоединимые части, волею художника насильственно объединяется на полотне в тесном пространстве интерьера.

Перед нами мир безнадежно недостроенной, но еще заселенной людьми Вавилонской башни. Он бесчеловечен и таинственен, вызывающе беспокоен и притягателен. Смотреться в зеркало — всегда интересно!

Андрей Лобашинский

Александр Балин

Помню бурное писательское собрание в начале нынешней перестройки, которое неумолимо стремилось к навешиванию ярлыков. Мне удалось вклиниться со словами: «Мы живем среди ложных маяков, в царстве сбитых оценок и шкал! Россия в беде, а писатели заняты выяснением отношений друг с другом!» Договорить не дали. Передо мной открылась пропасть непреодолимого отчуждения...

Вдруг перед микрофоном вырос стройный седоволосый человек. От имени фронтовиков, сидящих в зале, он просил у меня, нового члена Союза писателей, прощения за то, что произошло. Это был поэт Александр Иванович Балин, бывший воздушный десантник. Вскоре я познакомился с ним. Хочу поделиться с читателем короткими его ответами на мои вопросы. Они задела меня. Открыли величие и трагедию фронтового поэта.

— На войне мы не жертвовали собой. Мы жили. Это была наша работа. Повторю, я не жертвовал собой. Я защищал Родину. Может быть, это парадоксально, но пролитая нами кровь делала нас донорами... Я пишу только то, что произошло. Абстрактные стихи писать не могу. Недаром Есенин сказал: чем больше, тем звонче.

— Странно, что вас нет в списке награжденных поэтов.

— Давно был бы облауреачен, если бы оды стал писать. Но как говорило русское офицерство: «Наградой не унижен!»...

Между прочим, в том нашем разговоре с какой-то небрежной веселостью Балин иронизировал: «Вот схоронят меня по самой низкой третьей категории. Везде на тебя есть инвентарный номерок».

Так и случилось. Осенью 1988 года Александр Иванович Балин ушел из жизни непонятно.

* * *

Вот падают росы, звеня
О тихую землю.
Всей памятью прошлого дня
Грядущему внимаю.

Мы жили вчера целый день
Для завтрашней встречи...
Закатной зарею одень
Рассветные плечи.

Ты видишь? Томится в зерне
Молочная спелость,
Совсем как в тебе и во мне
Смешная несмелость.

В ней — лонкая песня дождей
Лилась — не излилась,
Чтоб в душах вечерних людей
Любовь поселилась.

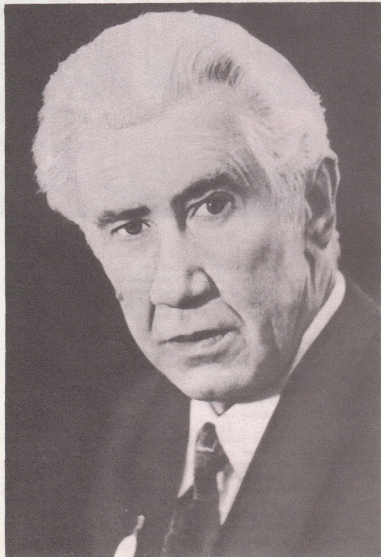
Взводный

(Отрывок)

«Красивые во всем
красивом...»

Березы. Пруд. Сарай. Омет.

Товарищ лейтенант
Васильев

Прилежно лег за пулемет
В своей училищной шинели
Из комсоставского сунка,
И гильзы весело звенели,
Как скалики из-под вина.

(Прошу прощенья за сравненья,
Но только взводный дело знал:
Он со смертельного раненья
Войну под Брестом начинал.)

Со взводным крупно повезло
нам,
Хотя в смурную пору ту
Несло тройным одеколоном
От лейтенанта за версту.

В нас от причуды парфюмерной
Душа вставала кверху глотом
(От нас разлило духом
скверным —
Портянками и «вергуном»).

И поначалу мы ворчали,
Что, мол, училищный пижон,
Не разглядев чужой печали,
Нас всех погонит на рожон.

Хамили, правда, понемножку:
Не пели в лад на строевой
И вяло чистили картошку
На тощей кухне полковой.

Он брови хмурил золотые,
Но по-пластунски позал
так,
Как будто со времен Батюга
Был в этой области мастак.

От восхищения тупея,
Мы наблюдали в холодке,
Как взводный прямо в
портупее

«Давал дрозда» на турнике.
Когда ж с харчами было туго
(Что по-татарски значит —
«ёк»),
Честнейшим образом
«по кругу»
Шел лейтенантский
допнаек.

Потом Сураж, Моздок,
Суваики,
А вот Берлин —
не суждено...

Потом из лыковой севалки
Свое мы бросали зерно.

И злаки ласковые встали
Вдоль речек, чистых как
слеза...

В незабываемые дали
Промчалась майская гроза...

* * *

Капитану Дубову

(Отрывок)
С флангов —
Жесткой, рычащей
подковою
В сотни тысяч безжалостных
тонн...

Лег на душу мою
лепестковую
Дотов серый железобетон.

Душно потная конница
цокала
Сквозь мальчишечье сердце
мое...

Самого Рокоссовского
соколы
С лету падали грудью в
жизнь.

Дорожа малопулююю
тульскойю

(Все ж винтовка,
хоть ростом мала),
Останавливать танки
нерусские

Тяжело на задворках села.

А винить-то кого?
Вроде некого —
Наши души обида не жгла...
У бревенчатых стен
Дубосекова
Сталь чужая в огне попламя.

Поллитровка горючки
прицельная,

Тол под траки...
Живем — ни шиша!
Грех твердить: ах, какая,
мол, цельная
У солдатухек чудо-душа!

В годы солнца, во дни
непогодины,

В птичьем щелете,
В ливнях свинца —
Разъединственность
праведной Родины
В наших общих руках —
до конца!

...Было — думалось:
Мы — победители,
В двадцать лет — наливайте
вина!

И от счастья ни черта не
видели,
Какова ей, победе, цена.

Вышла паром
восторженность мальчика.
Чтоб познать через
годы-года:

Жизнь —
Она и маманя и мачеха,

Жизнь добра не ко всем,
не всегда.

Тот, кто жил бесшабашной
инерцией,
Ждал от жизни сплошные
дары, —
Ударяя беспардонно по
сердцу ей,
Но терпела она — до поры.

А потом перестала...
От старости
Нам суставов еще не свело.
Тяжело от бездумной
усталости,
От напрасных надежд
тяжело.

А надежда,
она не сбывается,
Коль за глотку ее,
как врага...
Неужели душа надрывается
Лишь за сладкий кусок
пирога?

Нет, наверно...
Остатними верстами
Нужно сильно душе
дорожить...
Не задача — счастливыми
веснами
До счастливой кончины
дожить.

Не задача...
Тогда, по-над Ламую,
В ста коротких верстах от
Москвы,

Мы порою,
счастливую самою,
Не жалея своей головы.

Вера... мужество... долг...
А не проще ли?
Нам увиделось в стылом
логу,

Что Отчизна —
Не метры жилплощади,
Но — товарищей кровью
на снегу.

* * *

Временами — ласки охота,
Человеческой ласки
простой...

Нас когда-то пускали,
пехоту,
Бабы русские на постой.
После долгого перехода,
Оточавших,
от пота — парных...

Подавали нам теплую воду
И чугуны картох разварных.

Называли тихонько сынками
И взбивали солому горой.

Наши спящие щеки руками
Находили в потемках порою.

Может статься, они признавали
Взлет знакомый мальчишских бровей,
Потому что у баб убивали
На великой войне сыновей.

И сидели они до рассвета
Возле наших распланных тел,
Потому что единственный где-то
Огонек их надежды блестел.

А потом над горою портянок
Им склоняться — до боли в спине...
Вспоминаю я русских крестьянок
В сонной комнатной тишине.

Вот и дали заголубели,
Расколосась гудком тишина...
Неужели мы все огрубели
Возле стали, огня, чугуна?

Все же нет... Подступает тупая
Боль под сердце, припомнишь едва:
Это женская ласка скупая
Вечно в памяти нашей жива.

* * *
Я видел седых детей...
Не белобрисых, не русых.
Я видел седых детей
На стыках военных путей,
В болотах лесов белорусских...
Я видел седых детей.

Пресней дождевой воды
Спирт показался во флаге,
Когда привели седых
Детей в партизанский лагерь.

В глазах заморожен крик —
Пронзительнее штыка,
И рыжий, как солнце, комбриг
Не допросил «языка».

Сказал по-русски: «Взгляни».
Тот понял и посмотрел...
Седые дети, они
Знали слово «расстрел».

Не спали среди тишины
Седые дети войны.

* * *
Вижу, как скачут по клеверу
кони,
Слышу — уздечки звенят удилами,
Чую, как тиною пахнет в затоне
На удивительно ласковой Ламе.

Жалко, что речка все уже и уже,
Медленной кони, уздечки — скромнее...
Ладно, что сердце несколько не глуше
К жизни: вдогонку несется за нею.

Выплеснет силы до капли последней,
Тихо пройдет по-вдоль переулка,
Чтоб услышать, как в деревне соседней
Чье-то забилось — задорно и гулко.

...В славном, раскованном, слаженном звоне,
Словно два друга столкнулись сердцами,
Вижу, как скачут по клеверу кони,
Слышу, уздечки звенят бубенцами.

* * *
Я какой-то раздражительный
Стал.
Какой-то не такой...
От тяжелой, продолжительной
Умер друг мой дорогой.

Не сказать, что был молодым,
Но — отнюдь не стариком...
Мать звала его Володенькой,
Вовой, Вавою, Сыном.

Сколько их, могил распаханых,
Перед взорами души?
Сколько их, земель распаханых,
Для овса, пшеницы, ржи?

Жизнь почти что подытожена,
Повторенью — не бывать.
Но за что же нас, за что же нас
Долгой болью убивать?

* * *
Скрипы уключин над паром воды,
Пара воронок от весел за лодкой —

Вечности незаходящей следы,
Память мгновенная жизни короткой.
В борт ударяет малютка волна
И рассыпается в брызги-пылинки,
Словно задышливый бег скакуна
Или взволнованный голос воянки.

Слушай, как плавно плывут берега
В незасыпающем шуме осоки,
Как испаряют ночные стога
Сена хмельного бродящие соки.
Выплеск щуренка у борта почти.
Зябко и весело — над глубиною...
И за мгновение жизни плати
Самой прекрасной и жуткой ценою.

В долг не беру ни единого дня, —
Жизнь для меня не открыла кредита...
Ветер над речкой идет несердито,
Желтых кувшинок головки креня.

* * *
Меркнет внутреннее зреньё.
Разгляжу я все равно,
Как, уже без сожаленья,
Мне исчезнуть суждено.

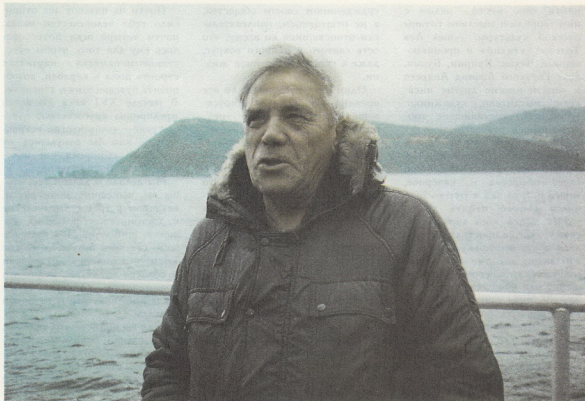
Над квадратною трубою
Вертикальный мой дымок...
Не кручинься, бог с тобою!
Ведь и ты не хуже б смог.

Сами путь свой выбираем,
Из себя веревки вьем,
Умирать — не умираем,
Просто быть перестаем.

Быт и быть — понятия эти
Бьют друг дружку без затей, —
Сколько ж стойких душ на свете
Быт проклятый сбил с лаптей.

До последнего до нерва,
До остатней жилки — стой!
Замечательная стерва
Жизнь — не просто звук пустой.

Не жалеть ее — не жалко,
Жаль, любимой не обнять...
Вот бы в жаркой перепалке
Боль последнюю понять.

АКТУАЛЬНЫЙ
РАЗГОВОР

Вам продолжать эту жизнь

Виктор Астафьев

Каждый человек неповторим на земле, и убежден я, что каждая травинка, цветок, дерево, пусть они и одного цвета, одной породы — так же неповторимы, как и все живое и живущее вокруг нас.

Человеку назначено природой иметь свой характер, который, конечно же, развивается не только сам по себе, но прежде всего под влиянием среды, родителей, школы, общества и друзей, кому повезет их иметь, ибо дружба, настоящая дружба — награда человеку редкая и драгоценная, порой она бывает крепче и вернее родственных связей и влияет на человеческие отношения куда сильнее, чем коллектив, в особенности при крайних, бедственных обстоятельствах — с поля боя, риска своей жизнью, выносят бойца только настоящие, преданные друзья. У меня они, такие друзья, были на войне, есть и в ны-

нешней жизни, и в литературе, и я стараюсь за преданность платить преданностью, за любовь — любовью. Каждую свою книгу, да и каждую строку, и поступок свой просматриваю и прочитываю глазами своих друзей, в особенности фронтовых, чтоб не было стыдно перед ними за плохо, нечестно или неряшливо сделанную работу, за ложь, за непорядочность.

Добрых людей на свете было и есть и, надеюсь, будет всегда больше, чем плохих и злых, иначе в мире наступила бы дисгармония, он перекосился бы, как нагруженный балластом или мусором на один борт корабль, и давно опрокинулся бы и затонул.

Нет, я не согласен, что Горький, например, вырос среди «злых» людей. Если бы это было так, то в нашей литературе был бы совсем другой писатель, не сострадающий людям, способный на любовь и самопожертвование ради них, воспевающий

любовь матери и нежность к своей Родине. Нежность и любовь еще часто отдают горечью оттого, что люди жили, да еще живут некоторые не по сердцу, не по законам и заветам добра, а подчиняясь обстоятельствам, загнавшим их в угол или спустившим на самое дно мерзопакостного быта.

В детстве Горького была рано угасшая мать, самоотверженно и горячо его любившая, беззаветная бабушка Акулина и даже дедушка Каширин, поровний внука «для науки», жалел его и добра желал ему, готовя к суровым и тяжким жизненным испытаниям и труду, которые он сам познал когда-то «на своей собственной шкуре». Иной «науки», много воспитания дед Каширин попросту не знал. Он жил в другое время и учился жизни совсем не в тех школах, в которых учиться вы, нынешние дети.

Суровая наука пошла Алексею Максимовичу впрок — малограмотный парнишка с нижегородской ремесленной и драчливой окраины в конце концов сделался образованнейшим человеком и Великим писателем русской литературы, где не так просто было утвердиться и

найти свое место — рядом с ними творили и мыслили титаны русской культуры: гений Лев Толстой, «тихий» и проникновенный Чехов, Куприн, Бунин, друг Горького Леонид Андреев и многие-многие другие писатели, мыслители, художники, музыканты, составившие гордость нашей отечественной культуры. А ведь тот же гениальный художник Репин был выходцем из самых нижайших слоев общества и, наверное, много познал зла и оттого научился высоко ценить добро.

Нет людей «без характера», есть те, кого в простоялде звали и зовут бесхарактерными — это люди, которые всю жизнь ищут места в заветрии, кого, как щепку или бумажку, куда несет ветром, туда они и плывут, и «приливают» они чаще всего или, точнее, прибывает их к тому берегу, где не надо ничего делать, а только тешить себя ленью, ждаты, когда заработают и принесут хлеба кусок другие люди, и еще обидятся, что хлеб черствый. Очень часто эти безвольные люди страдают и страдают от бездумья и безделья, тревожатся только о себе, ищут забыться в вине, попоршайничестве, а то и в воровстве, постепенно забывая все, чему их учили дома, в школе, теряя и свой человеческий облик, озлобляясь и скатываясь в число преступников или отверженных, никому, даже близким своим, не нужных.

Конечно же, многое в формировании характера зависит от окружения, от общества, но влияние его бывает неодинаково на каждого человека. Очень часто случается, что в так называемых «неблагополучных семьях» вырастают «неблагополучные» дети, но я знаю множество людей, которые в детстве насмотрелись на разгул и разгильдяйство родителей и никогда и ни в чем не подражали им, — наоборот, уносили неистребимую ненависть на всю жизнь к вину, сквернословию, хамству, побоям, дракам, хотя побороть дурное влияние ох как непросто и сложно, требуется большая сила воли, внутренняя дисциплинированность и даже мужество, чтоб быть полноправным

гражданином своего общества, а не отщепенцем, наплевательски относящимся ко всему, что есть святого и ценного вокруг, даже к своей собственной жизни.

Один путь у человека, во все времена открытый к самоусовершенствованию, — это неустанное пополнение знаний, расширение жизненных интересов. Человечество накопило не только много смертоносного оружия, и страницы истории его залиты не одним только красным цветом крови и соленым морем слез, — человечество в муках, неся неисчислимые жертвы, страдая, творя подвиги на пути познания мира и себя, накопило бездонный клад сокровищ искусства, литературы, им сделаны невероятные открытия в науках, сулящие людям избавление от голода, болезней, горя. Осуществилась вековая мечта человека — он вырвался в Космос и готов к изучению мироздания, глубин океанов, продвижений вперед и выше.

Из-за нависшей угрозы войны, из-за постоянной занятости, мне кажется, мы еще не успели осознать, что наделали, каких вершин достигли на исходе XX века.

Вам, нынешним детям и молодым людям, надеюсь, выпадет счастье перевалить в третье тысячелетие, открыть новые миры и, быть может, отыскать в бесконечности мироздания обжитые планеты. Но не думайте, что все это делается само собой, без труда и напряжения.

На уроках истории в школе, наверное, вам говорили, как панически боялось, тогда еще разбросанное по материкам и континентам, разъединенное, еще невеликое человечество приближения второго тысячелетия: люди ждали пришествия Христа и страшного суда, а затем и конца света: перестали учиться, строить, ухаживать за землей и жильем, выращивать урожай, разводил скот... Не утратили они лишь одно ремесло — виноделние, много пьянствовали, развратничали, иные племена целиком разоружились, потеряли способность защищать себя и добывать пищу охотой и рыбной ловлей, подались жить в пещеры...

Почти на пятьсот лет отбросило себя человечество назад, почти четыре века потребовалось ему для того, чтобы «восстановить память» — научиться строить дома и корабли, возобновить путешествия и торговлю. В начале XVI века Магеллан предпринял кругосветное путешествие — человечество встряхнулось, как бы очнувшись от глубокого обморока, — и началась эпоха Возрождения.

Мы делаем и делаем все, чтобы вы, нынешние наши внуки, вступили в третье тысячелетие с достоинством разумных существ, помнящих, что ради вашего светлого будущего многие люди недоучились, недобрали в области культуры, недожили положенного земного срока из-за лишения, ран и трудовой надсады.

Если вы поймете это, главное, что мы жили, боролись и, стиснув зубы, перемогали холод и голод, боль от ран ради вас, вам уже будет проще с открытым сознанием жить, бороться и работать на земле.

Конечно же, дуракам всегда жилось и живется легче, да не обманит вас эта «легкость», не захочется вам подражать и дуракам, и тем, кто, не читая книжек, покупает их ради украшения квартиры, кто целаает на себя побрякушки и похваляется дорогими тряпками, умением с шиком курить и пить под лестницей — жизнь человеческая очень еще коротка, чтоб ее тратить на безделушки. Каждому человеку есть место на Земле для приложения сил его и знаний, а в деле, в непосредственном поиске и движении — высший смысл жизни, и тут же как-то «незаметно» сформируется характер, затем личность, а она, личность, никогда не была и не будет подвержена отравляющей ржавчине эгоизма, зависти, злобы и ненависти. Она, личность, на то и существует, чтобы облегчить страдания другим людям, отдать им все свое, вплоть до жизни...

Верю и надеюсь, что вы будете достойны и нашей памяти, и той прекрасной планеты, на которой выпало нам жить, а вам продолжать эту жизнь.

Прошлый 1988-й — выдался у меня суетным и нелегким. Не знал, куда себя девать после смерти дочери, не мог работать, вот и мотался по свету и почти половину года отсутствовал дома. Да и лето у нас в Сибири было на лето непохожее. Видно, 219 водохранилищ даже для таких необъятных пространств, как сибирские, бремя непосильное, и вот уже третий год подряд не было весны, было холодно, мокро и неприятно в нашем крае. А что-то ждет сибиряков впереди?

Весной, в апреле, я попал на совещание в академию общественных наук под названием «Литература и история». Оно год готовилось со всей строгостью и напряжением, но как оказалось, не для того, чтоб ставить и решать глобальные вопросы истории и насущные вопросы современности, а чтобы как можно тщательней отобрать участников совещания, всеми способами избавиться от острозыких и боевых людей, — даже редакторы центральных газет и журналов не все удостоились быть в роскошных палатах академии, где я так и не уразумел, кого и на кого учат, но уж зато помещение — э-э, штук пять средних школ или городских больниц, так недостающих в стране, можно было построить вместо этого — я убежден — бесполезного дворца, где жируют или учатся «чему-нибудь и как-нибудь» ответственные товарищи из руководящей верхушки областей и краев.

И вот в зале этого роскошного дворца, не занятого гостями или делегатами и наполовину, сидят отсортированные товарищи писатели, историки, общественные деятели, и слушают дудей, уже состарившихся и одряхлевших на всевозможных съездах, сессиях, конференциях, кому трибуна уже привинчена, как стульчак в туалете, где можно не торопясь, с чувством, толком и расстановкой делать отправление словесного порядка.

И бумажки, по которым докладчики и ораторы зачитывают свои мысли, уже пожелтели и сломались по углам, только в них имена вождей прошлых переписаны на вождей нынешних, а остальное как было, так и осталось — ветры и бури пронесли над головами заснувших, благополучно завершаю-

щих свой земной путь, и даже перхоть не сдули ни с них, ни с бумаж и трудов ихних.

В зале гул недоумения и раздражения. Кто-то из «невыдержанных» все же затесался в зал и выкрикнул: «Зачем нас сюда собрали?»

В первом же перерыве ко мне подошел наш главный секретарь Союза писателей, Владимир Карпов, ругается совсем как в пехотной траншее, откуда в разведку множество раз ходил и Звезду Героя добыл, говорит: «Ведь тошно слушать это унылое старичье». Я ему сказал, что в Москве пролетом, мысленно уже за океаном нахожусь, к выступлению совершенно не готов, а когда выступаю без бумаж, всегда после этого недоразумения и неудовольствия бывают, и что ему надают по одному месту. А он говорит, что ему привычно, что там у него уже мольба, и чтоб я не увидал...

Сказал я с той трибуны все, что думал о нашей жизни, — о войне, о литературе и истории, думаю, дадут Карпову по мольбе и мне по шею. Вот уже ответственный товарищ навстречу движется. А он, ответственный товарищ, руку мне пожал и сказал, что ему по душе пришлось мое выступление, и, узнав, что я должен сейчас вот ехать в аэропорт, позвал меня с собой обедать. А я ему говорю, что никогда с секретарями ЦК не обедал. А он смеется: «Надо и это испытать!» — «А кормят вас как?» — «Да неплохо кормят, сейчас убедитесь в этом».

Во время обеда с Александром Николаевичем Яковлевым переговоры мы о многом: о войне, о житухе нашей, и, конечно же, я не удержался и посетовал, что вот Горбачев во Владивосток летал, в Мурманск и во всякие разные места, но в Сибирь вот никак не соберется, а надо бы. «А вы повстречайтесь с ним и скажите все, что думаете». — «Легко сказать!» — «Я беру на себя устроить вашу встречу».

Так вот и закончился мой обед и присутствие на конференции.

После прилета из Колумбии и Перу я побывал еще на празднике 1000-летия крещения Руси в Новгороде, в Вологде, на встречу с Рейганом угодил и уже после этого попал к Михаилу

Сергеевичу Горбачеву — не хочется говорить «на прием» — скорее на человеческий разговор, к которому я тщательно подготовил себя, чтоб не занимать много времени у государственного человека и не обременять его пустяками. Но все же проговорили мы более часа.

Красноярцы встречались с Михаилом Сергеевичем, убедились, как он доступен, прост, и сердце его людям открыто. И я через пять минут справился со своим волнением, и мы разговоривали так, как разговаривают все нормальные люди друг с другом. Тогда же, на встрече, я сказал Михаилу Сергеевичу, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, и пригласил его посетить Красноярск.

Многие красноярцы недоумевают, отчего меня не было на встрече с Горбачевым в Сибири.

Но так совпало, что в эти же дни на Украине происходила встреча ветеранов нашей 17-й артиллерийской Киевско-Житомирской дивизии, вероятно, одна из последних; если уже не последняя. За два года от предыдущей встречи покинули земные пределы более двухсот ветеранов нашей дивизии. Это только учтенных Советом ветеранов. И Михаила Сергеевича я хотя бы на трибуне или еще где увижу, а вот многих однополчан повидать уже не доведется. Кроме того, у меня не умолкал телефон и дверь в квартире на закрывалась — трудящиеся-земляки решили сделать из меня ходатая и просителя, а я, естественно, хотел, чтобы они начинали учиться сами о себе говорить, сами за себя заступаться, и вообще хоть немного ощущали бы себя гражданами, готовыми постоять за себя и за свои права.

На Украине у меня была очень плотная программа, и оттуда я сразу же улетел в Грецию, но по отчетам в газетах и по отрывкам, виденным по телевизору, я понял, что земляки мои не подкачали и высказали Генеральному секретарю и показали не одни только достижения края, но и те безобразия, которые в нем творились и творятся.

В отношении войны и мира все еще нет твердого ощущения, что разоружение идет полным ходом — пока ведь идут больше разговоры, и режутся ракеты, по-моему, устаревшего образца с той и с другой стороны. Оста-

вшегося оружия вполне достаточно, чтоб превратить и нас, и Землю в пыль и прах, так что покой мне лично еще даже и не снится.

Ох-хо-хоооо! Навдумывали мы многое, насочинили и дорожку советскую действительности, и передового советского человека, и лучшего читателя, и лучшего изобретателя, и братство, и сознательность, и бережливое хозяйство...

А человек, в основе своей, какой был, таким и остался; каким способом изготавливался, рождался, так все и происходит до сих пор. Время — двадцатый век, всеобщее поверхностное образование, уход от церкви, или, точнее, изгнание человека из нее, а значит — и отлучение от древнейшей Великой культуры, философии, аскетизма дали те результаты, которые мы имеем, как говорю острей, «налице», то есть явные признаки вырождения, а бесовство под названием «массовая культура» каждый день и каждый час все ниже и ниже опускает человечество на четвереньки, и если оно не погибнет от военной или экологической катастрофы, то вот-вот на четвереньках ползет обратно в пещеры.

Двадцатый век, так мирно и оптимистично начавшийся, заканчивается в великом смятении и деградации земного сообщества, несмотря на то, что население Земли значительно увеличилось, и несмотря на всеобщее просвещение, наисовершеннейший обмен информацией и культурными ценностями, несмотря на внешнюю духоводъемность, планета наша не имеет ныне ни одного духоводъемного гения, ни одного самоотреченного до творческого подвига вознесшегося Пушкина, Бетховена, Шекспира, Микеланджело, Сервантеса, Рафаэля, зато десятки уже известных изобретателей смертоносного оружия и сотни скрытых от глаз и ушей наших «творящих гениев», ковыряющихся где-то в подземных лабораториях, чего-то все еще расщепляющих или выращивающих вату, способную перекусать и умертвить все живое на Земле. «Современные ученые что бы ни делали — все получается бомба!» — в сердцах написал однажды Юрий Нагибин. Страшно становится, когда видишь, что на архисовременных,

гениально изобретенных сооружений ездят и летают существа с умом и звездами ротного командира и с моралью, еще много веков назад изготовленной в казарме римских легионеров. Разрыв между агрессивным и оборонительным началом все растет и растет, человечество само себя сделало беззащитным перед творением своих рук и злого, необузданного разума. Безверие привело его к бездущию и равнодушию. Поверхностная грамота породила безграмотность, навязанная культура — бескультурие, безрадостный, часто автоматический труд — отвращение к труду, а без полезного труда, удовлетворение сердцу приносящего, человек становится неприканным, одиноким, никому, даже самому себе, не нужным. Не надо только вычлнять советского человека из всей семьи человеческой. Мы не раз уже это делали, и ничего из этого путного не получилось. Мордовать, истязать и обманывать друг друга в изоляции удобней, только и всего.

Я был в Новгороде во время торжеств, посвященных тысячелетью крещения Руси, и убедился, что русские люди еще умеют вести себя достойно, когда настят, да вот хотение-то посещает их все реже и реже.

О Волпо-Ясенцеком я ничего не слышал и не читал, но самоотверженных, бескорыстных людей встречал немало, обязан им жизнью, и не раз ими был спасен и вылечен, но есть одна особенность в памяти человеческой — ученики благодарно вспоминают всю жизнь двух-трех замечательных преподавателей, а благодать распространяется на всех учителей, и враждебно настроенные к детям преподаватели тоже ходят в «героях». Погубленные врачами люди никогда не смогут рассказать о тех, кто и как их погубил, а спасенные несут благодарение. И вот уже все врачи и медики хорошие и благородные, а среди них сукинны сынов, карьеристов, бездушных людей и в войну было допала. Вот недавно потюмок одного из таких деятелей — хирург Канской больницы раздолья голову молодому парню, не имея ни условий, ни умения для сложной операции — трепанации черепа. Умер в муках парень-то, а хирург лечит себе дальше народ,

добит, шьет, галает — набирается «опыту».

О какой культуре речь? Об этой самой: «Эй, мужчина! Эй, женщина...» До обозначения по полам уже докатились, утратили способы не только общения друг с другом, но и обращения друг к другу, — поприветствовать один другого не умеем, а зачастую и не хотим. Я редко езжу в город, но, воротившись из него, несколько раз испытывал желание послать в Москву, в Кремль благодарственную телеграмму: «Сегодня был в городе и ни разу не был оскорблен, толкаем, не обрызган грязью мимо идущей машины, не подвергся хамству в магазине, у меня не украли кошелек и не сняли шапку. Спасибо партии и правительству! Да здравствует Великий советский народ!»

Что, не смешно? Мне тоже. А откуда ей виться, культуре? Из полуразрушенной семьи? Только что на краевой партконференции были оглашены удручающие цифры разводов, нравственного падения людей, в том числе и коммунистов. А ведь это край, где еще сохранились остатки крепких устоев, той, старокрестьянской, преданной нами анафеме семьи, край, где население густо, где еще сибиряки, от сибиряков происходящие, хотят работать и работают даже там, где ими плохо руководят и мешают толково трудиться, — в загазованных цехах, под отравленным небом живут и работают, надеясь на лучшее, терпеливо дожидаясь квартир и неслыханного изобилия в магазинах, веруя, что дети их будут жить в совсем других условиях, и видят они этих детей, общаются с ними лишь в конце недели, в субботу и воскресенье, да и то урывками — матерям за эти два дня надо все перестирать, прибраться по дому, сбежать на базар, постоять в очередях возле почти пустых прилавков и на автобусных остановках. Ребенок с ключом на гайтане, где прежде висел крест, — это ж символ нашего времени! Его прочное завоевание. Одна надежда на детсад, школу, вуз, армию — там, глядишь, заменят мать и отца, сделают из него «человека». Кто сделает? Если мы можем закупить дорогостоящее оборудование за рубежом и даже разрешить кормить нас и поить предприимчивым дель-

цам проклятого капитала, то воспитателей и учителей мы выписать «из оттуда» не можем. Они рождены и изготовлены нами, нашей «передовой» системой всеобщего образования. Сколько же полуграмотного, невежественного, враждебного к своей профессии, а значит, и к детям, народа напустили мы в ту сферу, что когда-то благородно называли просветительством и педагогикой! Учителя, за малым исключением, ведут себя в школе как фельдфебели, точнее, фельдфебельши в казарме, потому что, кроме всех бед, на школу обрушилась еще одна, никем не предвиденная и губительная: школа сделалась женской. Ученики, в первую очередь мальчишки, не хотят учиться у истеричных, злых женщин, которые волей-неволей воспитывают их на женский манер, и парни у нас растут с «женским уклоном», даже и рядятся под женщин. Мужество, прямота, мужское достоинство, презрение к дамским слабостям — где они? В школах царит воровство не только среди учеников, но и среди учителей, наущничество, фискальство поощряется, появился детский гомосексуализм, угнетение и грабеж мальшей учащимися старших классов. Вот они, истоки «дедовщины», которая из школы прямым ходом следует в армейские казармы и вузы. Кстати говоря, часть молодых парней, и немалая, не годна для службы в армии по состоянию здоровья. Да и призывают в армию безобразно. Прошлой осенью двое моих племянников полмесяца толпились и томилась на призывных пунктах в жутких условиях антисанитарии, неразберихи, разгильдяйства. В скопичке допризывников открылась пьянка, карточная игра, воровство... Дело дошло до бунта, и тогда генерал Фурса вынужден был увещивать через телевидение допризывников и их родителей, что «трудности временные», что скоро все будет исправлено и направлено.

Дальше лучше не будет. Выборочное обследование школьников младших классов дало обескураживающие, если не ужасающие, результаты — только 25 процентов детей здоровы, остальных надо просто лечить и лишь потом — учить. А где и чем лечить? И кто будет лечить? Наши врачи-писатели?! Им ле-

чить некогда, они дни и ночи пишут, отчитываются, заседают, делятся опытом, как наилучшим образом «обслуживать трудящихся». Добрый, милый доктор Айболит остался лишь в сказке.

Вот вам и милосердие, и культура — эти два понятия, два кита, на которых сидело и падало в будущее наше общество, неразрывны. Надо людей, и прежде всего — детей накормить как следует, очистить воздух, которыми они дышат, воду, которую они пьют, а потом уж о милосердии речь вести. Мы залезли к своим детям в карман, выгребли то, что им должно принадлежать, варварским отношением к природе обобрали и ограбили их, отняли здоровое будущее, да еще ими же и недовольны, их же обвиняем в отсутствии благодарности: «Ведь последнее отдавали, от себя отравили, ничего не жалели, а они...» А зачем было доводить дело до того, чтоб отдавать последнее, отравить от себя? Страна наша огромна и богата, зачем же дело доводить «до последнего»? Почему страны без сырья и громадности тех богатств, которые подарил нам создатель, не отдают последнее, а разумно, в соответствии с национальным капиталом ведут свое хозяйство, воспитывают детей в строгости и бережливости, а мы швыряем налево и направо богатства, не думая о завтрашнем дне.

Читаю больше периодику, и голова кругом идет — такое мы наворочали, столько натворили! «Дяя души» — если выдается время, читаю Пушкина, осенью перечитал романы Лермонтова, вот только что приобрел двухтомник переписки Гоголя — и такое наслаждение погрузиться в это историческое, складное собеседование русского Гения со своими современниками — миром и доброй памятью, а то искрометным озорством веет от каждого письма. Мы сделали суетными, задуми, склада в письмах наших нет, рваные строчки, сбивчивые мысли, на ходу, на бегу посланные приветы и пожелания... Лишь недавно прочел роман Дудинцева «Белые одежды» — книга странная: с одной стороны — глыбца — преступник, сатана нашего времени, напряженная, страшно и страстно написанная борьба его и с ним, и наивная, почти беспо-

мощная проза там, где дело касается жизни, любви, интимных отношений героев романа, — будто открытки, писанные ученическим почерком, вложены в слишком пухлый роман. Прочел следом повесть Юрия Нагибина о русском чудаке и шлопае — Юрке Голицине — вот это да! Сколько тут воздуха, изящества и озорства! Читается легко, без натуги, а это важнейший признак подлинной литературы, когда в ней так свободно, что и сочиненности «не видно», и писательское мастерство вроде бы не присутствует. Очень трудно — не читаю, а просто продираюсь, как в тайге, в прозе Платонова. Набокова я читал и раньше, но особого восторга не испытал, Замятина мне предостает еще открывать, а Булгакова — что-то перечитать, что-то вновь открыть. Пока для меня самой его сокровенной вещью была и осталась «Белая гвардия».

Написал в этом году мало. Дома сделалось невозможно работать, стал прятаться у друзей, в... Болгарии, в городке Хисаре — это бывшая греческая провинция — Фракия, где император Максимилиан построил крепость и будто бы время от времени скрывался в ней от своей свирепой жены. Вот в развалинах этой крепости скрывался и я — от графоманов, звонков, жалобщиков и просто любопытных людей. Здесь сухой климат, чистый горный воздух и безлюдье. Моим большим легким и звенящей голове здесь легко. За два месяца пребывания в Хисаре сделал двухсерийный киносценарий по повести «Кража» на студию имени Горького — давно задажал. Вчерне написал три рассказа, и хотя давал себе слово не вмешиваться в экологические дела, считая бесполезным и зрящим делом трату слов на эту тему, все же не выдержал и написал большой очерк в защиту Эвенкии и вообще Сибири нашей, превращаемой в бесправную, дикими способами ограбленную колонию.

Хотел вернуться к давно начатому роману о войне — не вышло. Опять не вышло. Надо много времени и здоровья для этой работы. Увы!

В 1988 году у меня вышло в нашей стране и за рубежом шестнадцать книг. Чаще и больше

других произведений издавался и переводился «Печальный текст».

Впечатления от поездок за рубеж очень яркие, в особенности от поездки на греческий остров Патмос, где под эгидой празднования 900-летия Патмского монастыря были проведены две международные конференции по истории и экологии. Я участвовал в экологической. Она проводилась в помещении только что построенной гимназии неподалеку от монастыря, и вместе с греческой гимназисткой, а также американским экологом мы посадили дерево мира среди двора новой гимназии в присутствии большого скопления народа. Дай бог, чтоб дерево это и в самом деле было благословенно вечностью и принесло бы покой и мир на землю.

Побывал в монастырской пещере Иоанна Богослова и видел написанную им бессмертную книгу — «Апокалипсис». Рабочее место «писателя» очень аскетично, сурово и тихо. Прикинул на себя: смог ли бы я тут, при сабных свечах, на воде и хлебе, жить отшельником и работать? Смог бы... неделаю или две. Сказал об этом зарубежным писателям — участникам конференции. Они смеются, машут руками, как и все современные, испорчены, мол, цивилизацией и где уж нам уж... На самотечение, на творческий подвиг все мы не годимся — кишка тонка и вера в пользу нашего дела слабовата.

На исходе первого тысячелетия большая была тревога и паника среди немногочисленного тогда человечества в ожидании второго пришествия Христа, страстного суда и конца света. Люди ударились в разврат, пьянство, забыли ремесла, забросили пашни, перестали строить и догадываться жилаища, по земле бродили самобичеватели и в кровль секали сами себя за грехи свои тяжкие.

Мы тоже занимаемся самобичеванием, только словесным — так проще, удобней и не очень больно...

1988,
г. Красноярск

Ли́ра Абду́лина

«Кто заплачет обо мне?»

Родилась Ли́ра Султановна Абду́лина в башкирском селе Куши́рленково и, как все остальные дети, рано познала труд и сельские будни, из которых, однако, кто извлекает любовь к родному очагу, к этим самым сельским будням, в которых вменяется так много всего, что потом хватает на всю жизнь любви и памяти по прошедшему деревенскому детству, но кто-то приобретает здесь же и неистребимую тягу к бутылке, уйдя за отчий порог, занюхивает в жизнь, как в бездонный омут.

Окончив Литературный институт имени Горького, Ли́ра Абду́лина надоело связала свою судьбу с Сибирью. Первый сборник — «Высокие снега» — вышел в Красноярске, второй — в издательстве «Современник» в 1986 году. Ли́ра заканчивала третий сборник, когда ранняя смерть подкралась к ней...

Осиротели дети Ли́ры, осталась начатая ею, но недопетая песня, и никто уже ее не допоеет, никто ее скромного места в литературе и в поэзии не займет, никто ее на земле не заменит. «А жизнь — это только отрезок пути от первой строки до последней...» — написала Ли́ра Абду́лина за несколько лет до кончины.

Передо мной рукопись последнего сборника стихов Ли́ры Абду́линой, и название у него: «Живите долго». Неужели поэтический дар — это и в самом деле не только награда, но и божье наказание?!

Писать Ли́ра Абду́лина начала рано, точнее, сочинять, составляя стихи. Писать-то их при общей грамотности у нас многие наворотились, а вот душу, настроенную на стихотворный лад, и по сию пору редко кто имеет. Два ее небольших сборника стихотворений, подборки стихов в «Новом мире», в «Юности», в «Дружбе народов», в «Огоньке», в «Смене», в альманахах поэзии и в газетах прошли почти незамеченными. Когда в литературе идет настоящий «междусобойчик», стра-

дают от него более даровитые и скромные. А посредственность затем рубахи на себе и на других рвет, изо всех наглых сил стремится возглавить «органы», лезет в наравители морали, чтоб хоть как-то обратить на себя внимание. И это очень даже удается, в особенности во времена переменчивые, смутные, когда, не брезгуя ничем, тащат и тащат на белую бумагу темную бульварщину, потчуют ею всегда так падкую на сплетни российскую доверчивую публику...

... Не надо думать, что, живя уединенно, вдали от столиц, современный литератор не замечает бурь и схваток «за передовые позиции» всякого рода дельцов от культуры, не страдает от того, что литература, в которой бывали и лучшие времена, превращается в коммунальную кухню либо в переполненный трамвай, идущий не по рельсам, а как во сне, прямо по булыжнику, и в трамвае том шумит безбилетная шпана, требуя порядка.

В самый разгар базарно-литературных баталий пришло письмо от Ли́ры Абду́линой со стихотворением под названием «Братья». Но Ли́ра Абду́лина, как и положено даровитому поэту, искала — часто интуитивно — «свое лицо» среди истинного и мнимого многообразия в современной поэзии и нащупала какое-то «сцепление» в теме, часто писала по «сонатному», что ли, способу свои стихи, развивая начатый мотив, заходя на «тему» с разных сторон. И то же стихотворение «Братья» представало аж в пяти «вариациях», под более «звучковым» названием: «И не стало брата у меня...»

В литературе нашей удалось многое расшатать, кое-что и с ног на голову поставить, но истинный талант, он, увы, ничего сделать с собой не может. Он поет так, как ему природа велела, и вполне естественно, что та же Ли́ра Абду́лина со своими певучими стихами сочиняла и песни. Не текстовки к песням, а именно песни, где уже найден мотив и композитору остается подхватить мелодию, зазвучав-

шую в душе поэта, развить ее, вознесть до музыкальных высот и пустить по свету.

Кто заплачет обо мне
На родимой стороне?
Коль сестра меня забудет,
Очень больно будет мне.

Кто прискачет на коне,
Постучит в окно ко мне?
Если брат меня забудет,
Будет больно мне вдвойне.

Ясным днем и при луне
Помни, милый, обо мне,
Если ты меня забудешь,
Буду я гореть в огне.

Ива клонится к волне,
На родимой стороне.
Если все меня забудут,
Буду камнем в глубине.

После этого как-то и толковеще разводить неловко. Остается лишь продолжить страдающей грудью исторгнутый вздох поэта: «Кто заплачет обо мне на родимой стороне?..»

Виктор Астафьев

И не стало брата
у меня...

1
За морями, лесами, полями
Звезды детства, туманы, овраг.
Трое детушек было у мамы:
Двое умных, а третий — дурак.

Омрачали ль печальные вести,
Обступал ли безвыходный мрак,
Обнимались и плакали вместе
Двое умных и третий дурак.

Бог ничем дурака не обидел:
И умен, и пригож, но слабак.
Прямоезжей дорогой ходили
Двое умных, а третий —
в кабак.

Двое умных добра не нажили,
И у дурня добра — на пятак.
Разошились, разберлись,
раздружились.
Как же, братцы мои, как же
так?

Нам на свете всего только трое.
Встречи кратки, пути нележки.
Как припомню, прикину, так
звую:
До чего же мы все дураки!

2
«Ты не пей из свиного
копытца!» —
Не послушался братец меня.
Мне теперь не забыть,
не забьется
Ни во сне, ни средь белого дня.

«Ты не пей из свиного копытца,
Вот колодец с водой голубой!»
Все сидит и горюет сестрица
Над загубленной этой судьбой.

«Ты не пей!» — заклинала
напрасно.
«Не себя, так меня пожалей!»
Что ж ты, родненький, месяц
мой ясный,
Надругая над жизнью своей?

А по камушкам светлым водица
Под мосточком струится, звеня.
«Ты не пей из свиного
копытца!» —
Не послушался братец меня...

3
Все, что звали мы любовью
В жизни прежней, молодой,
Полоснув живую болью,
Стало мертвою водой.

И душа, больная птица,
Узвненная душа,
Пригубила той водицы
Из отравного ковша.

Хорошо душа болела.
Отболела. Не болит.
Может, просто не созрела
Для таких больших обид.

4
Это я накликала беду,
Возопив кликушею горбатой.
Я сказала: «У меня нет
брата!» —
На людском и божеском суду.

Не сестра, а лютая змея,
Я теперь навеки виновата.
Я сказала: «У меня нет брата!»,
И не стало брата у меня.

Он в содоме пьянства и
разврата
Бесновался, белый свет кляня.
Окаянный, все ж он был мне
братом,
И не стало брата у меня.

Нет его. Раскаиваться поздно.
Дорогой ценою я пойму
Голос бездны, вкрадчивый и
грозный:
«Не судья ты брату своему».

5
Ведь это ж против правил!

Который год подряд:
«Скажи, где брат твой
Авель?» —
Мне люди говорят.

«А я ему не сторож», —
Негожие слова.
Молву не переспоришь,
Она всегда права.

Мы каемся веками,
Ученье — все не впрок.
Пусть первым бросит камень,
Кто ближнего сберег.

Осветил ночные дали
Тихий снегопад,
И еще угрюмой стали
Думы невпопад.

И снежинки, души близких,
Рой эфемерид,
Предъявляют длинный
список —
Перечень обид.

И, склонясь над этим
списком,
Плачу до утра,
Предъявляя встречным иском
Перечень утрат.

Кружит белые снежинки
Белая зима.
И по счету недоимки
Некому взять.

Снег идет. Проходят годы,
И за годом год
Этой вечной несвободы
Кружит хоровод.

* * *

Отшумели белые метели,
Нынче ночью лебеди летели,
Нынче ночью лебеди кричали
Высоко, протяжно и печально.

Нынче ночью маялись олени
От глухого, смутного волнения,
Головами пьяными качая
Над дилковым всплеском
иван-чая.

Нынче ночью вздрагивали
камни,
Будто кто-то трогал их руками,
Будто рыбы белые на суше,
Будто кто им дал живую душу.

Ночь проходит. Я смеюсь
и плачу
Оттого, что чуда не отсрочить.
Можно было все переиначить
Нам с тобой. Но только нынче
ночью.

* * *

Приучил меня к расстояниям,
К расставаниям приручил.
О, постылое постоянство
Постиженья простых причин,
Разрывающих наши пальцы,
Двух скитальцев во тьме ночи.
Не расстаться нам —
Кайся не кайся,
Не сойтись нам —
Кричи не кричи.
Все конверты,
Конверты синие,
Словно проруби на реке.
Ты все думаешь,
Что я сильная,
Что могу от тебя вдалеке.
Кабы знала,
Что только слабого
Бережете вы
От беды,
Изведа бы тебя я жалобой
Чайки, стонущей у воды.

* * *

Тяжесть тела — такая обуза!
Тяга к небу грохочет в груди.
Улетаю! Да здравствуют музы!
Я не знаю, что ждет впереди.

Отметаю житейскую прозу,
Отвергаю все виды езды,
Улетаю под властным гипнозом
Притяжения синей звезды.

За спиной только ночь, только
ветер,
Неужели земля мне мала?
На земле мои малые дети
И простые земные дела.

Хоть лета мои клонят к покою,
Но рассудок с душой не в ладу.
Я не помню, чтоб дурью такою
Кто-то мучился в нашем роду.

Значит, все же — да
здравствует проза?
Проза жизни — надежный
причал?
Отпугнув мои смутные грезы,
Троекратно петух прокричал.

Возвращаюсь к родному
гнездовью
Наискось голубому лучу,
Только знаю: за синей
звездой —
Лишь стемнеет — опять полечу

Владимир Набоков

СКАЗКА

Рассказ

Фантазия, трепет, восторг фантазии... Эрвин хорошо это знал. В трамвае он садился всегда по правую руку, — чтоб ближе быть к тротуару. Ежедневно, два раза в день, в трамвае, который вез его на службу и со службы обратно, Эрвин смотрел в окно и набирал гарем.

Один тротуар он разрабатывал утром, когда ехал на службу, другой — под вечер, когда возвращался, — и сперва один, потом другой купался в солнце, так как солнце тоже ехало и возвращалось. Нужно иметь в виду, что только раз за свою жизнь Эрвин подошел на улице к женщине, — и эта женщина тихо сказала: «Как вам не стыдно... Подите прочь». С тех пор он избегал разговоров с ними. Зато, отделенный от тротуара стеклом, прижав к ребрам черный портфель и вытянув ногу в задрюпанной полосатой штанине под супротивную лавку, — Эрвин смело, свободно смотрел на проходящих женщин, — и вдруг закусывал губу; это значило — новая пленница; и тотчас он оставлял ее, и его быстрый взгляд, прыгавший, как компасная стрелка, уже отыскивал следующую. Они были далеко от него, и потому хмурая робость не примешивалась к наслаждению выбора. Если же случилось, что милочная женщина садилась против него, он втягивал ногу из-под лавки со всеми признаками досады — не свойственной, впрочем, его очень юным летам, — и потом не мог решиться посмотреть в лицо этой женщины, — вот тут, в лобных костях, над бровями, так и ломило от робости, — словно сжимал голову железный шлем, не давал поднять глаза, — и какое это было облегчение, когда она поднималась и шла к выходу. Тогда, в притворном рассеянии, он оборачивался, хапал взглядом ее прелестный затылок, шелковые икры, — и приобщал ее к своему несуществующему гарему. И потом снова лился мимо окон солнечный тротуар, и Эрвин, вытянув одну ногу, повернув к стеклу тонкий, бледный нос, с заметной выемкой на кончике, выбирал невольниц, — и вот, что такое фантазия, трепет, восторг фантазии.

Однажды в субботу, легким майским вечером, Эрвин сидел в открытом кафе и глядел, изредка захватывая резцом нижнюю губу, на вечерних, прохладившихся прохожих. Небо было сплошь розоватое, и в сумерках каким-то неземным огнем горели фонари, лампочки вывесок. Высокая пожилая дама в темно-сером костюме, тяжело играя бедрами, пройдя меж столиков и не найдя ни одно-

го свободного, положила большую руку в блестящей черной перчатке на спинку пустого стула против Эрвина.

— Да, пожалуйста, — с легким нырком сказал Эрвин. Таких крупных пожилых дам он не очень боялся.

Она молча села, положила на стол свою сумку — прямоугольную, скорее похожую на небольшой черный чеходничок, и заказала порцию кофе с яблочным тортом. Голос у нее был густой, хрипловатый, но приятный.

Огромное небо, налитое розовой мутой, темнело, мигали огни, промахнул трамвай и разрыдался райским блеском в асфальте. И проходили женщины.

— Хорошо бы вот эту, — кусал губу Эрвин. И затем, через несколько минут: — и вот эту.

— Что же, это можно устроить, — сказала дама тем же спокойным тускловатым голосом, каким говорила с лакеем.

Эрвин от изумления привстал. Дама смотрела на него в упор, медленно расстегивая и стягивая с руки перчатку. Ее подтушеванные глаза, как яркие поддельные камни, блесли равнодушно и твердо, под ними взбухали темные мешочки, снятая перчатка обнаружила большую морщинистую руку с миндалевидными, выпуклыми, очень острыми ногтями.

— Не удивляйтесь, — усмехнулась дама — и затем, с глухим зевком, добавила: — дело в том, что я — черт.

Оробевший Эрвин принял было это за инсказание, но дама, понизив голос, продолжила так:

— Очень напрасно меня воображают в виде мужнины с рогами да хвостом. Я только раз появилась в этом образе и, право, не знаю, чем именно этот образ заслужил такой длительный успех. Я рождаюсь три раза в два столетия. Последний раз была корольком в африканском захоустье. Это был отдых от более ответственных воплощений. А ныне я госпожа Отт, три раза была замужем, довела до самоубийства нескольких молодых людей, заставила известного художника срисовать с фунта вестминстерское аббатство, подговорила добродетельного семьянина —...впрочем, я не буду хватать. Как бы то ни было, я этим воплощением насытилась вполне...

Эрвин пробормотал что-то и потянулся за шляпой, упавшей под стол.

— Нет, погодите,— сказала госпожа Отт, ввертывая в эмалевый мундштук толстую папиросу. — Я же вам предлагаю газет. А если вы еще не верите в мою силу... Видите, вон там через улицу переходит господин в черепаховых очках. Пускай на него наскочит трамвай.

Эрвин, мигая, посмотрел на улицу. Господин в очках, дойдя до рельс, вынул на ходу носовой платок, хотел в него чихнуть, и в это мгновение блеснуло, грянуло, прокатило. Люди в кафе ахнули, повскачили с мест. Некоторые побежали через улицу. Господин, уже без очков, сидел на асфальте. Ему помогли встать, он качал головой, тер ладони, виновато озирался.

— Я сказала: наскочит, — могла сказать: раздавит, — холодно проговорила госпожа Отт. — Во всяком случае это пример.

Она выпустила сквозь ноздри два серых клыка дыма и опять в упор уставилась на Эрвина.

— Вы мне сразу понравились. Эта робость... Это смелое воображение... Нынче мой предпоследний вечер. Положение стареющей женщины мне порядком надоело. Да, кроме того, я так накудесила на днях, что лучше поскорее из жизни выбраться. В понедельник на рассвете предполагаю родиться в другом месте...

— Итак, милый Эрвин, — продолжала госпожа Отт, принимаясь за кусок яблочного торта, — я решила невинно поразвлечься, и вот что я вам предлагаю: завтра с полудня до полночи вы можете отмечать взглядом тех женщин, которые вам нравятся, и ровно в полночь я их всех соберу для вас в полное ваше распоряжение. Как вы смотрите на это?

Эрвин опустил глаза и тихо произнес:

— Если все это правда, то это большое счастье... — Ну вот и ладно, — сказала госпожа Отт. — Однако, я должна поставить вам одно условие, — продолжала она, слизывая крем с ложки. — Нет, не то, что вы думаете. Я в свое время уже запаслась очаровательной душой для следующего моего воплощения. Вашей души мне не нужно. А условие вот какое: число ваших избранниц должно быть нечетное. Это — непременно. Иначе я вам ничего устроить не могу.

Эрвин кашлянул и почти шепотом спросил: — А... как же мне знать... Ну, например, я отметил — что дальше?

— Ничего, — сказала госпожа Отт. — Ваше чувство, ваше желание — уже приказ. Впрочем, для того, чтобы вы знали, что сделка совершена, что я согласна на тот или другой выбор ваш, я всякий раз дам вам знать: случайную улыбку самой женщины, или просто слово, сказанное в толпе, — вы уж поймете.

— Да, вот еще, — сказал Эрвин, шаркая под столом подошвами. — Где же это будет — ну — происходить? У меня комната маленькая.

— Об этом не беспокойтесь, — сказала госпожа Отт и, скрипнув корсетом, встала. — Теперь вам пора домой. Не мешает хорошо выспаться. Я вас подвезу.

И в открытом таксомоторе, в налетающих струях темного ветра, между звездным небом и звездным асфальтом, Эрвин почувствовал, что счастлив чрезвычайно. Госпожа Отт сидела очень прямо, острым углом перекинув ногу на ногу — и в ее твердых блестящих глазах мелькали ночные огни города.

Ветер остановился.

— Ну вот и ваш дом, — сказала она, тронув Эрвина за локоть. — До свидания.

Мало ли какие мечты нагонит кружка черного густого пива, проколотого молнией коньяка? Проснувшись на следующее утро, Эрвин так и подумал, — что был пьян, что сам вообразил разговор с пожилой странной дамой в кафе. Но, постепенно припоминая всякие мелочи вчерашней встречи, он понял, что одним воображением всего этого не обойтись.

Вышел он на улицу около половины первого. И оттого, что было воскресенье, и оттого, что вокруг шалаша уборной на углу лиловой бурей кипела перидская сирень, Эрвин чувствовал замечательную легкость, а ведь легкость — это почти полет. Посредине сквера в квадратной ямке дети, подняв маленькие фланелевые зады, лепили чудеса из песка. Глянцевитые листья лип трепетали, темные сердечки их теней трепетали на гравии, поднимающаяся легкой стайей по штанам и юбкам гуляющих, избегали, рассыпались по лицу и плечам — и всею стайей соскальзывали опять на землю, где, чуть шевелься, ожидали следующего прохожего. И, проходя по скверу, Эрвин увидел девушку в белом платье, сидевшую на короткогах и двумя пальцами теревшую толстого мохнатого щенка со смешными бородавками на брюхе. Она нагибала голову — сзади оголялась шея — перелив хребта, светлый пушок, круглога плеч, разделенных нежной выемкой, — и солнце находило жаркие золотистые пряди в ее каштановых волосах. Продолжая игру со щенком, она встала с короточек и, глядя вниз на него, хлопнула в ладоши — и щенок перевернулся на земле, отбежал в сторону, мячик упал на бок. Эрвин присел на скамейку и мгновенным, робким и жадным взглядом окинул ее лицо. Он увидел его так ясно, так пронзительно, с такой совершенной полнотой восприятия, что, быть может, долгие годы близости ничего не могли бы открыть ему нового в этих чертах. Ее неяркие губы чуть вздрагивали, словно повторяя все маленькие, мягкие движения щенка, вздрагивали ее ресницы, — такие сверкающие, что казались тонкими лучами ее играющих глаз, — но, быть может, прелестнее всего был изгиб щеки — слегка в профиль, — этого изгиба, конечно, никакими словами не изобразишь. Она побежала, замелькала ее гладкие ноги, — за ней покатились мохнатым шариком щенок. И вдруг Эрвин вспомнил, какая власть ему дана, и, затаив дыхание, стал ждать знака, и в это мгновение девушка на бегу обернулась и сверкнула улыбкой на живой шарик, едва поспевавший за ней.

— Первая, — мысленно сказал Эрвин и встал со скамейки.

Пошаркивая по гравии ярко-желтыми, почти оранжевыми башмаками, Эрвин вышел из сквера. Его взгляд постреживал по сторонам, — но, потому ли, что девушка со щенком оставила в его душе солнечную впадину, — он все не мог найти женское лицо, которое бы ему понравилось. Вскоре, однако, эта солнечная щель затнудлась, и вот, у стеклянного столба с расписанием трамваев, Эрвин заметил двух молодых дам, — судя по сходству, сестер, — звонко обсуждавших маршрут. Обе были худенькие, в черном шелку, слегка подкрашенные, с живыми глазами.

— Тебе нужно сесть вот в этот номер, именно вот в этот, — говорила она.

— Обои, пожалуйста, — быстро попросил Эрвин.

— Ну да, как же иначе... — ответила вторая на слова сестры.

Эрвин сошел с тротуара, пересек площадь. Он знал все места, где понаряднее, где больше возможностей.

— Три, — сказал он про себя. — Нечет. Пока, значит, все хорошо. И если бы сейчас была полночь...

Она сходила по ступенькам подъезда, раскачивая в руке сумку. За ней вышел, закуривая сигару, высокий господин, с синими от бритья щеками и крепким, как ятка, подбородком. Дама была без шляпы, ее темные волосы, остриженные по-мальчишески, ровной каймой закрывали лоб. На отвороте жакетки пунцовела большая поддельная роза. Когда она прошла, Эрвин заметил, от двери слева, папиросную рекламу — светлаусый турок в феске и крупное слово: «Да!» — а под ним помельче: «Я курю только «Розу Востока».

Почувствовав приятный холодок, он отправился в дешевой ресторан, сел в глубине, у телефонного аппарата, оглядел обещавших. Ни одна из дам не прельщала его. «Может быть, эта. Нет, обернулась — стара... Никогда не нужно судить по спине».

Лакей принес обед. К телефону рядом подошел мужчина в котелке, вызвал номер и стал взволнованно кричать, как пес, попавший на свежий след зайца. Блуждающий взгляд Эрвина попал к стойке и нашел там деловитую девицу, ставившую на поднос только что вымытые пивные кружки. Он скользнул по ее оголенным рукам, по бледному, рябоватому, но чрезвычайно милостивому лицу и подумал: «Ну, что ж — и вот эту».

— Да! Да! Да! — взволнованно лял мужчина в телефонную воронку.

Победая, Эрвин отяжелел, — решил, что хорошо бы соснуть часок. По правде сказать, оранжевые башмаки жали пребольно. Было душновато. Огромные жаркие облака белыми куполами вздымались и теснили друг друга. Народ на улицах поредел, — зато так и чувствовалось, что дома наполнены до краев густым послеобеденным храпом! Эрвин сел в трамвай.

Вагон рванулся и, покрывая, покати. Эрвин, повернув к стеклу бледный запотевший нос, ловил взглядом мелькавшие женские лица. Платя за билет, он заметил, что слева от прохода сидит, обернувшись к нему черной бархатной шляпкой, дама в легком платье, разрисованном желтыми цветами, переплетающимися по лиловому полупрозрачному фону, сквозь который проступали светлые перехваты лифа, — и крупная строгость этой дамы возбудила в нем желание взглянуть и на ее лицо. Когда ее шляпа нагнулась, черным кораблем стала поворачиваться, — он, по своему обыкновению, отвел глаза, в притворном рассеянии поглядел на сидевшего против него мальчика, на краснощекого старичка, дремавшего в глубине, — и, получив, таким образом, точку опоры, оправдания для дальнейшего исследования — поглядевша, мол, по сторонам, — Эрвин, все так же небрежно, перевел взгляд на даму. Это была госпожа Отт. От жары кирпичные пятна расплылись по ее несвежему лицу, черные, густые брови шевелились над свет-

лыми, острыми глазами, улыбка поднимала уголки сжатых губ.

— Здравствуйте, — сказала госпожа Отт своим мягким хрипловатым голосом. — Пересядьте сюда. Так. Теперь мы можем поболтать. Как ваши дела?

— Всего пять, — смущенно ответил Эрвин.

— Превосходно. Нечетное число. Я вам посоветовала бы на этом и остановиться. А в полночь... Да, я, кажется, вам еще не сказала... В полночь придете на улицу Гофмана — знаете, где это? Там отыщете номер тринадцатый. Небольшая вила с садиком. Там вас будут ждать ваши избранныцы. Я же встречу вас у калитки, — но, разумеется, — добавила она с тонкой улыбкой, — я мешать вам не буду... Адрес запомните?

— Вот что, — сказала Эрвин, набравшись храбрости, — пожалуйста, пускай они будут в тех же платьях, и пускай они будут сразу очень веселые, очень ласковые...

— Ну, разумеется, — ответила госпожа Отт. — Все будет именно так, как вы желаете. Иначе не стоило затевать эту историю, не правда ли? А признайтесь, милый Эрвин, что вы чуть-чуть и меня не отметили для вашего гарема? Ах нет, не бойтесь, — я же отлично знаю... Я просто шучу... Вам нужно выходить? Домой? Да, это правильно. Пять — число нечетное. Лучше держитесь за него. Итак, — до полночи.

Эрвин, не глядя по сторонам, вернулся к себе, разулся и со вздохом удовлетворения растянулся на постели. Проснулся он под вечер. Свет на дворе был ровнее; недалеке медовым тенором заливался соседский граммофон.

— Первая — девушка со щенком, — стал вспоминать Эрвин, — это самая простенькая. Я, кажется, поспешил. Ну, все равно. Затем — две сестры у трамвайного столба. Веселые, подкрашенные. С ними будет приятно. Затем — четвертая — с розой, похожая на мальчишку. Это совсем хорошо. И наконец, девица в ресторане. Тоже ничего. Но всего только пять — маловато.

Он полежа, закинул руки под затылок, послушал граммофонный тенор.

— Тряп... Нет, маловато. Ах, всякие еще бываю... Удивительные...

И Эрвин вдруг не выдержал. Он, торопясь, привел свой костюм в порядок, прилизал волосы и, волнуясь, вышел на улицу.

Часам к девяти он набрал еще двух. Одну он заметил в кафе: она говорила со своим спутником на незнакомом языке — по-польски или по-русски, — и глаза у нее были серые, чуть раскосые, нос тонкий, с горбинкой, морщился, когда она смеялась, стройные нарядные ноги были видны до колен. Пока Эрвин искаса смотрел на нее, она в свою шелестящую речь вставила случайную немецкую фразу, — и Эрвин понял, что это знак. Другую женщину, седьмую по счету, он встретил у китайских ворот увеселительного парка. На ней была красная кофточка и зеленая юбка, ее голая шея вздувалась от ирривого визга. Двое грубых, жизнерадостных юношей хватали ее за бока, и она локтями от них отбивалась.

— Хорошо, — я согласна! — крикнула она наконец.

В увеселительном парке разноцветным огнем играли слоенные фонарики. Вагонетка с волею мчалась вниз по извилистому желобу, пропала меж кривых средневековых декораций и опять

нырала в бездну с тем же истощенным воплем. В небольшом сарае, на четырех велосипедных седлах — колес не было, только рама, педали и руль — сидели верхом четыре женщины в коротких штанах — красная, синяя, зеленая, желтая — и во всю работали голыми ногами. Над ними была большой циферблат, по нему двигались четыре стрелки — красная, синяя, зеленая, желтая; и сперва эти стрелки шли тесным разноцветным пучком, потом одна подалась вперед, другая обогнала ее, третья тугими толчками перегнала обеих. Рядом стоял человек со свистком.

Эрвин поглядел на сильные голые ноги женщин, на гибко согнутые спины, на разгоряченные лица с яркими губами, с синими крашеными ресницами. Одна из стрелок уже кончила круг... еще толчок... еще...

— Они, наверно, хорошо пляшут, — покусывая губу, подумал Эрвин. — Мне бы всех четверех.

— Есть! — крикнул человек со свистком, — и женщины разогнулись, посмотрели на циферблат, на стрелку, пришедшую первой.

Эрвин выпил пива в расписном павильоне, поглядел на часы и медленно направился к выходу.

— Одиннадцать часов и одиннадцать женщин. Пора остановиться.

Он прищурился, воображая предстоящее наслаждение, и с удовольствием подумал, что нынче белье на нем — чистое.

— Моя госпожа Отт небось будет подглядывать, — усмехнулся про себя он. — Ну, что ж, ничего. Это будет, так сказать, перец...

Он шел, глядя себе под ноги, изредка только проверяя названия улиц. Он знал, что улица Гофмана далеко, за Кайзердармом, но оставалось около часу, можно было не очень торопиться. Опять, как вчера, небо кишело звездами, и блесла асфальта, как гладкая вода, отражая, удлинняя, впитывая в себя волшебные огни города. На углу, где свет кинематографа обливала тротуар, Эрвин услышал короткий раскат детского смеха и, подняв глаза, увидел перед собой высокого старика в smoking и девочку, шедшую рядом, — девочку лет четырнадцать, в темном нарядном платье, очень открытом на груди. Старика весь город знал по портретам. Это был знаменитый поэт, дряхлый лебедь, одиноко живший на окраине. Он ступал с какой-то тяжелой грацией, волосы, цвета грязной ваты, спадали на уши из-под мягкой шляпы, играл огонек посреди крахмального выреза на груди, и от длинного костистого носа теневое пятно косо падало на тонкие губы. И взгляд Эрвина, дрогнув, перешел на лицо девочки, семенявшей рядом, — что-то было в этом лице странное, странно скользнула ее слишком блестящие глаза — и если б это была не девочка — внучка, верно, старика, — можно было подумать, что губы ее тронуты кармином. Она шла, едва-едва поводя бедрами, тесно передвигая ноги, она что-то звонко спрашивала у своего спутника, и Эрвин ничего мысленно не приказано, но вдруг почувствовал, что его тайное мгновенное желание исполнено.

— Ну, конечно, конечно, — вкрадчиво отвечал старик, наклоняясь к девочке.

Они прошли. Пахнуло духами. Эрвин обернулся, затем продолжал свой путь.

— Однако, — вдруг спохватился он. — Двенадцать — число четное. Нужно еще одну, и нужно успеть до полночи...

Ему было досадно, что приходится еще искать, и вместе с тем приятно, что есть еще одна возможность.

— По дороге найду, — успокаивал он себя. — Несомненно найду...

— Может быть, это будет лучшая из всех, — вслух сказал он и стал зорко всматриваться в блестящую темноту.

И вскоре он ощутил знакомое сладкое сжатие, холодок под ложечкой. Перед ним быстро и легко шла женщина. Он видел ее только со спины, он не мог бы объяснить, что именно так взволновало его, отчего с такой мучительной жадностью ему захотелось ее обогнать, заглянуть ей в лицо. Возможно было бы, конечно, случайными словами описать ее походку, движение плеч, очерк шляпы — но стоит ли? Что-то вне зримых очертаний, какой-то особый воздух, воздушное волнение, влекло за собой Эрвина. Он шел быстро, но все же не мог поравняться с ней, в глазах мелькала влажный блеск ночных отражений, женщина шла ровно и легко, и ее черная тень вдруг взмахиwała, понав в царстве фонаря, и, взмахнув, скользила по стене, перегибалась на выступе, пропадала на перекрестке.

— Боже мой, но ведь мне нужно видеть ее лицо, — волновался Эрвин. — И время идет.

Но потом он о времени забыл. Эта странная, молчаливая погоня по ночным улицам опьянила его. Он ускорила шаг, обогнал, далеко перегнал женщину, но из робости не посмел оглянуться, только опять замедлил шаг, и она, в свой черед, его перегнала, да так быстро, что он не успел разглядеть. Снова он шел в десяти шагах за ней, — и знал, несмотря на то, что лица ее не видел, что это есть лучшая его избранница. Улица горела, прерывалась темнотой, снова горела, разливалась блестящей черной площадью, — и снова женщина легким толчком каблука ступала на панель, — и Эрвин за ней, растерянный, бесплотный, опьяненный туманом огней, ночной прохладой, погоней...

И опять он перегнал ее, и, опять оробев, не сразу повернул голову, и она прошла дальше, и он, отделившись от стены, понесся следом, держа шляпу в левой руке и взволнованно болтая правой.

Не походка, не облик ее... Что-то другое, очаровательное и властное, какое-то напряженное мерцание воздуха вокруг нее, — быть может, только фантазия, трепет, восторг фантазии, — а может быть, то, что меняет одним божественным взмахом всю жизнь человека, — Эрвин ничего не знал, только шел по тротуару, ставшему тоже как бы бесплотным в ночной блестящей темноте, только смотрел на ту, которая быстро, легко и ровно шла перед ним.

И вдруг деревья, весенние липы, присоединились к погоне, — они шли и шушукались, с боков, сверху, повсюду; черные сердечки их теней переплетались у подошвы фонаря; их нежный липкий запах подбодрял, подталкивал.

В третий раз Эрвин стал приближаться. Еще шаг... Еще. Сейчас обгонит. Он был уже совсем близко, когда внезапно женщина остановилась у чугунной калитки и звякнула связкой ключей. Эрвин, с разбега, едва не наскочил на нее. Она повернула к нему лицо, и при свете фонаря он узнал ту, которая утром, в солнечном сквере, играла со щенком, — и сразу вспомнил, сразу понял, всю ее прелесть, теплоту, драгоценное сияние.

Он стоял и смотрел на нее, страдальчески улыбаясь.

— Как вам не стыдно... — сказала она тихо. —
Подите прочь.

Калитка открылась и с грохотом хлопнула. Эрвин остался один под умоляющими липами. Постоял, затем надел шляпу и медленно отошел. Пройдя несколько шагов, он увидел два огненных пузыря, — открытый автомобиль, стоящий у панели. Он подошел, тронул за плечо неподвижного шофера.

— Скажите, какая это улица, — я заблудился.
— Улица Гофмана, — сухо ответил шофер.

И тогда знакомый, явкий, хрипловатый голос раздался из глубины автомобиля:

— Здравствуйте, это я.
Эрвин оперся ладонью о край дверцы, вяло ответил:

— Здравствуйте.

ЛИРА-89

Владимир Жабин

* * *

Дай бог тебе врага такого!
А я тебе не враг, не враг.
Лишь огнедышащее слово —
Причина всех твоих удач.

Лишь слабодышащее тело —
Причина плотских неудач.
То, что пока не перетело,
Пойди, попробуй обозначь!

* * *

Ну кто сказал, что там
светлей —
За поворотом, за печалью?
За той же — каменной —
вуалью —
Красивая святая лень.

За те же деньги хлеб насыщенный
В полях снеженных гниет,
И пролетарий благодушный
Подковы к ужину кует.

Туманные нисходят зори
К осыпавшимся берегам.
И каждый третий опозорен
Назло внеклассовым врагам.

* * *

Мы не вымерли. Мы вымираем.
Потому что друзей вымеряем.
Потому что себя повторяем.
И теряем, теряем, теряем.

Мы не вымерли. Но уже лето
Кой-какие плоды показало.
От вокзала до ближней планеты
Слишком мало любви, слишком мало.

Впрочем, это зовется иначе.
Как — не знаю, но — выше,
гортанней.
Возрождение на уровне плача.

Полыханье, рожденное втайне.

Мы не вымерли. Но уже зреют,
Выползая из дыр, ренегаты.
Открывают — вскрываются —
двери. —

Мы, оказывается, богаты.

Мы, по-видимому, проглядели.
Развелись дураки и казели.
Поднимите меня из постели.
Поднимите мне, граждане, веки.

* * *

Тревожно. Страшно. Одиноко.
Как в отрочестве. Как тогда.
По-прежнему не дремлет око —
Молвы ли? совести ль? суда?..

По-прежнему гремят колеса —
Туда — неведомо куда.
Вослед глядят старухи косо,
Слоится воздух, как слюда.

И есть кто рядом, нет кого-то —
Детали, мелочь, срунда.
Все полоротая работа,
Как исключенье из труда.

Но там, где недоцеловала
Тьма первозданные миры,
Рублевские макроцефалы
Непредсказуемо мудры.

И не беда, что остальное
Не выросло, не проросло.
Пусть будет хоть один достоин
Не знать, куда нас занесло.

Владимир Беспалов Буровая в лесу

Шаткий мост из накатанных
бревен,
Шелестящий дорожный песок.
Весь пейзаж лаконичен и
скромнен:

— Я скучаю, — сказал голос. — Жду здесь моего
приятеля. Мы с ним должны отравиться на
приветие. Как выживаете?

— Чет, — усмехнулся Эрвин, поводя пальцем по
пыльной дверце.

— Знаю, знаю, — равнодушно ответила госпожа
Отт. — Тринадцатая оказалась первой. Да, у
вас это дело не вышло.

— Жалко, — сказал Эрвин.

— Жалко, — отозвалась госпожа Отт.

— Впрочем, все равно, — сказал Эрвин.

— Все равно, — подтвердила она и зевнула.

Эрвин поклонился, поцеловал ее большую черную перчатку, набитую пятью растопыренными пальцами, и, кашлянув, повернул в темноту. Он шагал тяжело, ными уставшие ноги, угнетая мысль, что завтра понедельник и что вставать будет трудно.

Стрелы сосен.

Тайга.

Вот и все.

Переспелая светит брусника.
Комарья мельтешенье и звон.
Тишина.

Все спокойно и дико.
Все объято в полуденный сон.

Неподвижно болотное око.
Непролазные вечно места.
Но куда колетися дорога?
Почему здесь струится металла?

Я заслушался.
Я заплутался.
Я невольно раздумался вдруг:
И покоя таежного жалко,
Но душа отзовется на звук...

Игорь Кручик

* * *

Все, что уже видал,
вновь хочу почитать:
Черного моря вал,
Белого моря гладь.

Многое я забыл...
Но оглянусь назад:
Черного моря пыл,
Белого моря гладь.

Чайку влечет не корм...
Вот и меня — влечет
Черного моря шторм,
Белого моря лед.

Жизнь! Не храни — а вздыбь,
и распахни, и дай
Черного моря зыбь,
Белого моря даль.

Ждут у своих дверей
кормчих и рыбаей
ветры Черных морей,
стужи Белых морей.

Архив А. Ф. Лосева погибал трижды. Сначала в годы революции. Затем — после ареста в 1930 году. И в третий раз — в 1941-м. Тогда фашистская бомба разрушила

дом на Арбате, в котором жил философ.

Тройную гибель архива и библиотеки Алексей Федорович пережил настолько глубоко, что так никогда и не преодолел

чувства утраты, и не любил вспоминать.

После нашей с Наталией Мишиной публикации в «Правде» (17.I.1985)

«Дерзание духа», где упоминалось о гибели архива Лосева, искусствовед, знаток и собиратель наследия

А. А. Ахматовой

Михаил Васильевич

Толмачев, сообщил, что

в ГПБ хранятся юношеские письма Лосева.

Я тут же выехал

в Ленинград, и вскоре мы имели фотокопии 17 писем, обращенных к Вере

Знаменской.

К сожалению, А. Ф. Лосев нисколько

не заинтересовался

этой находкой и отказался как бы то ни было ее

комментировать. Впрочем, эти письма сами говорят за себя.

Знакомство Алексея Лосева и Веры Знаменской

состоялось летом 1911 года во время экскурсии новочеркасских гимназистов по Крыму.

Все остальное — в письмах. Юрий Ростовцев

Вера Знаменская. 1911 г.

Из жизни студента начала века

(Юность Алексея Лосева)

Ст. Каменская, 14 июля, 1911
Уважаемая и дорогая Вера Алексеевна!

Между нами, если Вы помните, не было окончательно решено, кто первый пришлет свою фотогр. карточку. Так как Вам гораздо легче забыть обо мне, чем мне о Вас, то я и решаю первый препроводить к Вам свою фотографию, помня, конечно, Ваше честное слово переслать мне Вашу. Еще раз благодарю за теплое отношение, за ласковое слово, которое так редко в моей жизни. Не надеюсь на то, что у Вас будут найдены темы для нашей переписки, я от души шлю Вам *Последний* привет и *Последнее* прощанье, хотя у меня и нашлось бы, о чем писать. Мне-то не в

первый уже раз скрывать в самом себе переживаемые чувства и находить утешение в своих научных и литературных занятиях. Простите меня, милая, если я здесь, может быть, вольно выражаюсь. Право, я от души скучал по Вас, когда смотрела на берегу с Адлера на удаляющийся пароход. Всего самого лучшего, самого прекрасного хочу для Вас: хочу Вам безоблачного и спокойного счастья; смею надеяться, что мои молитвы — просто молитвы, ничем не могу теперь помочь Вам, — что мои молитвы о Вашем счастье будут услышаны нашим общим Отцом. Спасибо за все! Всегда помнящий о Вас — Алексей Лосев.

Москва, 1 сентября, 1911

Милая Верочка!

Не писал Вам из Каменской, потому что на другой же день после получения Вашего письма я уехал в Москву. Теперь устроившись на новом месте, я спешу как можно скорее Вас захватить своим письмом в Новгороде.

Поселился я в Студенческом Общежитии, где хоть и плачу гораздо дороже, чем те студенты, которые живут у «хозяина», но зато и пользуюсь различными удобствами, вроде отдельной комнаты, прекрасного стола, присаути и пр. Занятия начнутся не раньше 10 сентября, а до тех пор вот осматриваю город, а по вечерам сижу в своей одинокой комнате и пересматриваю фотографии, письма тем людей, которые дороги для меня и воспоминаниями о которых живу. Скучно здесь одному среди чужих людей, и дома-то я жил как-то в стороне от других, совершенно особой жизнью, а здесь я вове.

Сейчас вот смотрю на Вашу карточку и думаю о тех невидимых нитях, которые связывают людей, расположенных друг к другу. Что Вы для меня и что я для Вас? А вот не проживу дня, чтобы не вспомнить о Вас и не посмотреть на Вашу фотографию, которая, кстати сказать, вместе с Вашими письмами взята мною из дома.

Не беспокойтесь, что я не разберу Ваших писем. Я почти уже привык к Вашей руке за Ваши два письма и читаю почти без всякого труда.

Наблюдая и я соединение Сатурна с Марсом, и приблизительно на той же широте, что и Вы. Только когда я наблюдал (не 3-го, а 4-го августа), расстояние между ними было не меньше 2°, а учитель математики в Каменской женской гимназии, который имеет очень дорогой телескоп и который сам пригласил меня посмотреть на Сатурна и Марса, говорил, что 3 августа расстояние между ними было почти полградуса.

Пишу Вам, собственно, для того, чтобы захватить Вас в Новгороде и узнать Ваш петербургский адрес.

Жду ответа.

Искренне уважающий Вас А. Л.

Адрес мой: Москва, Первое Студенческое Общежитие им-

ни императора Николая II. Большая Грузинская, 12, кв. 92.

Москва, 15 сентября, 1911

Милая, добрая Вера!

Сначала извинюсь перед Вами за долгое молчание. Сами, вероятно, знаете, что значит приехать в чужой и совершенно незнакомый город, да еще столицу. А тут и начало занятий подошло. Первая лекция состоялась еще 7 сентября.

А затем — позвольте пожелать в день Вашего Ангела Вам счастливых солнечных дней и безоблачной жизни на долгие годы. Хочу Вам счастья, хорошего счастья; хочу сохранения Вашей доброй души, с которой Вы всегда найдете в своей жизни ее высшую цель. Ведь не в этих сереньких днях, которыми полна наша жизнь, не в этих людях, которые мирятся со своим бесцельным существованием, не в них смысл и оправдание жизни. А Вы еще так недавно писали мне о своем недовольстве, о своей тоске и неудовлетворенности. Милая Верочка, не заглядывайте в себе этого недовольства, не миритесь с прозой! И если Вы не находите сил создать вокруг себя новую жизнь, то уходите от этой жизни, замыкайтесь в себе, но не продавайте Вашего бесценного сокровища молодой души, не губите сил. Тяжела одинокая жизнь — что и говорит! Но лучше страдание со смыслом, чем счастье без смысла.

Желаю, мой добрый друг, душевного спокойствия и веры в идеал. Сохраните эту веру: она сохранит Вас. Вот чего пожелаю Вам, пожелаю самого дорогого для меня, ради чего я живу и трачу, может быть, лучшие годы своей жизни. Для меня нет ничего более нужного, и вот это-то самое нужное для человека я и желаю Вам.

Прошу верить искренности моих пожеланий, потому что в душе я горжусь тем, что могу с чистой совестью высказать их Вам.

Начинаю постепенно входить в свою знакомую колею учения и учебных занятий. В Университете записался на 30 часов, не считая английского и итальянского языка. Начал одно большое сочинение: «Высший синтез как счастье и видение», где доказываю необходимость примирения в научном миро-

воззрении всех областей психической жизни человека: науки, религии, философии, искусства и нравственности. Пока план готов для первых 5-ти и последних 3-х глав. Всего же думаю скроить 15 глав. Едва ли кончу к Рождеству.

В Университете с особенным интересом слушаю проф. Челпанова (основной курс психологии), Щербину (история этики и семинарий по ней), Мальмберга (история древнего искусства), Виппера (история Греции), Порезинского (введение в языковедение). Еще не читают, но начнут с будущей недели след.: Лопатин (история новейшей философии), Попов (философия средних веков), Самсонов (история эстетических учений и семинарий по Платону), Соболевский (этика Аристотеля).

Специализация в философии, как видите, начинается, от первых же пор. Если Вы не забыли, то я ведь на философском отделе ист.-фила. фак.

Я буду очень рад, если Вы напишете мне что-нибудь о своих занятиях. Пишите и о себе, как поживаете, что чувствуете, о чем думаете. Без преувеличения скажу — Ваши письма я читаю с захватывающим интересом.

Иногда сижу в доме и смотрю на Вашу карточку. Как хорошо — думаю тогда — хоть минутку побыть возле Вас.

Ну пока, милая, до свидания, а то засиделся я с этим письмом уже за полночь. Христос храни Вас!

А. Л.

Москва, 8 ноября, 1911

Милая, незабвенная Верочка! У меня 6, 7, 8 ноября три праздника подряд: 6-го — воссренье, 8-го — 200-летие со дня рождения Ломоносова, 7-го же — получение от Вас письма. Я уже совсем отчаялся иметь от Вас письменное сообщение, ведь больше месяца от Вас ни строчки. Но душа у Вас добрая — не забыла и мою одинокую жизнь. Спасибо, родная! Не забывайте, что, посылая мне хотя бы даже открытку, Вы делаете такое же доброе дело, как давая нищему копейку. Спасибо!

Жизнь моя течет совершенно так, как и раньше. Последние две недели сижу за сочи-

нением по древней философии, так что некоторые курсы приходится не читать и оставлять на более свободное время. В театре бываю раза два в неделю. В Большом Императорском у меня абонемент. Еще раньше — до Москвы — я очень любил итальянскую оперу. Теперь же вообще итальянская музыка предмет моей самой сильной «музыкальной» симпатии. Могу сказать, что итальянская музыка такая же первая моя любовь в музыке, как Фламмарин в науке и философии. В Университете сию часов 26—28 в неделю, хотя записался на 95. Нет времени, да и лекции, которые я не посещаю, не представляют для меня большого интереса.

Скажите лучше Вы, как идет Ваша жизнь. Вы обещаете писать обо всем, что мне интересно. Милая! Да мне интересно знать о Вас все, хотя не могу не оговориться, что и здесь вероятно есть, как и везде, предел, его же не перейдешь. Ну пишете, что можете. Для меня это гораздо лучше, чем ничего.

Право, Верочка, это не одни слова, что 7-го для меня был праздник. Я помнил Ваше предупреждение о том, что Вы «неаккуратны» в ответах. Но писать в другой раз я все-таки не осмеливался. Ведь Вы для меня редкость, а я для Вас? Вы, впрочем, считаете сотнями тех, которые желают иметь с Вами отношения. Я и примирился. На что и ей нужен? — думал я. Мне-то ведь все равно одному жить с своими занятиями и своими не доходящими до людей чувствами. А она — девушка молодая, веселая, пусть же живет, как хочет, пока можно. Так я остался с одной Вашей карточкой и по обыкновению — хотел уже похоронить в своем сердце память о Вас, чтобы время от времени вспоминать Вас и Вашу добрую душу. Поневолке превращаешься в романтика, так жизнь делает романтиком.

Ну а теперь вижу, что Вы ко мне очень благосклонны, и за это имею самую искреннюю благодарность. Что это Вы пишете так о своем настроении? В прошлом письме то же. «Я нескладный человек...» Что это? Посмотрите на меня: один как паяц (по выражению моих земляков-донцов), никого и ничего,

кроме комнаты с книгами, а я вовсе не жалею на пессимизм.

Напишите мне подробней о себе. Посмотрим, поубоудим; может быть, и вычленим Вашу «нескладность» (Ваше же слово).

А я как-то совсем отошел от жизни. Все время один — и, главное, все это мне непочем. Помните, у Пушкина:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный...

Эти слова до странности соответствуют моему вседневному настроению. Итак, жду «подробного донесения» о том, что думаете, что чувствуете, как живется в Петербурге и как идут занятия. Еще раз благодарю за память!

Преданный Вам всею душою.
А. Л.

Р. S. Как-то раз, еще в конце сентября, ездил на Воробьевы горы по Москве-реке на пароходке. Здесь вспомнил Вас, так живо, как никогда. Волны, пароходы, легкая качка... Эх, милая, как близки Вы мне! Ведь вот не вижу Вас, одна мечта, но как эта мечта драгоценна!

Москва, 11 декабря, 1911

«Мысль без поэзии и жизнь без любви — все равно, что пейзаж без воздуха и неба... Там задохнешься». Ну а если есть поэзия в мысли, если есть в жизни любовь?

Милая Вера, далекая, несбыточная Вы моя мечта! Несколько раз прочел я Ваше письмо, в котором Вы жалуетесь на свою «нескладность», «малость» и пр., и хорошенько не мог себе уснить, чего, собственно, Вам недостает. Пожалуй, и даже слишком хорошо усняю себе это, и если бы уснылся хуже, то, вероятно, было бы лучше. Интереснось вообще всякими сомнениями в области мысли и жизни, я с большим удовольствием стараюсь представить себе Ваше состояние духа и вообразить себя на Вашем месте. Ведь подобным сомнениям я обязан тем, что теперь изучаю философию. Не по-

вись этой страшной бездны между наукой и религией, я никогда бы не оставил астрономии и физики и не променял бы их на эти бесконечные философские изыскания.

Но мне все-таки трудно вообразить себя в Вашем положении, так как мои сомнения не касались самой жизни, а ограничивались лишь исключительно областью мысли, то есть науки, философии и религии. Применять же к Вам обычную мерку, по которой русский человек страдает и хандрит от неумения пользоваться жизнью, я совершенно не имею никаких оснований. Остается одно — сказать Вам, как лично я выхожу победителем (т. е. выхожу с жизнерадостным настроением) в нашей современной сумятице идей и настроений. Жизнь наша полна моральных противоречий. Перестроить эту жизнь я не в силах. Что это значит? Это значит, что если я хоть немного почувствовал в себе силы для самостоятельной работы над своими мыслями и чувствами, то я прямо обязан уйти от той жизни, которая способна только размывать силы и способности на мелкие, затертые и ничего не стоящие монеты.

Но «мысль без поэзии и жизнь без любви — что пейзаж без воздуха и неба...» А разве мысль будет без поэзии, когда Вы наслаждаетесь той вечной, нетленной красотой, которая запечатлена в великих произведениях Софокла, Шекспира, Гёте, Шиллера, Байрона, когда Ваша мысль следит за художественными изводами философско-поэтического проникновения в горный мир в диалогах Платона? Я не знаю, может ли что еще так действовать на душу, так, как создания только что названного мною исполнителей человеческого духа.

Любовь же... бывает разная любовь. Намеренно минуя те ее формы, про которые противно написать, не только что думать о них, я различаю две основные формы ее: любовь ради себя и любовь ради других. Эти два вида любви, в моем по крайней мере сознании, подчиняются одной высшей любви, любви ради ней самой, в которой находят себе примирение и знание, и вера, и счастье, и красота. Я люблю человека постольку, поскольку

ку он стоит ближе к небесной красоте, я стараюсь найти в нем хоть слабый отблеск этой красоты и воспитать в нем, насколько это зависит от меня, любовь к знанию и веру в идеал. Помните, у Фета:

Только встречу улыбку твою
Или взгляд уловлю твою

отрадный, —

Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.
Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленно трелью
Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой ее колыбелью,
Но безмолвствует, пышно чиста,
Молодая владычица сада:

Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

Вот и я «не тебе песнь любви я пою, а твоей красоте ненаглядной», вот и я люблю, счастьем от любви. А для такой любви не нужен суетный мир, где про такую любовь и про песнь красот забываешь.

Вот как я выхожу победителем из жизни. Не правда ли, должен быть я счастлив, хотя и одинок? Ведь для счастья нужна поэзия, нужна любовь. Но ведь у меня тоже поэзия, тоже любовь. Вы пишете: «Я всегда в колебании, т. е. вернее, моя душа, если она существует; у меня нет жизненной точки опоры, я ищу смысла всего существования...» и т. д. Вы ищите смысла. А решили ли

Вы вопрос: да есть ли он где, этот смысл. Ведь раз Вы ищете, значит, Вы верите, что он где-то существует, раз так, зачем же его искать, раз он есть простая фикция нашего сознания.

Но раз Вы верите, что он существует, то Ваша жизнь уже не такая бесцельная, как Вы думаете. «Светящейся точки впереди у меня нет; темно, куда ни повернись». А смысл, который Вы ищете? Ведь это же и есть Ваша светящаяся точка впереди. Значит, нужно только стараться поскорей дойти до этой точки, поскорей уяснить себе ее смысл, а Вы предаетесь такому пессимизму, что страшно становится за Вас. Полноте, душечка! Если все будем хныкать да жаловаться на судьбу, кому же жить-то придется? Кто же

будет наслаждаться солнышком, весной, поэзией, любовью? Эх, Вера, Вера!

Вы спрашиваете, «к какой это одной цели все?». Чтобы ответить подробно на этот вопрос, надо писать целые томы, а коротко сказать можно так: цель нашей жизни — постепенное проникновение добра и красоты, постепенное приближение к идеалу через высший синтез любви, раскрывающий души для созерцания, и возносящий к небу от суетного мира. Наша цель не познать добро, а приближаться к нему, не быть совершенными, а стремиться к совершенству, не постичь истину, а постигать ее. Ведь если мы достигнем всяких возможных идеалов, то они перестанут быть идеалами; если мы все

*Россия
Новгородская
Область Вольска
Зональная
Западная
улица № 47.
Александр
Лосев.*

13384

Александр Лосев. 1911 г.

узнаем и переживаем все наслаждения, то наша жизнь прекратится, ибо для жизни нужно движение. И в этом бесконечном приближении к счастью и идеалам (?) — весь наш смысл. Не будем упускать всякого удобного случая, чтобы употребить его на пользу этих святых порываний в горнее царство.

Скажите, Верочка, положите руку на сердце, разве есть хоть что-нибудь другое, что может успокоить наш мятущийся дух среди мрака современности? Разве не находится в нашей душе ответного чувства на подобных призыв к небу?

О Фламарионе я уже, как жется, и говорил Вам и писал. Это мой первый учитель и воспитатель, моя первая любовь в науке. Прочтите его сочинения «Стэлла» и «Уrania». В особенности первая глава последнего сочинения, где говорится о небесном путешествии астронома, я хотел бы, чтобы Вы их прочли. Как раз теперь у меня такое настроение, какое разлито в этих произведениях Фламариона.

Не правда ли, письмо слишком затянулось? Сейчас кончаю. Позвольте только еще раз поблагодарить за Вашу память и за ласку. Я сразу, еще на пароходе, угадал в Вас отзывчивую душу — и не ошибся. Будьте же уверены и в ответных добрых чувствах — Вашего друга А. Л.

15 февраля, 1912

Милая, добрая Вера!

Вы все равно не умеете сердиться, и поэтому я не очень испугался Вашей строгой открытки. Но извиняться мне есть за что, хотя я довольно и без того наказан судьбой за свои поступки. В Петербурге я был, жил даже три дня. Не увидался же с Вами — да бог его знает, почему я не увидался с Вами. И видел-то всего трех человек, знакомых...

Пожалуй, Вы и поймете, почему я не был у Вас. Ведь если человек все время будет задавать себе вопросы: зачем мне это нужно, да почему я должен это сделать, да как это произойдет, то, конечно, дело само вперед не подвинется ни на шаг. Надо бы не думать, а действовать, а я... я все думал и в результате не видал Вас.

Не знаю, за то ли, что не постарался увидеться с Вами, или еще за какие грехи, я сильно простудился в Вашем сыром и мрачном Петербурге и едва доволоч ноги до Общежития. Началась самая противная форма простудных заболеваний — флюсы, перекосило мне физиономию набок.

Спасибо, заведующий нашим Общежитием оказался врачом, да в Общежитии была своя аптека. Так меня подняли ко вчерашнему дню с постели. Это первое зло — болезнь и пропуск занятий в течение целой недели. Второе зло: вчера пошел на экзамен по психологии, который никакими силами не пришлось мне выпросить сдать на Масленицу и который перенесли на вчерашний день, 14 февраля. Выучил, конечно, прескверно, сидя с перевязанной физиономией, и так как не хотелось подучать низшего балаа (у нас, как и у Вас, вероятно, две отметки «весьма удовлетворительно» и «удовлетворительно»), то пришлось просить отложить экзамен до следующей сессии.

Сегодня же начинаю писать письма после двухнедельного перерыва, и первое письмо — Вам. Думаю-думаю и не знаю, за что это Бог меня наказал. Уж что за грехи, это бесспорно. Но за какие? Боюсь, как бы не за то, что не увидал Вас. Это не грех — Вы скажете. Но Вы почему это знаете? — отвечаю я.
Ваш А. Л.

Станица Каменская, 10 июля 1912

Мой милый друг Верочка!

Надеюсь, не забыли, кто Вам пишет, хотя мне и не удавалось написать Вам в течение целых трех месяцев. Получив же от Вас поздравления на Пасху, я не собрался тотчас же ответить Вам, так как в понедельник на Фоминой неделе у меня был первый экзамен. Сдавши то, что требуется для перевода на второй курс, я хотел сдать еще два предмета из 2-го курса, на которые мне удалось записаться, но почувствовал сильное утомление и поехал в Каменскую. За три недели, проведенные в Каменской, я опять стал хорошо спать ночью и вообще почувствовал облегчение, так что мог при-

нять любезное приглашение моего милгого батюшки о. Василия Чернявского поехать с экскурсией новочеркасских гимназистов на Урал.

Во время экскурсии знакомств никаких не приобрел. Сейчас буду готовить экзамены, чтобы сдать их в сентябре: на старших курсах будет свободней. Ну а как поживаете Вы, моя славная Верочка? Я вот изложил Вам то, что случилось за эти 3—4 месяца, в остальном же нет никаких перемен. Как был Ваш друг — таким и остался. А Вы? Все ли так, как раньше, или, может быть, что-нибудь новое? Спрашиваю Вас так вот почему. 30 июня (видите — даже число Вам привожу точно — из дневника), когда я плыл по Каме от Перми до Казани, мне приснилась Вы. И приснилась Вы мне такой несчастной, такой жалкой, постаревшей, что я целый день тогда не мог избавиться от этого страшного образа.

От предельной Верочки осталась только ее ласка, только нежная доброта, согрешившая меня ровно год назад. Что вывел я из этого — это другой вопрос, но поневоле становишься каким-то суеверным и ждешь, что жизнь как-нибудь станет в страшное соответствие с этим сном. А что вывел я... нет, не придумывайте, не рассуждайте, ибо не выдаю. Может быть, созерцая картину заката и чувствуя надвигающуюся сумеречную грусть, Вы и ощущали тогда в глубине души радость воскресающего дня, радость новой зари и нового света. Вот забудетесь когда-нибудь перед красотой заходящего солнца: может быть сердце и скажет, что вывело мое сердце из моего сна, грустного, радостного... Прощайте пока, милая Верочка!

А. Л., Каменская, Обл. в. Дон. Коммерческая, 83.

Москва, 9 октября, 1912

Дорогой друг Вера!

Ваше письмо получил уже давно, дней восемь назад, но собрался написать Вам только сегодня. Дело в том, что вчера у меня было сразу два экзамена, и последние дни мне пришлось работать выше положенного. Не только Вам, но и матери за это время не писал

ни строчки. Сдал оба на «весьма», как выражаются студенты, и в этой сессии сдавать больше не буду. Если к Рождеству успею приготовить два, а к маю еще четыре предмета, то в этом году я закончу полукурсовые по классич. отделению, с тем, чтобы на будущий год окончить и по словесному.

Тем более что я не считаю себя специалистом ни по классич., ни по словесным наукам, а изучаю их в подмогу философии, которая невозможна без знания основных принципов всех гуманитарных наук. Правда, без естественных наук она тоже бессильна, но проф. Челпанов (учебники которого, вероятно, Вам известны) потребовал от нас, членов Психологического Института, сдать ему в течение двух лет: 1) Делонэ. Введение в самостоят. изучение высшей математики и механики, 2) Гексли-Розенталя. Основы физиологии, 3) Леонтович. Статистические методы в применении к биологии и 4) Косоногов. Учебник физики. Для эксперимент. психологии эти науки прямо необходимы. Здесь ведь такие же сложные аппараты, как и в физике; такие же точные и кропотливые вычисления, как и в математике. А о физиологии и говорить нечего. Ведь эксперименты в настоящем смысле почти только в тех душевных явлениях возможны, где есть память и телесное их выражение. А для этого нужна физиология. Нужны и отделы физики — оптика и акустика, для детального исследования зрительных и слуховых ощущений. Словом, я изучаю философию, и в ней специализирую; а если хочу кончить по двум отделениям (философский ведь толком никаких прав не дает), то только делаю это для философии, положусь на свою работоспособность. Отгните у меня талант, отгните оригинальность исследований, но работоспособности у меня нельзя отнять. В этом я уже убедился на опыте уже многих лет работы над книгой и рукописью.

Вы видите, какие у меня широкие планы. А Вы жадуется на свою неспособность к наукам, на недостатки «мыслительного аппарата»... Я этому не верю. И не верю потому, что до 5-го класса гимназии

тоже учился как все, ни хорошо, ни плохо. Но в 4-м классе я прочел всего Фламариона, который так увлек меня, что в 5-м классе я решил во что бы то ни стало добиться успеха в занятиях и науке, и вот стал переходить с наградами. Что же мешает Вам захотеть? У Вас, вероятно, и так остается мало свободного девичьего времени, а Вы теряете его на хныканье. Право, мне это непонятно.

Вы удивляетесь, откуда у меня столько денег. Но ведь у меня только и есть расходы на книги да на театры. За прошлый год от матери я получил около 600 рублей. Затем, у меня есть двоюродный дед на родине, который мне прислал 50 руб. на Рождество, и 50 р. к Пасхе. Наконец, я готовил одного студента к дополнит. экзамену по греческ. языку (о чем я Вам, кажется, тогда писал) по рублю за час, а за год вышло всего с него 125 руб. Вот мои доходы за прошлый год. Как видите, около 825—800 рублей. Из них в общежитие заплатил всего около 260 рублей (32 руб. в месяц), в университет — 114 рублей, за теплое пальто 55 руб., за штатский костюм 42 руб. Ну, а остальное пошло на книги и театр. Книги приобрел рублей на 100. Имел в Бол. театре абонемент (за место в ложе, за 15 спектаклей 21 руб.). Чему же Вы удивляетесь после этого?

Боюсь, что мой бюджет для Вас скучен. Но я опомнился только тогда, когда уже написал Вам о нем.

Не бойтесь за мою серьезность. Ваш философ сейчас обедает в виноградом, который прислала ему мать из дому. А что касается моего отношения к «несерьезным» людям, не понимающим в философии, то моя философия, пожалуй, только научит, как лучше с ними обходиться и как работать с ними за идею. Ваше изображение как будто обнаруживает некоторое уклонение по сравнению с оригиналом июля 1911 года. Хотя Ваша печальная улыбка, вероятно, изменят Вас основательно.

Ваш А. Л.

Продолжение следует

Совет по изучению наследия А. Ф. Лосева (1893—1988)

Друзья и ученики А. Ф. Лосева выступили с инициативой об учреждении совета по изучению его творческого наследия. В члены совета включены: А. К. Авеличев, С. С. Аверинцев, В. В. Асмус, Э. Р. Атяин, А. Н. Бабий, А. Н. Бабурий, В. К. Бакуштов, Т. Ю. Бородай, В. В. Бычков, Г. К. Вагнер, А. Н. Вашестов, П. П. Гайденко, М. М. Гамаюнов, А. А. Гарева, Л. А. Гоготинишвили, Л. В. Голованов, Р. В. Гордзениани, А. В. Гуляга, Г. Ч. Гусейнов, Ю. Н. Давыдов, С. Б. Джиминион, В. В. Джохадзе, И. Г. Добродомов, П. Динекос (НРБ), А. Л. Доброхотов, В. Д. Дудкин, В. В. Ерофеев, В. П. Завьялова, Г. П. Каложный, С. В. Кравец, В. А. Косаковский, С. С. Купцов, В. Я. Лазарев, В. П. Ларищев, Н. К. Маинаука, И. И. Маханьков, А. В. Михайлов, И. М. Нахов, М. Е. Нисенбаум, И. Ф. Огородникова, П. В. Палиевский, Ю. Ф. Панасенко, И. Пехливанов (НРБ), С. А. Полковникова, В. И. Постовалова, Л. И. Постовалова, Ю. А. Ростовцев, Н. А. Рубцова, О. М. Савельева, А. А. Салтыков, К. А. Свасьян, В. В. Сильвестров, М. Н. Славянская, О. В. Смыка, В. В. Соколов, А. Г. Спиркин, Ю. С. Степанов, Л. Н. Столович, А. А. Столярков, Д. Ш. Сумбадзе, Л. И. Сумм, А. В. Жавнерович, А. А. Тахо-Годи (председатель совета), Е. А. Тахо-Годи (секретарь совета), Г. В. Тевзадзе, Т. Ф. Терпик, М. К. Трофимова, П. В. Тулаев, М. Хагемейстер (ФРГ), Ш. В. Хидашели, Ю. Н. Холыпов, С. С. Хоружий, А. Н. Чанышев, Н. А. Чистякова, Ю. А. Шичалин, О. С. Широков, А. И. Штерн, Р. Г. Спрадзе, В. Ф. Юркин.

При редакции журнала начал работу лосевский кружок. На первом заседании (17.XII.88 г.) обсуждена книга А. Ф. Лосева «Держание духа» (М., 1988). Второе заседание (18.II.1989 г.) посвящено книге А. Ф. Лосева «Диалектика мифа» (М., 1930).

По результатам каждой встречи предполагается выпуск «Лосевских тетрадей» с краткой стенограммой «круглого стола» с биографическими и т. п. материалами.

НАШИ
ПУБЛИКАЦИИ

В. Высоцкий и С. Светличная
в к/ф «Стряпуха», 1965 г.

Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы

Борис Акимов,
Олег Терентьев

Год 1965

«В конце июля театр завершил сезон, и мы ушли в отпуск, так и не сумев сдать спектакль «Павшие и живые». Гастроль не планировалось, каждый занимался своими делами. Володя, в частности, уехал сниматься в кинокартине «Стряпуха». (1)

«Стряпуха» — картина из числа тех, которые «надо» снимать. Кому-то понадобилось, чтобы такой фильм вышел на экран. Эдик Кеосаян за это дело взялся лишь потому, что ему нужно было утвердиться на «Мосфильме». Условие стояло жесткое: снять картину за три месяца вместо положенных пяти.

Я тогда обучался на втором

курсе ВГИКа, и в качестве практики мне предложили быть вторым режиссером фильма. Это трудно, но зато уж настоящая практика — «с полной выкладкой».

Каким образом попал в картину Володя, я не знаю. Но могу предположить: Лёва Кочарян дружил с Кеосаяном. Он-то, видимо, и рассказал Эдику о Высоцком.

Так мы оказались в Краснодарском крае, в станице Красногвардейской. Там все размещались по частным домам. Мы с Володей жили в одной хате. Я раньше прибыл, но уже знал, что он тоже приедет, поэтому местечко ему приготовил. (7)

«Стряпуха». Краснодарский край. Кубань. Новые лица, новые люди, новые места. Лето. Жара и прекрасные вечера. И всегда, когда вспоминаю об этом, — тянет на лирику. И сей-

час тоже. Всегда печально расставаться с людьми, с которыми работал полгода или год. Фильм — это ведь целый кусок жизни. А можешь больше и не встретить людей, с которыми столько всего было. Это все-таки несправедливо. Театр в этом смысле лучше. В театре — расставания реже». (6)

«Летом 1965 года мы вместе с Володей были в Краснодарском крае, где он снимался в фильме «Стряпуха» [«Мосфильм». Режиссер Э. Кеосаян, роль: Андрей Пчелка. Фильм вышел на экран 23 мая 1966 года. — Авт.] Тут мы с ним довольно помногу общались. То, что после распада студии на ул. Дзержинского мы как-то разошлись — это не было связано ни со ссорой, ни с явным охлаждением по каким-то причинам. Это было просто пути биографии. Наши дела и интересы разошлись в очень разные стороны. Здесь наступил в каком-то смысле рубежный период его творчества: он выходил из узкого круга тематики своих песен на более широкий простор — появлялись другие песни». (2)

«Два месяца снимались практически без перерыва. Работы было много, т. к. делалось все очень быстро. Поэтому в 5 утра я уже всех поднимал, в 6 часов выезжали в степь на съемки и — пока не стемнеет. А летом темнеет поздно, возвращались где-то около 11 часов ночи. А потом набивалось в хату много народу, появлялась гитара со всеми вытекающими последствиями — часов два дух ночи пение, общение. То есть в течение двух месяцев мы практически не спали — попросту забыли, что это такое». (7)

«Тут у меня была неудача с пением. Я впервые в жизни в кино пел. И вот пришел смотреть фильм, [и] вдруг — бабочки мои! — разговариваю я своим криплым голосом, нормальным, грубым и вдруг (...) выхожу с гармошкой и пою (...) выше намного (...). Я режиссеру говорю: «Что же ты делаешь, Эдик?» А он: «Да тебя не было, понимаешь? Мы взяли — переозвучили. Я говорю: «Так не могли взять хоть немножечко с более низким голосом? [Ведь] аж народ передегеривается (...) в зале — так ясно, что поет другой человек».

Ну это бывает в кино. Да еще в «Стряпухе» меня красили. А в кино, вообще — приходишь черным — покрасят в белого и наоборот. Я все думал, зачем это делается? А потом понял, что есть у нас гримерный цех, гримеры есть — им же тоже надо работать, вот они и красят». (3)

«Около года назад телевидение показало фильм «Стряпуха», снятый в середине 60-х годов. Миллионы людей, привлеченных тем, что в одной из главных ролей снимался Высоцкий, смотрели его и были потрясены: по экрану бежал какой-то незнакомый сутягивый человек и не закрывая рта болтал гнусным тенорком. Оказывается, Высоцкого с его голосом переозвучили другим артистом, и он стал неузнаваемым! (...) Самое удивительное, что тогда (...) в 60-х это событие прошло незамеченным широкой публикой, хотя картина большим тиражом была выпущена на экраны и неоднократно показывалась по телевидению. Высоцкий, который сейчас — как сказано и в

американском телесериале «Портрет Советского Союза» — стал национальным героем, был в те годы беззащитен». (5)

«В картине Володя исполнял песню Б. Мокроусова. Это происходило так: пускали по радио фонограмму, а Володя ходил и просто растягивал гармошку. К тому же на общих планах его дублировал какой-то паренек из киногруппы.

По сюжету фильма Высоцкий должен был гонять на мотоцикле. Он сначала попробовал было сам поездить, однако ничего из этого не получилось. И в дальнейшем его тоже кто-то дублировал.

Вообще, Володя к этой роли всерьез не относился. Она была ему, как говорится, «до лампочки», как, впрочем, и всем остальным — их роли. Одного Кеосаяна что-то еще волновало. Все его, конечно, поддерживали, старались. Но без всякого энтузиазма — только бы Эдика не подвести.

А Эдик Володю пару раз чуть было не выгнал. Поскольку мы ежедневно ложились спать в 2—3 часа ночи, а в 5 уже вставали, то, естественно, на лице артиста и на его самочувствии это отражается. И Эдик был страшно недоволен, скандалил, грозился отправить его в Москву. Мы брали Володю на поруки, а сам он шутило (но для эффекта — на полном серьезе) обижался на Кеосаяна, брал бумагу и сочинял письмо Кочаряну. «На Большой Каретный, дедушке Левону Суреновичу: «Милый дедушка, забери меня скорей отсюда! Эдик меня обижает...» и т. п. — такие маленькие эпистолярные шедевры». (7)

«Потом у меня была перемена в моей судьбе киношной (...). Я стал играть людей серьезных, за спиной которых биография, интересная жизнь. Меня пригласил сниматься к себе Виктор Туров, режиссер с «Беларусьфильма», мой большой друг, человек, у которого в детстве была целая эпопея (...). На его глазах казнили отца немцы, а потом угнали его с матерью в Германию. Ему было 7 лет (...). А потом, когда их освободили американцы (...), и он и мать ушли. И потеряли [друг друга].

Он подгода скитался по Европе — добирался до России. И пришел к себе на родину в Могилев сам, пацаном девятилетним.

И вот он снимал фильм (...), он такими глазами и видит все — детскими. «Я родом из детства» — так и фильм назвала. Я думаю, что (...) он имел в виду себя, потому что там действуют пацаны, [и], наверное, один из [них] — это он». (3)

«Тогда-то вдруг выяснилось, что я вовсе не обязательно отрицательный и комедийный, потому что меня утвердили (...) на роль Володи. Человек он — серьезный. Прощел войну, горел в танке, был тяжело ранен и в 30 лет — седой, с искривленным лицом вернулся домой. Но ничто не озлобило его, он остался и добрым, и мягким, и чутким парнем». (6)

«[Мой герой] полгода лежал в госпитале и боялся посмотреть в зеркало (...) — боялся, что увидит что-нибудь страшное, что у него с лицом стало.

Потом приходит домой. Дома нет мебели, потому что все сожгли — было холодно, нечем топить. И только кто-то пожалел гитару и зеркало. И он впервые видит свое лицо после полгода госпиталя. Протирает зеркало и смотрит... [он] — седой человек в 30 лет, с шрамами на лице... А шрамы делаются в кино варварским способом...» (4)

«...натягивают кожу [на лице] и заливают коллодием [коллоидным клеем] — это такая жидкость лаковая, неприятная ужасно. И потом, когда ты снимаешься через 12 часов, — сразу лицо не расправляется. Все равно шрамы еще остаются и долго держатся...»

А еще мы обнашивали одежду в тех местах, где работаем. Я ходил в форме капитана военного времени, с нашивками о ранениях. И однажды в столовой, где я ел, старушка одна мне говорит: «Ой, милоч, как же тебя война-то покaleчила!» (...) [А] «милку-то» (...) лет 25 от роду, да и война-то кончилась 20 лет назад. Но в Белоруссии очень свежа в памяти война, потому что [там] погиб каждый четвертый [житель]». (3)

«Впервые написал я песни в этот фильм. Военные песни. Поэтому очень дорожу этой ролью и картиной». (6)

[Участие Высоцкого в фильме «Я родом из детства» действительно явилось новым этапом в развитии его творчества. Хотелось остановиться на этом подробнее. Мы предполагаем в следующем номере осветить некоторые эпизоды, связанные со съемками этого фильма и написанием песен к нему, с помощью непосредственных участников тех событий. — Авт.]

Материалы, использованные в публикации:

1. Тучин В. Из интервью с Э. П. Левиной, бывшим заведом театра на Таганке. Москва, 1988, 24 июня.

2. Акимов Б. Из интервью с заслуженным деятелем искусства, профессором Школы-студии МХАТ Е. В. Радомысленским. Москва, 1988, 4 мая.

3. Высокый В. Выступление в Центральном Доме культуры, г. Усть-Каменогорск, 1970, 14 октября.

4. Высокый В. Выступление в строительном дорожном институте, г. Усть-Каменогорск, 1970, октябрь.

5. Положа Г. Последняя песня. — «Владимир Высоцкий в кино». М., Союз кинематографистов СССР, Всесоюзное творческо-производственное объединение «Киноцентр», 1989.

6. Высокый В. Из тезисов программы выступлений, написанных для Бюро пропаганды советского киноискусства. — «Сельская молодежь», 1987, № 6.

7. Акимов Б. Из интервью с кинодраматургом В. В. Акимовым. Москва, 1988, 10 августа.

Книжка с неприличным названием

То была не интрижка:
Ты была на ладошке,
Как прекрасная книжка
В грубой суперобложке.

Я влюблен был, как мальчик;
С таким трепетом тайным
Я листал наш романчик
С неприличным названием.

Были клятвы и слезы —
Все одни и все те же.
В основном была проза —
А стихи были реже.

Твои бурные ласки

И все прочие средства —
Это страшно, как в сказке
Очень раннего детства!

Я надеялся втайне,
Что тебя не трепали...
Но тебя, как в читальне,
Очень многие брали.

Мне сказали об этом —
Можешь мне и не верить —
Под огромным секретом
Человек сорок девять!

Прочитать бы мне свадьбу —
Я молю Христом богом,
Чтоб скорей пролистать бы
Мне конец с эпилогом.

Не дождуся я мига,
Когда я с опозданием
Сдам с рук на руки книгу
С неприличным названием.

1965

* * *

Сказал себе я: брось писать!
Но руки сами просятся.
Ох, мама моя родная,
Друзья любимые!

Лежу в палате — косятся;
Не сплю: боюсь — набросятся,
Ведь рядом психи тихие,
Неизлечимые.

Бывают психи разные,
Не буйные, но грязные, —
Их лечат, морят голодом,
Их санитары бьют.

И вот что удивительно:
Все ходят без смирительных,
И то, что мне приносит,
Всё психи эти жрут.

Куда там Достоевскому
С записками известными!
Увидел бы покойничек,
Как бьют об двери лбы.

И рассказать бы Гоголю
Про нашу жизнь убогую, —
Ей-богу, этот Гоголь бы
нам не поверил бы.

Вот это мука, плюю на них,
Они ж ведь, суки, буйные,
Все норовят меня лизнуть —
ей-богу, нету сил.

Вчера в палате номер семь
Один свихнулся насовсем:
Кричал: «Даешь Америку!»
и санитаров бил.

Я не желаю славы, и
Пока я в полном здравии;
Рассудок не померк еще —
но это впереди.

Вот главврачи — женщина,
Пусть тихо, но помешана.

Я говорю: «Сойду с ума!»,
она мне: «Подожди!»

Я жду, но чувствую уже:
Хожу по лезвию ноже,
Забыл алфавит, падежей
припомнил только два...

И я прошу моих друзей,
Чтоб кто бы их бы не был я,
Забрать его, ему, меня
отсос-до-ва!

1965

Примечания.

«Книжка с неприличным названием» — другое название: «Про хорошую книжку».

Курсивом выделены строки, исполненные лишь однажды. В дальнейшем они не встречались — из двух последних куплетов автор сделал один.

В устоявшемся варианте авторского исполнения некоторые строки звучат по-другому:

9-я — Были слезы, угрозы —
18-я — Что тебя не ластали...
20-я — Слишком многие брали.
29-я (окончательно — 21-я) —

Не дожидаться мне мига,
«Сказал себе я: брось писать...» —
в раннем из зафиксированных
исполнений строки 19 — 24 и 25 —
32 меняются местами.

Публикуемые тексты песен определены по известным на 1 января 1989 года фонограммам авторских исполнений 1965 — 1974 годов.

Публикация О. Терентьева и Б. Акимова

От авторов.

По-прежнему поступают предложения читателей о публикации интервью с «персонажами» данной повести целиком. Поясним, чтобы больше к этому не возвращаться: воспоминания товарищей и коллег Высоцкого охватывают порой довольно значительные периоды его жизни. Повесть же предполагает развитие событий строго хронологически. Поэтому все интересные материалы, касающиеся творческой судьбы Высоцкого, читателю будут представлены... в свое время.

Что же касается полностью опубликованных интервью, то советуем прочитать книгу журналиста В. Перевозчика «Живая жизнь» (штрихи к биографии В. Высоцкого), вышедшую в издательстве «Московский рабочий» в конце прошлого года. Несмотря на то, что автор не особенно утруждал себя проверкой сообщенных ему сведений (отсюда досадные неточности — например, в беседе с В. П. Янковичем и некоторых других интервью), название книги соответствует ее содержанию: «она наполнена живым словом: встречами и беседами с людьми, знавшими Высоцкого, — его товарищами по детству, по театру».

Габровские анекдоты

О габровцах рассказывают, что...

...покупают на топку только сучковатые поленья, чтобы погреться два раза: сначала — когда их колешь, а потом — когда они горят.

...они отрубают кошкам хвосты, ибо, когда зимой такую кошку выпускают в дом или выпускают во двор, меньше выходит тепла.

...по воскресеньям танцуют хоро в домашних шерстяных тапочках, чтобы слышать музыку из соседнего города Севалиево.

...ночью останавливают часы, чтобы зря не изнашивался их механизм.

...они так солят воблу, что с одной рыбкой съедают по три каравая и хватает им этой еды на целую неделю.

...женятся они на тоненьких девушках — такая жена и места в доме будет занимать немного, и ситца ей на платье пойдет меньше.

...ночью они зажигают в курятнике лампы, чтобы куры подумали, что уже рассвело, и снесли еще раз.

...закуривая, расщепляют спичку надвое, чтобы использовать ее дважды.

...пьют только красное вино: от него хотя бы краска остается, а от белого — ничего!

...делают в куриных гнездах дырку, а под ней прилаживают мешочек. Курица снесет яйцо; обернется — глядь, а яйца и нет. Что поделаешь? Приходится сносить новое.

...когда они угощают чаем, то нагревают ножи, чтобы нельзя было брать масло...

...высокопоставленным гостям своего города они дарят в знак особого уважения домашних голубей. Выпущенные на волю, голуби возвращаются домой.

...когда вееры были в моде, бережливые габровки не обмахивались ими, а качали перед ними головой.

Бесплатный совет

Габровец встретил на улице знакомого врача и, желая получить бесплатный совет, спросил:

— Доктор, что ты делаешь, когда простынешь?

— Чихаю, — ответил врач, который тоже был коренным габровцем.

Среди габровцев

— Где твоё обручальное кольцо?

— Эту неделю его носит моя жена.

Ничего не вышло

Взялся габровец чинить дверь. Послал маленького сына к соседу за теслом. Немного погодя ребенок вернулся с пустыми руками. Сосед солгал, что у него нет тесла.

— Какой скряга! — возмутился отец. — Ну, раз ничего не вышло, ступай, принеси из подвала наше.

Гостеприимство

Приехал однажды в гости к габровцу друг-однополчанин, и тот сразу повел его знакомиться с достопримечательностями города. Ходили они, ходили и, когда настало время обедать, габровец подвел гостя к ресторану и сказал:

— Здесь ты можешь дешево пообедать, а я пока сбегаю домой...

В эру наполеондоров

Однажды поздним вечером габровец сошел с поезда на софийском вокзале. Он взял извозчика и сказал:

— Гони к Ючбунару!

«Сдеру с него, раз не торгуется», — подумал извозчик.

Когда они уже подъезжали к Ючбунару, этому украинному кварталу Софии, габровец неожиданно закричал:

— Погоди! Стой!.. Ну и рас-тяпа же я!

Он слез с фазтона и принялся рыться в карманах.

— Где-то у меня спички были... посветить надо... Понимаешь, урони я в фазтоне наполеондор, он, наверное, под сиденье закатился, в темноте-то не видно...

Тут извозчик стеганул лошадей, и они помчались во весь опор.

Габровец ухмыльнулся и свернул в переулок.

Первые урки

Отец купил сыну новые ботинки. Отправились они вечером в гости к родственникам. По дороге отец спросил сына:

— Ты в новых ботинках, сынко?

— Да, папа.

— Тогда не семени, шагай пошире, — посоветовал отец.

Настоящая габровка

Габровец купил автомобиль. Однако, расплачиваясь, он задержал часть его стоимости в виде гарантии, сроком на месяц. Не прошло и трех дней, как продавец получил обратно автомобильный гудок со следующей запиской от жены покупателя: «Возвращаю Вам гудок, так как мой муж, потренировавшись, выучился сам гудеть. Вычтите стоимость гудка из остатка причитающейся Вам суммы».

Резонный ответ

Зажумная габровка навестила своих родителей. Собираясь уходить домой, она остановилась в дверях и спросила:

— Я ничего не забыла у вас?

— Чтобы забыть что-то, надо было сперва это «что-то» принести! — отозвалась мать.

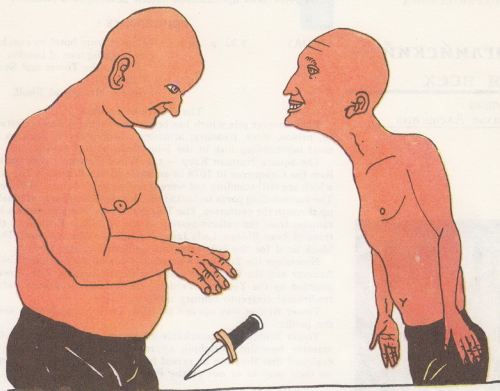
Тогда — только горчицу

Габровец попросил продавца взвесить ему сто граммов колбасы. Продавец подал ему колбасу вместе с тюбиком горчицы.

— Но я не просил горчицы! — удивился габровец.

— Она бесплатная, к колбасе!

— Тогда дайте мне только горчицу!

обезоруживающая улыбка.

КАРИКАТУРА

Графика А. Джикия

Предусмотрительность

Габровец выбирал материал на костюм.

— Извините, почему вы так тщательно рассматриваете изнанку? — спросил продавец.

— Чтобы увидеть, как костюм будет выглядеть на мне через несколько лет.

Попался

Некий габровец, переселившийся в Софию, никогда не покупал сигарет. Он пользовался тем, кто в таком большом городе никто его не знает и, когда ему хотелось покурить, обращался к первому встречному, дымящему сигаретой.

— Извиняюсь, приятель, не найдется ли у вас закурить?

При этом, чтобы его не сочли за попрошайку, он протягивал прохожему монетку:

— Вот вам десять стотинков!

Все угощали его сигаретами, но денег не брали. Так габровец

перебивался годами. Но однажды человек, который дал ему сигарету, не отказался от десяти стотинков, а с невозмутимым видом положил их в карман. Хитрец оторопел, потом смекнул что-то, догнал прохожего и спросил:

— Откуда вы родом?

— Из Габрова, — с достоинством ответил тот.

Верный признак

— Дай мне пять яиц от черной курицы, — попросил габровец продавщицу. Женщина удивилась и сказала:

— Если ты можешь их различить, выбирай!

Габровец выбрал самые крупные яйца, заплатил и ушел.

Тюк

Габровец приехал в Софию с огромным тюком. Сел в трамвай и подал кондуктору мелочь на один билет.

— За провоз багажа возьмите еще один двойной билет, — сказал кондуктор.

Тогда габровец развязал тюк и сказал:

— Вылезай, Пенчо! «Тюком» ты стбишь дороже.

Два сапога пара

Однажды к известному габровскому торговцу и ростовщику Миноу Попу приехал в гости его поставщик. Поужинав, они уселись на рожожке и завели разговор. Через некоторое время хозяин погасил лампу и сказал:

— Нечего понапрасну жечь керосин. Мы и так хорошо слышим и понимаем друг друга.

Поговорили. Гость собрался уходить. Хозяин хотел зажечь лампу.

— Погоди! — остановил его гость. — Пока мы сидели в темноте, я снял штаны, чтобы зря не протирались.

Английский — для всех

Ведущая
Наталья Алешкина

PROGRAMME *

FRIDAY 9.30 a. m. Depart from hotel by coach for a sightseeing tour of London, including visits to the Tower and St. Paul's Cathedral.
Guide: Mr. David Sholl.

The Tower of London

This massive pile which has been at one time or another citadel, palace, prison, mint, treasury, armoury, observatory is perhaps London's most outstanding link in the long chain of its history.

The square Norman Keep — the White Tower — was built by William the Conqueror in 1078 in an angle of the Roman Wall, portions of which are still standing and were standing years before. William arrived. The surrounding parts including the Bloody Tower have gradually grown up through the centuries. The Tower has seen many atrocities in its time ranging from the callous murder of the two little Princes to the executions of Anne Boleyn, Lady Jane Guy and Sir Thomas More. The axe and block used for the beheading are exhibited in the Tower.

Nowadays the Tower is a museum, housing the National Collection of Armour and the Crown Jewels and Royal Regalia. The Tower is still guarded by the Yeomen Warders, the famous Beefeaters, who wear a traditional sixteenth-century uniform.

Tower Bridge was opened in 1894. Its lofty walkways are open to the public.

Tower Bridge is a remarkable monument to the ingenuity of man. Its massive bascules, weighing approximately 1.000 tons, are so finely designed that they can be raised in a matter of minutes to enable ships to their way in or out of the Pool of London.

St. Paul's Cathedral

The City's greatest monument, St. Paul's Cathedral was built by Sir Christopher Wren between 1675 and 1710 to replace the old Cathedral that was largely destroyed in the Great Fire of 1666.

* Ниже даны слова, которые помогут Вам понять содержание текста.

St. Paul's Cathedral

The dome, perhaps, the best known of London's landmarks, is 365 feet high, and beneath it is the celebrated «Whispering Gallery».

Christopher Wren is buried there. His tombstone bears a Latin inscription, «Lector, si monumentum requiris» (Reader, if you seek his monument, look around you). Among the many memorials to famous men within the Cathedral are the tombs of Wellington, victor of Waterloo, and Nelson, hero of Trafalgar.

После ланча Сергей просматривал у себя в номере английские газеты. Около 5 часов пришли Эдна и Джон. Когда Сергей открыл дверь, он сразу узнал Эдну по той фотографии, которую Джон показывал ему в самолете.

S. Hello, John.

J. Hello, Serge. This is Edna. Let me introduce you to her.

S. Hello, Edna. I'm so glad to meet you. John has told me so much about you.

E. I'm very glad to meet you too. John and I are going to take you out tonight. Where would you like to go? To the cinema, to a pub or to a disco?

S. To a pub? What's that?

E. Oh, you don't know what English pubs are. I'll tell you about them. Pubs have been part of the British way of life for years and years and years. I've heard that when the Romans came to England in 55 BC they noted that the Britains regularly met in their taverns to drink ale and discuss problems. Nothing much has changed since then. We still go to a pub to meet friends and have a chat. You can also buy food in some pubs: they serve hot sausages, scotch eggs, pork pies,

sandwiches or a ploughman's lunch. That's bread, cheese and pickle. The pub is now a social centre for the local community. All kinds of meetings take place in pubs. Pubs have always advertised by putting a sign in front of the building.

S. That's very interesting.

J. So, are we going to a pub?

E. Maybe we shall go to the ABC?

S. The ABC? What is that?

E. It's a cinema. There are lots of them all over England. We can see a thriller if you like.

J. I have a weekly programme «What's on» in my pocket. So let's see what other entertainments are on tonight.

Все трое просматривают программу.

E. What about going to the «Hot Cats Disco». It's playing pop music tonight.

J. Look, we can also go to the Folk Club. They've got an Irish group tonight. People are friendly there.

E. I know you like folk music, John. Here is another interesting piece of information. On Friday afternoon the American guitarist will be playing at 5.30 p. m. Tickets cost two pounds fifty each. You won't have to reserve a seat. If you like American folk songs come along on Friday at half past four and bring your friends.

J. Edna, it's a quarter to six now. We're late. What about the Jazz Club? It's traditional jazz on Friday. There's a great atmosphere — very relaxed. Well, where are we going?

S. Where would you like to go, Edna?

E. I don't know if I want to go to the Folk Club. It doesn't sound my cup of tea. I'd like to go to the ABC or to the Jazz Club. What about you, Serge?

S. I'd like to go to the ABC.

J. Settled. OK. then. Let's hurry up.

S. Do you know what's on there?

J. I don't know for sure but I think some detective film is on.

Через 30 минут Эдна, Джон и Сергей были около кинотеатра «ABC».

Screen 1.	— to Saturday	— Gone with the wind
Screen 2.	— to Saturday	— Goldfinger
Screen 3.	— to Sunday	— Death on the Nile

Просмотрев афишу, они решили пойти на фильм «Death on the Nile» по одноименному роману Агаты Кристи. Когда фильм закончился, Сергей был очень удивлен, что не все зрители покидают зал. Он спросил об этом Джона.

S. Why aren't all the people leaving?

J. The fact is that you can stay in the cinema as long as you like.

S. How peculiar!

J. Where are we going now?

S. It's rather late.

J. So we're taking you to the hotel.

S. Thank you.

On the way to the hotel.

J. Did you enjoy the film?

S. Yes, it was exciting. But it seems to me some people didn't like it.

J. You know «tastes differ». Different people can have different opinions about the same thing.

E. Once I looked through some comic book and saw a very funny cartoon there. It shows how differently people can express themselves while watching the same performance. I cut it out. I think I have it in my purse. Here you are, Serge. Keep it to yourself.

S. Thank you.

Прогулявшись немного по городу, Джон и Эдна проводили Сергея в гостиницу. Сергей поблагодарил их за прекрасный вечер, и они попрощались.

Когда Сергей пришел к себе в номер, он рассмотрел картинку, которую ему дала Эдна. Действительно, она была очень забавная.

Jazz
AT THE BRITISH
COUNCIL
JAZZ
GROUP
EVERY FRIDAY
8.00 P.M.
MAIN HALL

Vocabulary

at one time or another

— в разные периоды (истории Англии)

Norman Keep

ranging from to
The Tower is still guarded by the
Yeomen Warders

the famous Beefeaters

walkways
in a matter of minutes

Whispering Gallery

his tombstone bears a Latin
inscription

to take smbd out

Where would you like to go?
take place
thriller

What's on?
What about going to...
let's see what other
entertainments are on tonight
Here is another piece of
information

You won't have to reserve a seat

bring your friends

there's a great atmosphere —
very relaxed

Where are we going?
I don't know if I want to go to...

It doesn't sound my cup of tea
I don't know for sure, but...

We are taking you to the hotel
tastes differ
purse

— одна из башен Тауэра времен
владычества норманнов

— эд.: включая...

— Тауэр до сих пор охраняется
лейб-гвардейцами — страж-
никами Лондонского Тауэра

— Бифитеры (мясоеды) — про-
звище стражников

— пешеходные дорожки

— очень быстро (в течение не-
скольких минут)

— «Галерея шепота» известна сво-
им акустическим эффектом:
слово, сказанное тихо на одной
ее стороне, отчетливо слышно
у противоположной стены, хотя
диаметр купола равен 32 м

— на его надгробной плите на ла-
тинском языке надпись

— пригласить (в кино, театр и
т. д.)

— Куда бы Вы хотели пойти?

— происходить

— боевик

— Что идет? (в кино, театре)

— Как насчет того, чтобы пойти...

— давайте посмотрим, куда еще
можно пойти

— Вот еще информация

— Вам не нужно будет заранее
заказывать билеты

— приходите с друзьями (возьми-
те с собой друзей)

— там приятная атмосфера —
очень непринужденная

— Куда мы идем?

— Я не знаю, хочу ли я пойти...

— Это не в моем вкусе

— Я не знаю точно, но...

— Мы проводим Вас в гостиницу

— о вкусах не спорят

— женская сумочка

Просим Вас выполнить следующие задания:

I. Если Вы встретитесь с английскими студентами, они будут
приятно удивлены, если в беседе с ними выяснится, что Вы знакомы
с такими достопримечательностями Лондона, как Тауэр и собор Свя-
того Павла. Потренируйтесь заранее. Расскажите Вашему собесед-
нику об этих достопримечательностях.

II. Какие вопросы Вы бы задали гиду по Лондону после его расска-
за о Тауэре и о соборе Святого Павла?

III. Найдите в тексте следующие словосочетания и предложения:
1). to take smbd. out 2). Where would you like to go? 3). to take place
4). What is on tonight? 5). What about going to? 6). It's playing pop
music tonight. 7). to reserve a seat 8). bring your friends 9). we are late
10). What about the Jazz Club? There's a great atmosphere — very
relaxed. 11). I don't know if I want to go to... 12). It doesn't sound my
cup of tea. 13). Let's hurry up. 14). I don't know for sure but I think...
15). We are taking you to... 16). Did you enjoy the film?

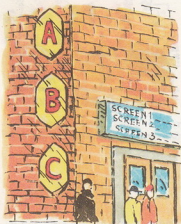
Составьте и разыграйте диалоги, включив в них эти слова и пред-
ложения. **Образец:**

J. Hello, Steve.

S. Hello, Jane. What about going to the cinema tonight?

J. What's on?

S. «Death on the Nile». Have you seen it?

- J. Not yet, but I'd like to see it.
 S. Well... OK. then.
 J. See you outside about half past seven.

great marvelous fantastic

horrible terrible awful

Уважаемые читатели!

За время публикации уроков английского языка были допущены следующие буквенные опечатки в текстах: № 12, 1988, стр. 58: Key (2) Ann translated...

№ 1, 1989, стр. 71,
 11-я строка сверху: ...quite right.

№ 2, 1989, стр. 67,
 22-я строка сверху: ...ejjoy your stay in London.

№ 3, 1989, стр. 67:
 а) 1-я строка сверху: Buckingham;
 б) стр. 68, 17-я строка сверху: No, I couldn't;
 в) стр. 70, № 7: ...if you don't mind.

IV. Посмотрите на картинку, которую Эдна дала Сергею. Разыграйте несколько диалогов, употребляя слова, данные под картинкой. Приводим два мини-диалога.

- A. I think Sting is great.
 B. Yes, he is. He's fantastic.

- A. I think Madonna is terrible.
 B. No, she isn't. She's wonderful.

V. Если бы Вы были в этот день в Лондоне, что бы Вы выбрали из той программы, которую просматривали Эдна, Джон и Сергей.

VI. 1. Вместе с Вашим другом прочитайте весь диалог между Сергеем и Джоном.

2. Передайте журнал Вашему другу. Он будет читать по журналу репаики от имени Джона, а Вы, не заглядывая в журнал, выступите в роли Сергея. Естественно, Вы что-то измените, что-то добавите. Если ошибетесь — не беда. **Повторяем:** лучше говорить с ошибками, чем не говорить совсем.

3. Поменяйтесь ролями.
 4. Закройте журнал и воспроизведите диалог.

VII. По дороге в гостиницу Джон и Эдна интересовались, как студенты проводят свободное время в Советском Союзе, какие они предпочитают фильмы, часто ли ходят в кино, театр, на выставки и т. д. Мы приводим часть из этих вопросов. Что Вы на них ответите?

1. What do you usually do in your spare time?
2. Do you often go out?
3. Do you often take your friends out?
4. Where do you take them?
5. How often do you go to the cinema?
6. Do you find going to the cinema expensive?
 pleasant?
 difficult to arrange?
7. Do you like to watch TV? What kind of programme do you usually watch?
 news broadcast? cartoon?
 documentary? sport?
 comedy? something else?
 thriller?
8. Do you often go to a disco?
9. How long do you usually stay there?
10. What kind of music do you like?
11. What do you think about pop music?
12. What are your favourite pop songs?

VIII. Составьте диалоги на основе следующих ситуаций:
 Эдна приехала в Москву.

1. Представьте ее Вашим друзьям.
2. Составьте культурную программу для Эдны. Спросите: какие достопримечательности она хочет посмотреть, в какой пойти театр, какой посмотреть фильм, какую посетить выставку, какие послушать молодежные ансамбли и т. д.

В связи с наступлением летних каникул мы прерываем наш курс на три месяца. Надеемся, что летом вам представится возможность на практике применить наши уроки. До встречи в № 9.

Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей

Тысячи коммивояжеров, устанавливая обсервационные и низкоквалифицируемые, топчут сегодня мостовые. Почему? Потому что они всегда думают только о том, чего хотят они сами, и не понимают, что ни вы, ни я не хотим ничего покупать, а если бы у нас появилось такое желание, то пошли бы и купили без их помощи. Мы постоянно заинтересованы в решении своих проблем. И если коммивояжер сумеет показать нам, каким образом его услуги или его товары помогут разрешить наши проблемы, у него не будет необходимости убеждать нас. Мы купим. Покупателю приятно сознавать, что он сделал покупку, руководствуясь собственными соображениями.

Однако многие люди всю жизнь занимаются торговлей, не умея смотреть на вещи под углом зрения покупателя. Например, я живу в Форест-Хилле, в маленьком оазисе частных домиков в центре громадного Нью-Йорка. Однажды, когда спешил на станцию метро, мне случайно попался навстречу маклер, который в течение многих лет занимался куплей и продажей недвижимого имущества в районе Лонг-Айленда.

Он великолепно знал Форест-Хилл, и я мельком спросил его, из какого кирпича построен мой дом, из армированного металлической сеткой или пустотелого? Он ответил, что не знает, и порекомендовала то, что я и без него знал или мог это выяснить, позвонив в Форест-Хилл-Гарденс Ассоциэйшен. На следующее утро я получил от него письмо. Дал ли он мне информацию, которую я хотел получить? Он мог сообщить ее за шесть секунд по телефону. Но он не сделал этого, а опять напомнил, что я мог бы получить ее, позвонив в страховую компанию, затем предложил поручить ему страхование моего имущества.

Он не был заинтересован в том, чтобы помочь мне, его интересовали только собственные дела.

Мне следовало бы дать ему парочку превосходных маленьких книг для юношества: «Лучший подарок» и «Делить удачу».

Если бы он прочел эти книги и усвоил изложенные в них взгляды, это дало бы ему в тысячу раз больше выгоды, чем заказ на страхование моего имущества.

Профессионалам свойственна одна и та же ошибка. Несколько лет тому назад я зашел в офис широко известного ларинголога в Филадельфии. Прежде чем хотя бы взглянуть на мои миндалины, он спросил меня, чем я занимаюсь. Его не интересовало состояние моих миндалин, его интересовало состояние моего кошелька. Его главной заботой было не то, как помочь мне, а сколько он может получить с меня. В результате он не получил ничего. Я вышел из его кабинки с чувством презрения к нему.

Мир полон жадных и корыстных. И редкий человек, искренне стремящийся быть полезным другим, обладает огромным преимуществом. У него мало конкурентов.

Оуэн Д. Юнг сказал: «Человек, способный поставить себя на место другого, способный понять его образ мышления, может не беспокоиться о том, какое будущее его ожидает».

Если по прочтении этой книги вы приобретете самое нужное — склонность всегда становиться на точку зрения другого, смотреть на вещи под углом его зрения, это может оказаться важной вехой в вашей карьере.

Множество людей оканчивают колледж, научившись в подлиннике читать Вергилия и овладев таинствами исчисления, но не получив ни малейшего представления о том, каким образом они мыслят сами. Например, однажды я вел курс «Ораторское искусство» для выпускников колледжей, зачисленных на службу в Транспорт-

ную корпорацию, Нью-Арк, Нью-Джерси.

Один из них хотел убедить других играть в баскетбол. Вот что он говорил при этом: «Хочу из вас сделать настоящих людей и научить играть в баскетбол. Очень люблю играть в баскетбол, но в последнее время в спортзале нам не хватало людей для игры. На днях двое или трое из нас столкнулись в борьбе за мяч, и я получил здоровый синяк под глазом. Очень бы хотел, чтобы вы, ребята, пришли завтра вечером».

Сказал ли он хоть что-нибудь о ваших желаниях? Хотите ли вы пойти в спортзал, куда никто не ходит? Очень ли вас волнует его желание? Не хотите ли вы получить синяк под глазом?

А мог ли он указать на привлекательные для вас стороны посещения спортзала? Несомненно. Большая энергия. Лучший аппетит. Более ясное мышление. Веселье. Игры и т. д.

Повторим мудрый совет профессора Оверстрита: «Прежде всего пробудите в нем (другом человеке) какое-нибудь сильное желание. Кто способен сделать это, с тем — весь мир. Кто не способен — идет в одиночестве».

Один из студентов в порядке аутотренинга решил применить усвоенные знания в домашней жизни. Его беспокоили некоторые проблемы воспитания сына. Мальчик был художничок и отказывался есть сам. Родители использовали обычные в таких случаях методы. Они «распекали» и «пилили». «Мама хочет, чтобы ты съел вот это и вот то». «Папа хочет, чтобы бы вырос и стал большим мужчиной».

Обращал ли мальчик хоть какое-то внимание на эти пожелания? Ровно столько, сколько обращаете вы на песчинку, прогуливаясь по песчаному пляжу.

Ни один человек с крупицей здравого смысла не станет возлагать надежду на то, что трехлетний ребенок примет во

внимание точку зрения тридцатилетнего отца. Тем не менее это была именно тот случай, когда отец надеялся. Это было абсурдно. Он в конце концов увидел это. И тогда он сказал себе: «Что же можно сделать, чтобы у малыша появилось желание кушать? Как мне связать то, чего хочу я, с тем, чего хочет он?»

Это оказалось не так уж трудно, стоило ему только задуматься над этим. У его сына был трехколесный велосипед, на котором он любил кататься по тротуару перед их домом в Бруклине. Несколькими домами дальше по этой улице жила «опасность», как выражаются в Голливуде, — мальчик побольше, который стаскивал малыша с велосипеда и катался сам.

Естественно, малыш с плачем бежал к маме, и ей приходилось выходить, снимая с велосипеда «опасность» и вновь усаживать на него малыша. Так случалось почти каждый день.

Что же хотел маленький мальчик? Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы найти ответ. Его гордость, его гнев, его желание ошутить свою значительность — все его самые сильные эмоции побуждали его стремиться к отщепеню, к тому, чтобы разбить «опасности» нос. И когда его отец сказал ему, что он сможет так стукнуть большого «приставалау», что у того в глазах потемнеет, еси только он будет кушать все, что дает мама, — когда отец дал ему надежду на это, проблемы вскоре исчезли. Этот мальчик стал есть шпинат, кислую капусту, соленую скумбрию — любую пищу с целью стать достаточно большим, чтобы задать трепку задире, так часто унижавшему его...

Другой отец, студент этого же курса, не мог приучить свою трехлетнюю дочь завтракать. Обычные методы выговоров, просьб и уговоров оканчивались одинаково безуспешно. И вот ее родители спросили сами себя: «Как можно заставить ее захотеть есть?»

Маленькая девочка любила подражать матери, ей нравилось чувствовать себя взрослой. Итак, однажды утром они поставили ее на стул и разрешили ей самой приготовить завтрак. В самый подходящий психологический момент — в то время

как она размешивала соевое стряпню, отец медленно вошел в кухню. Увидев его, она сказала: «Ах, посмотри, папа, я приготовила овсяные хлопья на завтрак!»

В это утро она съела две порции овсяных хлопьев без всяких уговоров, потому что она была заинтересована в этом. Она обрела чувство своей значительности; в приготовлении пищи она нашла способ самовыражения.

Уильям Винтер заметил однажды, что «самовыражение — это главная настоятельная потребность человеческой природы».

Почему бы нам не использовать знание законов психологии в деловой жизни? Предположим, у вас появилась прекрасная идея. Почему бы вместо того, чтобы заставить другого считать ее нашей, не предоставить ему возможность самому состряпать и размешать эту идею. Он будет тогда смотреть на нее как на свою собственную, она понравится ему, и, может быть, он съест две порции.

Запомним: «Прежде всего возбудите в другом сильное желание. Кто способен поступать так, с тем — весь мир. Кто не способен — идет в одиночестве».

Девять советов, как извлечь наибольшую пользу из этой книги

1. Если вы хотите получить наибольшую пользу от этой книги, учтите одно обязательное и наиболее существенное условие, бесконечно более важное, чем любые правила или приемы. Не выполнив это основное условие, тысяча правил по изучению принесет вам мало пользы.

Что же это за магическое условие? Вот оно: глубокое, деятельное желание научиться, твердая решимость повысить свое умение обращаться с людьми.

Каким образом вы можете развить в себе подобное стремление? Постоянным напоминанием самому себе о том, как важны эти принципы для вас. Рисуйте в своем воображении, что овладение ими поможет вам в быстром продвижении к высокому положению

в обществе и к финансовым успехам. Повторяйте себе снова и снова: «Моя популярность, моя удача и мой доход зависят не в малой степени от моего искусства обращения с людьми».

2. Читайте каждую главу быстро, чтобы получить первое впечатление от нее как бы с высоты птичьего полета. Вероятно, вы почувствуете искушение при этом, не снижая скорости, приняться за следующую. Не делайте этого. Если только вы не читаете просто для развлечения. Но если вы читаете для того, чтобы повысить свое искусство обращения с людьми, тогда вернитесь и вновь прочтите тщательнейшим образом эту главу. В конце концов это сэкономит вам время и принесет желанные результаты.

3. Останавливайтесь почаще при чтении, чтобы подумать над тем, о чем вы читаете. Задайте себе вопрос, где и когда конкретно вы сможете применить каждый из предлагаемых советов. Чтение такого рода будет значительно более полезно, чем если бы вы мчались по страницам, подобно настигаемому погоней кролику.

4. Читайте с красным карандашом (с простым карандашом или авторучкой) в руке; и когда вам будет встречаться мысль, которая может, на ваш взгляд, принести вам пользу, поставьте рядом с ней черточку.

Помечая и подчеркивая, вы делаете книгу более интересной и более удобной для быстрого просмотра.

5. Знаю одного человека, который в течение пятнадцати лет служит управляющим в крупном страховом концерне. Каждый месяц он читает все страховые контракты, издаваемые его компанией. Да, он читает те же самые контракты из месяца в месяц, год за годом. Зачем? Затем, что жизненный опыт научил его, что только таким путем может он удержать ясными в своей памяти условия этих контрактов.

Я однажды потратил почти два года на написание книги об искусстве публичной речи и обнаружил, что долгие время от времени возвращаюсь назад, чтобы вспомнить, что написал в собственной книге. Быстрота,

с которой мы забываем, просто удивительна.

Итак, если вы хотите извлечь из этой книги настоящую, долговременную выгоду, не воображайте, что для этого окажется достаточным, если вы один раз тщательно снимите сливки. После того как вы ее тщательно прочтете, вам нужно будет каждый месяц выделять несколько часов для того, чтобы вновь просмотреть ее. Пусть она станет вашей настольной книгой. Почаще поглядывайте на нее. Помните постоянно о том, что богатейшие возможности для совершенствования находятся рядом с вами. Помните, что применение этих принципов может стать привычным и бессознательным только при условии постоянного и энергичного сочетания теории и практики. Другого пути нет.

6. Бернард Шоу заметил однажды: «Если вы учите человека чему-либо, он никогда этому не научится». Шоу был прав. Обучение — процесс активный. Мы учимся на деле. Если вы желаете овладеть принципами, излагаемыми в этой книге, делайте что-нибудь, руководствуясь ими. Применяйте эти правила при всяком благоприятном случае. Если вы не будете этого делать, то скоро их забудете. Только те знания, которые используются, закрепляются в нашем сознании.

Смотрите на эту книгу как на рабочий справочник человеческих отношений. Всякий раз, когда вам приходится сталкиваться с такими несколько специфическими проблемами, как воспитание детей, необходимость склонить жену к вашему взгляду на вещи или удовлетворить раздраженного клиента, остерегайтесь поступать импульсивно. Это обычно ведет к ошибкам. Советую в этом случае обратиться к страницам этой книги и просмотреть параграфы, которые вы подчеркнули. Тогда испытайте новые способы и наблюдайте за тем, какие чудесные результаты они будут приносить вам.

7. Превратите усвоение этих правил в живую игру.

8. Президент одного крупного банка однажды в беседе перед одним из моих выпускников описал высокую эффективность системы, которой он

пользовался для самоусовершенствования. Этот человек мало учился в школе, однако теперь он один из самых значительных финансистов, и он признавался, что более всего обязан своим успехом постоянному применению своей дозированной системы. Вот в чем она заключается. Изложу ее его же собственными словами, насколько мне позволяет память.

«В течение многих лет я веду книгу встреч, в которых отражены мои ежедневные деловые контакты. Моя семья никогда не строит никаких планов относительно меня на субботние вечера, так как знает, что каждую субботу часть вечера я посвящаю процессу самоанализа, обзору и оценке сделанного за неделю. После обеда ухожу к себе, открываю свою книгу и размышляю над всеми свиданиями, дискуссиями и совещаниями, имевшими место в течение минувшей недели.

Я спрашиваю себя: «Какие ошибки совершил за это время? Что из сделанного мной было правильным и что можно было сделать лучше и каким образом? Какой урок могу извлечь из этого?»

Этот еженедельный обзор часто повергал меня в отчаяние. Сколько раз меня поражало то, какие грубые ошибки я совершал. Конечно, с годами эти ошибки случаются реже. Иногда и теперь после подобного обзора я бываю склонен отшлепать самого себя. Эта система самоанализа и самовоспитания, осуществляемая мною в течение ряда лет, дала мне значительно больше, чем что-либо другое из испробованного мною. Она помогла развиться моим способностям к принятию правильных решений и оказала чрезвычайное содействие моим контактам с людьми. Как бы высоко я ни ценил ее, эта оценка будет для нее слишком высокой».

Почему бы вам не использовать эту систему для проверки применяемых вами принципов, обсуждаемых в этой книге? Поступая так, вы окажетесь в выигрыше дважды.

Во-первых, вы обнаружите, что увеликис процессом самовоспитания, который как незаменителен, так и полезен.

Во-вторых, вы убедитесь, что

ваши способности заводить и поддерживать отношения с людьми будут расти и развиваться подобно вечнозеленому дереву лавра.

9. Заведите дневник, в который следует записывать свои триумфы в применении данных результатов. Будьте конкретны. Указывайте имена, даты, результаты. Ведение таких записей вдохновит вас на большие усилия. А какими трогательными покажутся они, когда вы наткнетесь на них случайно годы спустя!

Итак, чтобы извлечь максимум пользы из данной книги:

1. Развивайте в себе глубокое, действенное стремление к овладению принципами человеческих отношений.

2. Прочитывайте каждую главу повторно, прежде чем перейти к следующей.

3. В процессе чтения останавливайтесь, чтобы спросить себя, как можете вы применить каждую из данных рекомендаций.

4. Подчеркивайте каждую значительную мысль.

5. Каждый месяц просматривайте эту книгу вновь.

6. Применяйте эти принципы при каждом удобном случае. Пользуйтесь этой книгой как рабочим справочником для решения ежедневных задач.

7. Устройте из своего обучения живую игру, предложив кому-либо из близких маленький денежный приз за каждый случай, когда он или она поймает вас на нарушении одного из данных принципов.

8. Записывайте каждую неделю успехи, которых вам удалось добиться. Спрашивайте себя, какие ошибки вы совершили, в чем достигли прогресса, какие уроки вы можете извлечь из этого на будущее.

9. Ведите дневник, указывая в нем, как и когда вы применили данные принципы.

Продолжение следует

От редакции. Убедительно просим всех читателей, кто с вниманием отнесся к этой публикации, сообщать нам свои дополнения к каждой позиции Дейла Карнеги.

Опирайтесь при этом на собственный опыт, а также на исторические примеры, почерпнутые вами из прочитанных книг.

Не стоит изобретать известное!

Американский специалист-компьютерщик Рик Бриггс высказал предположение, что санскрит наиболее «приспособлен» для использования в ЭВМ. Этот естественный, а не искусственный язык, по его мнению, идеален для ввода суммарных сведений в компьютер. Бриггс утверждает, что древние санскритские грамматики-философы занимались, и небезуспешно, решением проблемы, касающейся естественного языка. По их мнению, главное значение принадлежало глагольному корню, несущему смысл основного действия. Бриггс приводит ряд примеров, доказывающих, что сов-

ременные специалисты, работающие над созданием искусственного интеллекта, сумеют извлечь исключительную пользу в своих разработках, изучая санскрит древних научных трактатов. Особый интерес, по мнению ученого, представляет разновидность санскрита «виякаранааштра». Бриггс считает, что до тех пор, пока «виякаранааштру» досконально не изучат, специалистам по созданию искусственного интеллекта придется буквально заново изобретать колесо.

Вакансия по росчерку пера

Известно, что почерк в определенной мере отражает характер

человека. В американском городе Фениксе ученые составили компьютерную программу, предназначенную для анализа почерков претендентов на вакантные места. В ее основе заложены результаты исследований почерков пятисот тысяч человек. Компьютер, совершающий около пятисот тысяч операций в секунду, мгновенно выдает «характеристику» претендента, содержащую подробные ответы на сто тридцать пунктов.

Подати за благовонный тальк

Сегодняшние почитательницы кремов, утренних и вечерних мазей и макияжа вряд ли подозревают, что в давние времена

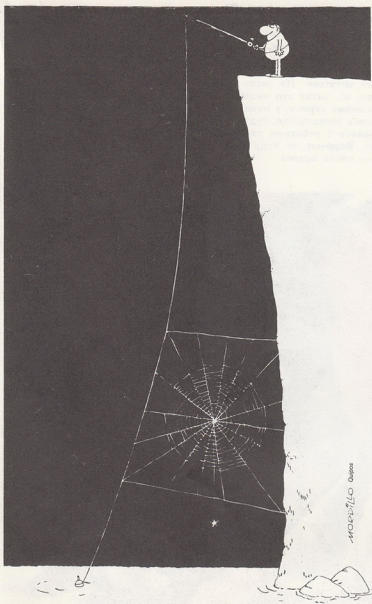
Фото из журнала «Лайф»

На снимке — ясное свидетельство, что не все панды при еде пользуются палочками. Вэй-Вэй, житель Шанхая, явно пред-

почитает свои пирожки есть европейски. Зато, как и полагается в Китае, тринадцатилетняя панда катается на велосипеде и

даже играет на музыкальном рожке — правда, немного фальшивит.

Графика Mordillo

есть коммерция, и торговля знаниями ничем не хуже любой другой.

Когда голова ни к чему

Весьма заурядно успевающий западногерманский студент Ганс Хартман отличался блестящим здоровьем. Но даже он «заработал» радикулит, когда решил принять участие в весьма необычных соревнованиях. Еще бы, ведь нужно было выявить победителя из тех, кто дольше всех просидит на глыбе льда... Как вы уже догадались, чемпионом стал Ганс Хартман, выдержавший целых два с половиной часа. К слову сказать, что по правилам «спортсмен» допускался к соревнованиям совершенно голым.

Приоритет отдан дамам

У кого лучше обоняние? На этот вопрос анкеты, проведенной журналом «Нэшнл джиографик» (в ней приняли участие 500 тысяч человек), ответ однозначный: у женщин. Принявшим участие в этом опросе надо было различить и узнать запахи шести специально ароматизированных страниц журнала (для этого использовались духи и одеколоны) и направить свои ответы в редакцию. Правильно в подавляющем большинстве ответили именно читательницы. Удивительным оказалось и то, что женщины, которые работают в городах, значительно точнее определяют различные ароматы по сравнению с теми, кто живет и работает на чистом воздухе.

Первокурсница

Всеобщее внимание студентов и преподавателей одного из нью-йоркских вузов привлекает студентка, поступившая на первый курс. Зовут первокурсницу Берта Фармер, а от роду ей... 85 лет. К феноменальной студентке проявили интерес и репортеры. Старушка заявила журналистам, что с ранней юности мечтала получить высшее образование, но поскольку она из бедной семьи, то средств на учебу не было. Фармер всю жизнь копила деньги. Ее мечта стать студенткой осуществилась лишь в глубокой старости.

их пристрастие считалось чуть ли не запретным. Например, в Великобритании XVIII века модникам и модницам, посыпавшим волосы и парики благовонным тальком, приходилось платить немалый налог. От податей освобождались только солдаты и отцы семейств. Впрочем, последние платили налог за двух старших дочерей.

Диссертация на заказ

В профессорско-преподавательских кругах лондонских вузов царит возмущение, отголоски скандала проникают в столичную печать. Что же так разгневало маститых ученых? В сто-

лице Великобритании открылось небольшое агентство — «Услуги для студентов». Сотрудники его за приличную мзду готовят... дипломные работы и диссертации. Плата строго по прейскуранту в зависимости от объема и сложностиopus. От студентов, папаша которых при больших деньгах, у новой конторы нет отбоя. Профессора требуют от властей прикрыть лавочку, а студентам категорически запретили обращаться в агентство. И тем не менее некоторые клиенты умудряются делать заказы через подставных лиц. Закрывать же контору никто не собирается. Это было бы «противозаконно». Коммерция

Это — жизнь!

Такой уж он человек. Появляется внезапно, как снег на голову, и так же исчезает. Я не могу найти точного определения тому, чем он увлекается. Хобби, профессия?... Пожалуй ни то, ни другое. Есть у давнего друга «Ст. М.» Михаила Туркевича такое выражение: это жизнь. Оно может быть произнесено в ситуации, когда невозможно удержаться от смеха, и наоборот, когда от отчаяния порой слезы наворачиваются на глаза.

Миша Туркевич из тех, кто не любит разбрасываться высокими словами. Может быть, потому, что он знает настоящую им цену. В горах порой не до слов, так как иногда они, произнесенные достаточно громко, могут накликать беду — в самом что ни на есть прямом смысле.

Те, кто занимается любимым делом, понимают друг друга без слов. Наглядный тому пример — связка Туркевич — Бершов. Среди них больше всего ценится не суесловие, а надежность.

Если бы меня попросили коротко охарактеризовать Мишу Туркевича, я бы сказал: он надежный человек. Так уж получилось, что во время наших кратковременных встреч я у него ни разу не спросил, что его, паренька из степного, шахтерского края, повлекло в горы. Сам отшучивается, что он — шахтер наоборот. Он никогда не говорит, за что любит горы. Но если, допустим, задать ему такой вопрос, уверен: он улыбнется, как всегда, открыто и скажет — это жизнь.

Миша Туркевич и Сережа Бершов — неразлучная пара. В составе первой гималайской экспедиции уже покоряли Эверест. Это было в 1982 году. Спустя шесть лет — еще одно восхождение. В феврале 1989 года вторая советская гималайская экспедиция выехала в Непал. Цель — попытаться покорить третью вершину планеты — Канченджангу, массив которой состоит из четырех восьмитысячников.

Перед альпинистами — а их 22 человека — неразрешимая до сих пор задача: пройти все четыре вершины с юга на запад.

Летом минувшего года во время одного из этапов подготовки кандидаты в сборную соверши-

ли восхождение в горах Тянь-Шаня на пик Победы. По мере возможности Михаил Туркевич вел дневник, отрывки из которого мы предлагаем вашему вниманию, уважаемые читатели. Не знаю, как у кого, но, читая эти наспех набросанные строки, у меня создавалось впечатление, будто я находился с ребятами там, в горах. Впрочем, не буду навязывать своих оценок.

Ко времени выхода журнала вы уже будете знать, как закончилась экспедиция. Очень надеюсь (готов три раза постучать по дереву и плюнуть через левое плечо), что Миша Туркевич более подробно расскажет по горячим следам об этом на страницах журнала. А пока любители путешествий и альпинизма могут присылать нам свои вопросы. Ждем их.

Петр Плиев

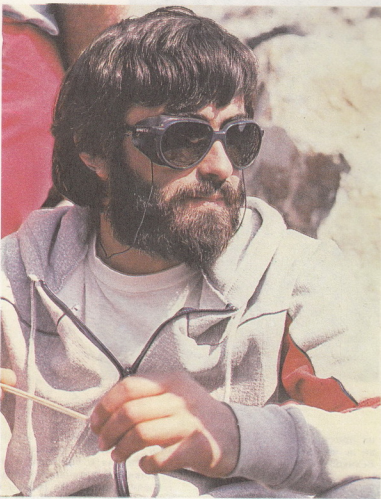

Фото С. Панина

СПОРТ. СПОРТ. СПОРТ.

Путь к вершине

Рейс Донецк — Москва задерживался на три часа — по «независящим от Аэрофлота причинам». На это время я решил съездить домой и в результате опоздал на самолет, летевший

во Фрунзе. Хорошо, догадался сделать отметку в билете о задержке, и, слава богу, перерегистрировали на следующий рейс. И за это спасибо!

Дорога, как всегда, — поло-

жительные и отрицательные эмоции, но почему-то все, что касается Аэрофлота, в большей степени отрицательные. Интересный вопрос, не правда ли? Есть еще один вид транспорта, от которого тоже приходится неслышно, — это личный автомобиль. В нашей стране его, кажется, выпускают только для того, чтобы сделать человека нищим. Подсчитайте: стоимость машины, обслуживание, система штрафов, не говоря уж о плохом качестве самих автомобилей, никудашные дороги, нехватка бензина, заплата и пр. И вы со мной согласитесь. А очереди? Полжизни в них проводишь, может, и больше... Наша сфера услуг просто-напросто перестает работать, оказывать услуги, пока к ней не выстроится длинный хвост.

Везде так. Пусть послушает, потакаются, «спустят собак» друг на друга, тогда и продавцу можно включиться усталым голосом: не мешайте работать!

Сколько неудобств, неприятностей мы доставляем друг другу, в то время как не делать этого — гораздо проще.

Досмотр багажа?

Техника уже на уровне того, чтобы увидеть, что несешь в сумке, — так нет, нужно еще и посмотреть, покопаться.

Любопытно ведь. Не слишком ли большие ножницы везете, товарищ? Мы их конфискуем, или вообще не полетите. Как будто билет куплен за их счет. Что же мне, ногти об асфальт стачивать?

Ледоруб. Это такой инструмент альпиниста, похожий на кирку. Им, если разойтись, действительно можно попортить обшивку самолета. Но в большей степени он нужен альпинисту в горах — без ледоруба там делать нечего. Это его опора и страховка. Поэтому приходится возить с собой... Из рюкзака он выглядывает своим острым штыком. Чехол шить бы, да вот не додумался. Так чуть не отняли его милиционеры в аэропорту Домодедово, заподозрив меня в лихом:

— Нельзя с собой в самолет, есть инструкция.

Вот бы всегда такая бдительность!

Наконец самолет в воздухе. Соседей нет, я один на три кресла. Скомканная ночь в аэропорту дает о себе знать. Зеваю.

Сумку под голову — и растянулся на весь ряд, откинув подлокотники. Благодать. Лететь еще долго, хоть здесь отдохну.

Опоздал на свой рейс, значит, опоздал и на автобус, который должен встречать нашу группу, чтобы везти в Пржевальск. Теперь неизвестно, сколько времени и как дальше добираться. А вдруг опоздаю и на вертолет, который будет забрасывать экспедицию в горы, что тогда?...

— У нас здесь не лежачие места. Сейчас же поднимитесь.

Это стюардесса. А с виду симпатичная. Улыбалась.

Спорить бесполезно, хотя знаю, что посадить меня они уже не смогут.

Я ее в чем-то понимаю: она работает, кофе разносит, а я... Вот и кышнула: не расслабляйся, дескать, парень.

Мне повсчастливилось несколько раз бывать за рубежом. И я всегда удивлялся, откуда там у людей сферы обслуживания столько предупредительности, такта, терпения. После всего этого создается впечатление, будто все наши работники сервиса отбывают наказание.

Да! Вредно ездить советскому человеку за границу. Насмотритесь там, а потом мечтайте... Но — надеюсь — инструкцией хамство и грубость не предусмотрены нигде.

Ледник Южный Иньльчек

Вчера прилетел сюда на вертолете под вечер. Один день ночевали на погранзаставе, где есть хорошая вертолетная площадка. По всей строгости проверили паспорта и пропуска. Потом пригласили выступить перед личным составом заставы, рассказать о предстоящей экспедиции. Создаты слушали с интересом, но вопросы задавать почти никто не решался, наверное, стеснялись присутствия своих командиров... Днем в ожидании вертолета занимались уборкой.

Год от года альпинисты и туристы затаскивают в горы тонны снаряжения, оборудования и продуктов. От всего этого остается куча отходов.

Многие понимают катастрофичность ситуации. Но выхода из положения пока не видно. Даже если погрузить мусор на вертолет, часто летающий вниз не-

загруженным, то эти отходы все равно будут валяться там, где их выгрузят. И так — по всей стране.

Здесь, на леднике, где находится наш базовый лагерь, тоже огромная свалка банок, обрывки тряпок и старой обуви, куски металла. Все это мы собрали и захоронили в одной из глубоких ледниковых трещин. Экологическую проблему вряд ли решали, но, во всяком случае, видимость чистоты есть.

Почти все уже собрались в базовом лагере. По тактическому плану две группы выходят на акклиматизацию в сторону пика Важа Пшавела, а остальные три — в сторону перевала Чон-Торэн, ориентировочно до высот 5000—5500 метров, с обязательной ночевкой на максимальной высоте.

В голове тяжесть: сказывается быстрый подъем на высоту 4000 метров. Но через пару дней, думаю, все пройдет. Живем мы в брезентовом кемпинге с Геней Василенко. Рядом с нами два других представителя Украины — Сережа Бершов и Витя Пастух, оба из Харькова.

Загружаемся кто чем: Гена — картошкой, я — рисом, кто-то сахаром и т.д. А на наш ближайший аэродром в это время садится вертолет. Кажется, прилетел руководитель экспедиции Эдуард Викентьевич Мысловский... Горы слегка укутаны облаками, а на пике Победы висит пелена непогоды.

После завтрака медосмотр. Мою восстанавливаемость доктор определяет в полторы минуты. Горло немного воспалено, и он смазывает его какой-то гадостью.

В 17.30 вертолет привез большую палатку «Анаконду», и как раз вовремя, иначе ужинать пришлось бы под снегопадом. А так, навалившись всем миром, человек 25 перетаскили ее в лагерь и быстро установили. Ужинаем под пологом.

Оттаивающий за день ледник опять весь белый, и только огромные камни чернеют. На них снег не держится. Назавтра назначен выход, а с утра анализы для КНГ — комплексной научной группы.

Получили продукты, кое-какое снаряжение.

Высота 5300. Наша палатка выше перевала Дикий. Мы в бо-

лее удачном месте, чем группа Елагина и порывы ветра пронеслись над нами. Самочувствие хорошее. Забиваемся в палатки, готовим питье. Варим спагетти на молоке, но есть не хочется.

Спать ложимся поздно. Подъем в 7.00.

Москвичи проснулись в 6.00 и разбудили нас. Но никто не шевелится, и выдерживаем до семи. В семь Бершов заводит примус, и это приводит всех в движение. Ночевку покидаем в девять.

Парни оставляют нам веревку на двух сложных участках, и это намного облегчает подъем. Выйдя из ледопада, садимся с Геной отдохнуть, а две наши связки уходят наверх. Мы догоним их только на следующей стоянке.

Наши уже утаптывают площадку под палатки. Сбрасываем надевшиеся рюкзаки и начинаем помогать. На солнце успеваем немного подсушить ботинки и носки. В пластике они очень быстро намокают, особенно когда теплая погода.

На вечер планируем прогуляться наверх, к москвичам. А пока все спят. Только играет приемник у Бершова в спальнике. Надо подремать часок.

Высота где-то 5800. Подъем сыграл в семь, в девять вышли. Идти немного, около двух часов. Рюкзаки не очень тяжелые, поэтому сразу берем хороший темп. Но вскоре сбавляем. Наверху видна тройка поднимающихся под скалы. А вскоре показались Ефимов и Каратаев. Они вверх не пошли.

Пастух спрашивает у Ефимова, кто из них пошел наверх. Я замечаю, что это нетрудно и высчитать, когда перед тобой двое из пятерых. Понятно. Это «горняшка».

Через полчаса, остав минут на 15 из наших двоек, подходим на площадку, где ночевали москвичи. У них здесь вырыта пещера. Но ночевали они в палатке. Сверху спустилась разведка-тройка — Шейнов — Елагин — Клинецкий. И тоже ушли вниз. Сегодня они будут в базовом лагере. А нам предстоит ночевка...

Бершов около часа проработал на скалах и спускается. Уходим к пещере. На пути у нас несколько трещин, но они не опасны, так как вскрыты на подъеме. Радиосвязь установлена со всеми группами. Все в порядке.

Завтра вниз, и это радует.

Спуск в базовый лагерь

Сегодня, кажется, поворотный день в Гениной судьбе. Все эти дни работал, видеть, через силу. Ребята не сразу поняли, что дела плохи. Все знают Гену как бойца, а тут... Не так уж и высоко мы забрались.

Под перевалом останавливаемся, и Пастух делает Гене несколько укулов. Разогреваем компот, и в него тоже вливаем лекарство. Все это должно помочь... Ровно в 15 часов пришли в лагерь. Врачи определили — пневмония. Быстрый спуск помог избежать более серьезных последствий.

С мечтой попасть в состав экспедиции ему придется расстаться, а может, это и к лучшему. Обморожение пальцев в 1986 году на пике Коммунизма и почти год лечения после этого не прошло бесследно.

Пока мы спускались, наверху все время стоял гул от ветра. «Как на Эвересте», — заметил Бершов.

Высота 5800. Вчера еле выгреб сюда. Наверное, в базовом лагере я так и не восстановился после первого выхода. Гена улетел вниз вместе с Моногаровым — у него разболелся зуб — и Володей Воскобойниковым, у которого закончился отпуск.

А мы в 18 часов вышли наверх. Задача одна — подняться на Важа Пшавелу. Не доходя до пещеры метров 50, Бершов спустился и забрал у меня рюкзак. А я еще минут 20 шел эти несколько десятков метров. Весь промок, продрог, пить хочется. Разулся, ребята дали теплые носки и пуховые чунки. Одед пуховик и залез в спальник. Весь вечер не мог согреться. Почти ничего не ем. Выпил четыре таблетки ребоксина. Сердце как мочалка — не так лег, чуть глубже вдохнул, и уже слышно, где оно. К ночи отпилил меня. Поел макарон, и спать.

Горячая фляга с напитком в ногах. Троциненко подсушила мои вкладыши от ботинок, и теперь их не надо сушить на себе в спальнике.

Ночью вход в пещеру завалило снегом. Часа в четыре, когда стало нечем дышать, Пастух начал откапывать завал. Кислорода настолько мало, что даже свеча не горит. Хорошо, что вовремя, иначе могли задохнуться.

Высота 6400—6500. Спусти-

лись с Важа Пшавелы. Таблетки, которые принимал на 5800, помогли. Вышел первым из нашей пятерки. Путь не очень сложный. Везде на скалах провешены веревки.

Сегодня на восхождении выяснилось, что лагерь мы поставили низкомерно. Выше есть пригодные для этой цели площадки и более удобные места.

На вершину вышли в 14 часов. Предвершинный снежный склон очень затяжной, как на Эльбурсе — идешь, идешь, а конца не видно, один подъем сменяется другим.

О такой погоде, как сейчас, даже мечтать трудно. Сказка! Светит солнце, легкий ветерок, во все стороны отличная видимость. Это в награду за отвратительную ночь. Я почти не спал. Все время задыхался. Скорей бы добраться до базового лагеря и отдохнуть, восстановиться перед траверсом.

...Когда начинаешь считать шаги, это значит, что тебе плохо. Бершов весь выход переписывает наличие продуктов. Их у нас много и в большом разнообразии. Надо бы сократить ассортимент.

Природа подарила нам удивительный день. Ночью часа в четыре я проснулся и вылез из палатки. Высота 6500. Тепло. Луна из-за Победы освещает хребет Тенгри-Так. Горы словно отлитые из серебра. Обратно в палатку влезать неохота. Во всех палатках ребята ворочаются, что-то съездов сон бормочут. Наверное, душно в пуховых мешках. Готовились же к холодной ночи, как положено.

В 5.00 проснулись москвичи, разбудив всех остальных. Но мы так рано не намечали просыпаться. У нас подъем в 6.00. Из палатки делаем несколько кадров просыпающихся гор.

В 7.00 начали двигаться. Самочувствие не очень. Но идем вниз, и это радует, — там будет лучше. Особенно в базовом лагере.

Смотрю наверх. Там должен идти Сергей, но он далеко справа, а прямо на меня, подпрыгивая, летит здоровенный камень. Мгновенно швыряю веревку в карабин, закрепленный на пояском ремне. Если упадет, то хоть на веревке останусь висеть. Стараясь угадать траекторию полета непрошеного гостя, но

это невозможно. Уворачиваться в последний момент. Пронесло, да и ладно. Только теперь чаще поглядываю наверх; безразличия полное. Желание одно — побыстрее вниз.

Тяжелым был для меня этот выход.

Заканчивается июль. И, кажется, начинается плохая погода. С утра моросит дождик. Вокруг сплошная облачность. Но работа КНГ не отменяется. До зарядки и завтрака сдаем анализы. Перед обедом — разбор восхождений. Основные вопросы: выяснилось, что с Восточной Победы сейчас спуск очень опасный, оголился лед, обычно покрытый слоем снега. Также не поставили флажки для ориентиров на случай плохой видимости.

Второе: почти все высказались за то, чтобы женщин на трассе не брать.

Мысловский считает: главное — это безопасность; никакие срывы не должно быть, так как окончательное утверждение экспедиции еще впереди.

Утром Пастух высказал подозрение, что у меня желтуха. Пью таблетки, но не все, которые он мне прописал. Думаю, что не желтуха. Хотя самочувствие скверное: какой-то дискомфорт, нет резкости в глазах, одышка. Впрочем, так всегда после высоты, после перегрузки. А в этот выход перегрузка имела место. Надеюсь, за эти несколько дней отдыха состояние выровняется и даже пойдет на поправку.

Вчера на Хан-Тенгри разбился альпинист из Тольятти, но об этом говорят мало, а если говорят, то как об обыденном.

Сколько человек погибло на Победе, никто точно не знает — говорят, около пятидесяти. Немногих удалось спустить вниз с холодных склонов этой вершины, и они покоятся там. Многие затерялись бесследно.

Не вершина, а братская могила.

Возвращаясь вечером от Моногарова, видел падающую звезду.

День подготовки и выход на трассе

Вчера весь день шел снег. Вечером в 23.00 распогодилось, а утро — как на заказ. Вот бы про-

держалась такая погодка недельку или чуть больше. Но это уже из области фантастики.

Выходим после обеда. Особых приготовлений нет, так как все заброшено наверх.

С 4200 вышли в 8.00. Ледопад прохожу первым. Только у первой веревки надеваем кошки, аккуратно нагружая веревку, иду вверх по ледовой стенке. Крюк, на котором закреплена веревка, естественно, за столько дней уже вытаял. Но спасает то, что веревка в некоторых местах вмержла крепко в лед. Приходится по ходу вырубать ее ледорубом. Поднявшись до конца, расчищаю от снега ледовый склон и ввинчиваю новый крюк. Теперь для остальных страховка надежная. И так подряд три веревки.

Снега очень много. Приходится разгребать даже руками. Он сплывший и съезжает вниз небольшими лавинками.

...Я ужоу раньше, чтобы потом несильно отстать от остальных, помня, с каким трудом этот участок мне дался прошлый раз. Идущий впереди топчет отличные ступени, и даже, несмотря на то, что он идет первым, он уходит от меня. Значит, я иду медленнее, а прибавить боюсь. Пока самочувствие хорошее, иди как идется, — говорю сам себе, не гонись. Меня обгоняют.

Елагин предлагает подняться сегодня до 6500, но я возражаю: до пещеры бы добраться. Самочувствие на тройку, во всяком случае, лучше, чем в прошлый раз.

В пещере пьем, едим, принимаем таблетки. Ребята выходят на улицу, а я пытаюсь согреться в спальнике — озноб.

Меня зовут на солнышко, там, говорят, тепло. В пещере -5. Мои внутренние ботинки и носки на улице уже подсохли. Покидаю спальник, так и не согревшись, и выползаю на улицу. Там действительно благодать, курорт.

Вот так начинается восхождение на одну из самых суровых вершин Тянь-Шаня.

Вершина Победы кажется совсем рядом с нами, но это обманчивая близость.

Высота 6500. Сегодня забрались немного выше того места, где стоял лагерь в прошлый раз. Площадки, правда, все равно пришлось ровнять, но на это ушло и сил и времени меньше.

Здесь уже был чей-то лагерь раньше. Нашли лопату, которой вполне можно работать, копать снег.

В этом году давит почему-то неуверенность в себе. Переломный момент где-то впереди, и до него надо добраться, и чем быстрее, тем лучше. Говорят: нужно вработаться, вжиться... Я говорю — нужно. И это — каждый год!..

Бершов, копаясь в спальном мешке, находит этикетку: на ценнике указан, что мешок, в котором он имеет честь спать, стоит 346 рублей. Первый сорт, и изготовлен в июне с.г. Попро-буй, купи такой на одну зарплату. Не говоря о том, что пуховая куртка стоит не меньше 200 рэ. Вот и улыбаешься после этого гордовосхождения.

Подсчитаешь, подумаешь, понцнешь, где, в каком магазине купить весь «снаряж» (а одних только наименований у альпиниста не менее полсотни), и подашься, пожалуй, с тоски в винно-водочный. Там думать не надо. Один сорт, и не так уж дорого — по сравнению со спальным мешком.

Высота 6900. Ночевка под пьедесталом.

Подъем на Важу прошел сравнительно легко. С самого утра идет снег, но не очень сильный. Внизу слышно, как летает вертолет. Старых следов, естественно, не видно.

Идем в связке с Пастухом. Он топчет впереди, но такие высокие ступени, что идти по ним невозможно. Во время смены ведущего прошу его укоротить шаг.

На вершине очень холодно и сильный ветер. Забираем заброску и меняем записку в связном туре. Достаю из рюкзака веревку, и все связываемся.

Услышав какой-то крик, оборачиваюсь. Витя провалился в трещину. Он шел последним в нашей тройке. Из трещины торчат голова и клапан рюкзака с привязанным к нему кариматом. Бершов уже натянул веревку. Пару минут, и Пастух выползает наверх.

Спешим, но никак не можем дognать впереди идущих.

На небольшой полочке внимание всех привлекает obligatory веревками и прибитый к скале куль. В нем захоронен

Илико Габалиани, погибший в 1961 году, 28 августа.

Подходим ближе, чтобы отдать дань памяти нашему коллеге. У подножия пьедестала ветер выдул огромную воронку, и в ней, замотанный в палатку и покрытый камнями, Володя Художин. Погиб в 1970 году, 11 августа.

Застываем в минутном молчании, каждый думая о своем и надеясь на лучший исход. Бершов пытается заснять на кинокамеру эти скорбные минуты. Те, кто ходит в горы, должны знать и видеть: альпинизм — это не детская игра, это сложная, сопряженная с риском и опасностью работа. Альпинизм не любит слабых, должен избегать ошибок и дерзости. Горы коварны и порой с остервенением преграждают путь смельчакам.

Перевалили через Победу

Ночуем на плато перед пиком Советской Армении. Погода нам не сопутствует. Дует сильный ветер, мороз. Утром на термометре -18. Из-под пьедестала выхожу на крутой снежный склон и не спеша топчу ступени в твердом, промерзшем за ночь снегу, пока следом не вытягивается вся наша немногочисленная группа из одиннадцати человек.

Гребень, ведущий к вершине, такой узкий, что иногда приходится идти по нему, ступая правой ногой по Южной, китайской стороне, а левой — по Северной, советской.

...Витя подходит ко мне вплотную, слышу его дыхание. И мы делаем последнее усилие. Перед самой вершиной нас почти бегом обгоняет Клинецкий. Молодежь рвется вперед. Да ладно. Им — надо.

Вершина!
Плоская, почти горизонтальная лежачая пайта. На ней несколько камней. Вершинный тур, из которого торчит алюминиевая труба.

Меняем записку. Желающих писать на холоде нет, поэтому достаю блокнот и коротко сообщая, что три группы... Здесь же оставляем для группы, идущей следом, одну из наших двух радиостанций.

Пройдя еще метров сто по полю спускающемуся восточному гребню, наша кавалькада останавливается.

Передние наткнулись на замерзшего в сидячей позе альпиниста. Его видели здесь еще в 1984 году альпинисты из Алматы. Это один из четверки украинских альпинистов, пропавших без вести в том же 1984-м. От него тянется по снежному гребню веревка. Мы долго откапываем ее, надеясь на перевал ее конце найти еще кого-то из этой четверки.

Сделав фотографии и засняв на кинокамеру — для опознания, — мы кладем поудобнее тело погибшего. Тащить его вниз у нас не хватит сил.

Видимости совсем нет, идем наугад, хочется как можно быстрее сбросить высоту. Слева по ходу то появляется, то исчезает в набегающих облаках Советская Армения.

Завтра мы должны подняться на нее.

Впереди еще четыре ночевки на траверсе, если все будет складываться благополучно.

Утром думаю, что выйдем на Восточную Победу, но нет. Наши походы в обстановке ограниченной видимости опасны тем, что можем, сами того не ведая, выйти на крутые склоны и вызвать лавину. В одном месте Шейнов съехал, но мы с Виноградским удержали его на веревке.

У нас кончился сахар. Да и еды не так много осталось. Впервые варим сублиматы и вдоволь делаем питья. Закончился второй баллон газа, хорошо, что взяли три. Газ не оправдывает себя на высоте. Примус намного практичнее и привычнее. Палатка у нас тоже не из лучших. По утрам на ее стенках оседает толстый слой инея от нашего дыхания, и минут двадцать утром мы занимаемся тем, что собираем его, соскребывая чашечками, а иначе все вещи будут мокрыми, когда зажжется горелка.

Если утром внимательно прислушаться к каждому, то это сплошные кашлянья и сморкания. Это то, за что я не люблю высотный альпинизм... А талая вода, заправленная разными наполнителями?! Как они надоели, а еще когда там плавают пух и шерсть, от которых нигуда не денешься в ограниченном пространстве палатки...

Единственное, чем себя успокаиваю, это то, что организм

якобы очищается от всего, что накопилось в нем поганого там, внизу.

Вчера не писал. Замотались

Вкратце. Закончился траверс Победы, и мы спустились на перевал Чон-Тарен.

С ночевки, часа через три вышли на Восточную Победу. Там нас встретили Ефимов, Черный, Трошценко, Мороз, Катя Дорофеева и Лена Белецкая. Снега по пути было очень много, всю дорогу спуски и подъемы. На гребне, обходя огромный, нависший на севере карниз, провалился в трещину. Ощущение не из приятных. К счастью, неглубоко и был на страхове. Снег залепил очки, сыплется за шиворот пуховки, страховочный пояс сдавливает ребра.

Кричу Серге, чтобы выдал немного веревку, но она еще больше натягивается. Приходится выбирать по ней на ощупь. Догадался снять очки, и сразу стало спокойнее. Метрах в трех надо мной зияет отверстие, в которое я угодил. Трещина неглубокая, это линия отрыва карниза, — бергшпунд. Через несколько минут выплываю на свет божий, тяжело дыша. Серга — сверху.

— Ну, что там?
— Прыгай сюда, сам увидишь.

Вдалеке, на склонах Советской Армении, видна идущая за нами группа. Она спускается разрозненно. Думаю, что они попытаются нас догнать, и это, в свою очередь, не дает нам возможности расслабляться.

Выход на Восточную Победу — это и радость и огорчение сразу. Радость — что делали большое и трудное дело, и сделали успешно. Огорчение, что этому приходит конец. Второй раз вряд ли созреет такое решение, а это значит, что что-то потеряно в жизни большое, многие годы манящее вперед.

Михаил Туркевич

Не расставляя фигур

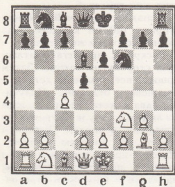
Под редакцией
Анатолия Карпова

Исполнилось сто лет со дня рождения двух выдающихся шахматистов: Ефима Боголюбова (род. 14 апреля 1889 г. умер в 1952 г.) и Рихарда Рети (род. 18 мая 1889 г., умер в 1929 г.).

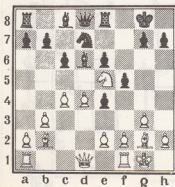
Рети — Боголюбов
(Нью-Йорк, 1924 г.)

Дебют Рети

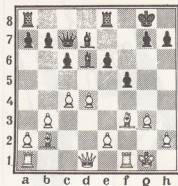
1. Кf3 d5 2. c4 e6 3. g3 Кf6 4. Сg2 Сd6.

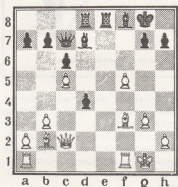
5. 0—0 0—0 6. b3 Ae8 7. Сb2 Кbd7 8. d4 c6 9. Кbd2 Ke4.
В.: К:e4 de 11. Ke5 f5.

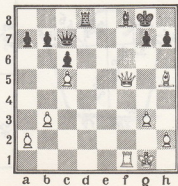
12. f3! ef 13. С:f3 Фс7 14. К:d7 С:d7.

15. e4! e5 16. c5! Сf8 17. Фс2 ed (если 17... fe, то 18. С:e4, и одна из пешек — e5 или h7 — гибнет). 18. ef! Лад8.

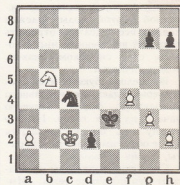
19. Ch5! Ae5 20. С:d4 Л:f5 21. Л:f5 С:f5 22. Ф:f5 Л:d4 23. Лf1 Лd8 (на 23 ... Фе7 последовало бы 24. Сf7+Крh8 25. Сd5! Фf6 26. Фс8).

24. Сf7+Крh8 25. Се8!! Черные сдались.

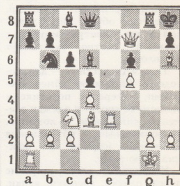
Два примера на отвлечение:

Барца — Симагин

1...Ka3+! Теперь после 2. К:a3 Кр2 предотвратить появление черного ферзя невозможно.

Форманек — Григурич

1. Ae8! Если 1...Ф:e8, то 2. Ф:f6+, а на 1...Л:e8 — 2. Фg7X.

Решения конкурсных заданий, четвертый тур:

№ 10. (А. Лебедев) 1. d4, теперь на любой ход слона — 2. Ke3 Сd3 3. d5 и мат следующим ходом.

№ 11. (А. Троицкий) 1. cd Лe5 2. Сf7! Крс6 3. Кf3.

№ 12. (З. Рибли — В. Унцикер) 1. Лb7, черные сдались, ибо несут невосполнимые материальные потери.

Жакет в стиле «Дискуссия»

Маленькое платье

там, низу жакета и низу рукавов.

Застежку можно сделать на пуговицах с навесными петлями или на кнопках. Фестоны обрабатываем, как показано на схеме.

Такой жакет можно носить как с джинсами, так и с различными юбками. Мне кажется, что особый колорит образу придаст «бабушкина» юбка. Это прямой кусок ткани, собранный на та-

лии на резинку. Длина — до щиколотки. Если ткань типа штапеля или шелка, можно сделать модный эффект жатости. Намочим юбку, отжав ее вдоль, и в таком виде подвесим сушиться.

Яркая косынка завершит ансамбль.

Виктория Андреева
Оформление автора

Итоги «Парада надежд-88» и «Парад надежд зима — весна-89»

Мы поручили подсчет голосов самому беспристрастному счетчику — машине, и вот что у нее получилось.

По-прежнему с большим отрывом от всех других исполнительниц — Алла Пугачева, несмотря на отдельные случаи неприятия исполняемых ею песен или всего, что присуще ее манере. Но пока ни одна певица не может похвастаться таким уровнем «нервнодушия» к своему творчеству. Следом за ней наибольшее количество голосов «собрала» Жанна Агузарова и несколько неожиданно — Настя Полева, упоминаемая более как «самая яркая надежда». А вот прежние любимцы, такие, как Лайме Вайкуле, Екатерина Семенова и Валентина Легкоступова, упоминаются считанное число раз.

Среди певцов впереди Борис Гребенщиков, за ним следуют Вячеслав Бутусов (почти вплотную), Виктор Цой, Александр Серов. Множество симпатий отдано Константину Кинчеву, Владимиру Преснякову-младшему, Юрию Лозе. А вот Владимир Кузьмин, Андрей Макаревич и Валерий Лентьев — победители прошлого года — резко потеряли в числе поклонников.

Почти безоговорочным лидером среди групп стала «Наутилус Помпилиус», причем остается и «самой яркой надеждой». Хотя в анкетах, пришедших в последний момент, эта группа успела попасть и в «горькие разочарования».

Резко противоположное отношение сейчас к «Машине времени». По большинству мнений, ее отнесли в число «самых больших разочарований» — видимо, нынешние ее творческие поиски пока не нашли отклика у широкой публики, но, возможно, в сегодняшней музыке «для себя» «Машина времени» не нащупала общезначимых ценностей. Остается надеяться, что группа, столь ярко блиставшая на музыкальном небосклоне восемнадцать лет, еще найдет пути к сердцам своих неравнодушных слушателей, удивит и порадует.

Продолжение на стр. 80

Спрингстин: не король, но «Босс»

На рок-олимпиаде скоро перестанут уступать сидячие места сорокалетним. В сентябре эту жизненную отметку пересечет и Брюс Спрингстин, известный в мире музыки под весьма неприязнительной кличкой «Босс». Пересечет уже, однако, не в выдавшем виде «шевроле», за рулем которого целое десятилетие мчались в никуда лирические герои его рок-н-роллов. Спрингстин, живое воплощение американской мечты, чью биографию полезно рассказывать детям, не выдающим особого прока в манной каше (кушай, будешь как Босс), все больше тяготеет в своих песнях к философии простого человеческого существования, его обыденным радостям. Даже в конце своих концертов-марафонов Брюс вежливо напоминает не в меру возбужденной публике о предстоящей на следующий

день работе, ненавязчиво давая понять, что музыка — далеко еще не вся жизнь. Неудивительно, что Спрингстин давно перестал быть просто рок-идолом, став для Америки фигурой социальной. Его расположение ищут политическая элита и финансовые круги. Рональд Рей-

ган попытался было использовать имя Брюса в избирательных баталиях 1984 года, но натолкнулся на неожиданный отпор. Спрингстин посвятил президенту-кандидату одну из самых жестких своих песен — «Джонни-99». «Рейган поддерживает иллюзии, а народ заслуживает нечто большего», — слова не певца, но мужа.

Да, Спрингстин способен на поступок. Известный и постоянный спонсор многих благотворительных фондов, «босс» эстрады в достаточно резкой форме отверг предложение «боссов» концерна «Крайслер» продать за двенадцать миллионов долларов исключительное право на использование в рекламных целях лозунга «Рожден в США», ставшего легендарным после выхода одноименного диска. Конечно, после такого отказа гордый Спрингстин не сел на хлеб и воду. Общий доход, полученный от его последнего прошлогоднего мирового турне —

сто миллионов долларов (сравним с валовым национальным доходом некоторых стран «четвертого мира»). Но ведь Майка Джексона — тоже отнюдь не голодающий — согласился за солидную сумму рекламировать продукцию концерна «Пепсико». И не только он один. Так что, пожалуй, позиция Спрингстина — не правило, а исключение.

Однако таким — гордым и блистательным — Брюс Спрингстин стал не сразу. Сперва было все так обычно, как у десятков тысяч обыкновенных людей. Двадцать третьего сентября 1949 года в маленьком городке Фрихоуд (штат Нью-Джерси) в семье секретарши и шофера на свет появился мальчик, Брюс Фредерик. И ничто (даже итальянские гены!), казалось, не предвещало, что Брюс споет хотя бы в церковном хоре и что гитара будет ему ближе отцовского бильярдного кия.

Не голос крови разбудил певца в Спрингстине, а голос куира его юности Элвиса Пресли. Однако сотни молодых людей, стремившихся подражать Пресли, канули в Лету, а Спрингстин, не пытающийся царить над толпой и одевающийся на сцене так же скромно и практично, как и в обыденной жизни, сумел стать хотя бы в плане «имиджа» своеобразным антиподом «короля рок-н-ролла», — и получил известность «босса» рок-музыки.

Впрочем, в творческой судьбе Брюса был момент, когда он чуть было не попал в тень другого «светила». Первые его две пластинки были расценены всего лишь как недурные подделки в духе Боба Дилана. Но восходящая звезда не погасла. Брюса выручили его природные качества: трудолюбие, целеустремленность и не в последнюю очередь умение дорожить верными друзьями. «Опасность славы — плохая память», — любит повторять Спрингстин.

Самому Боссу свою память особенно и напрягать не требуется: рядом постоянно присутствуют приятели, готовые напомнить ему перипетии «большого пути». По крайней мере, трое из нынешнего состава «Е СТРИТ БЭНД» — саксофонист Клааренс Клемонс, бас-гитарист Гари Тэллент и клавишник Дэрни Фредеричи — играли с

Брюсом еще в 1971 году, когда Спрингстина заметил охотник за талантами Джон Хэммонд, открывший в свое время Библи Холлидей и Боба Дилана.

Это сейчас на ставшую легендарной «Е СТРИТ...» в курортном местечке Эсбари Парк, что на Восточном побережье США, накаляются волны фанатов, алчущих найти тот небольшой зал, где впервые собрались ребята Спрингстина. А тогда, семнадцать лет назад, компания СИ-БИ-ЭС шла на запрограммированный риск, заключая с Брюсом контракт на выпуск десяти альбомов. Кстати, условия этого договора не выполнены до сих пор, и выпуск юбилейного, десятого альбома Спрингстин мог бы, например, приурочить к собственному пятидесятилетию. Сделай себе, так сказать, трудовой подарок.

Известность уже упоминавшихся первых двух альбомов Спрингстина обидно контрастировала с их вычурно длинными названиями: «Greeting from Asbury Park, NJ», «The Wild, the Innocent and the E Street Shuffle». И лишь третий диск «Born to Run», ставший результатом сотрудничества с новым менеджером группы Ландау, позволил наконец Брюсу стать широко известным и за пределами Нью-Джерси. Он действительно, пусть и ненадолго, взбежал тогда на вершины национальных хит-парадов. Если бы какой-нибудь юрист-меломан попытался бы выразить содержание песен этого диска сухим языком протокола, то он, наверное, написал бы о том, что Спрингстин поет о бегстве от жизни и о постоянном конфликте с самим собой.

Эта тема действительно занимала Спрингстина, пока он наконец не решил, что гораздо рентабельнее «родиться в США», чем «родиться для того, чтобы бежать». Во всяком случае, вышедший в 1984 году самый популярный по сей день альбом Спрингстина «Born in the USA» как бы философски закруглил сказания об изгоях-марафонцах, поскольку хоть, дескать, Америка далеко не рай, но в США все-таки лучше, чем где-либо. Так что бежать, по сути, некуда.

От этого вывода Босс логично перешел к воспеванию оседлого образа жизни. Герой его

последнего альбома «Tunnel of Love» засучив было под семейным кровом и, проснувшись как-то раз среди ночи, поспешил покинуть спящую жену и отправиться в странствия, но у крошки шоссе внезапно понял, что в жизни не должно быть места иллюзиям — и поспешил вернуться под одеяло («Cautious Man»).

Поэтому диск «Туннель любви» не стал сенсацией. Молодежь не приняла его несколько конформистский дух. Однако эта работа не только не повредила сценическому образу Брюса, но наоборот, укрепила его репутацию певца, не заигрывающего с публикой, а имеющего собственный взгляд на вещи.

Недоброжелатели Босса, обладающие непохим музыкальным слухом, утверждают, что тот не открыл в роке Америк, сделав коктейль из стилей Дилана, Чака Берри, Пресли и т. д. Однако Спрингстин — явление сам по себе. Он принадлежит к плеяде исполнителей, которых необходимо не только слушать, но и видеть. Объяснение феномена «одинокоего ковбоя» можно найти только на его концертах...

В свои сорок, как и прежде, Брюс выходит на сцену как на ринг в день суперфинала: лицом к лицу с публикой, не прячась за лазерные дымки и иные технические ухищрения. Его традиционная «установка на игру» не меняется в течение многих лет: «Если после концерта мы сможем держаться на ногах, значит, ребята, мы скалтурили!» Спрингстин сам подает пример музыкантам из «Е СТРИТ БЭНД»: после напряженной работы для восстановления он вынужден пользоваться кислородной маской. Но «глоток кислорода» Брюс может позволить себе только после первых полутора часов «игры» со зрителем, в антракте. Спрингстин начинает с песен, принесших ему мировую славу: «War», «The River», «Born in the USA», «Cover Me».

В небольших паузах он кокетничает с вокалисткой группы Патти Шаффа, перерасывается репликами с саксофонистом Клааренсом Клемонсом. Темнокожий гигант Клемонс, которого Брюс с наигранным почтением провозглашает то «великим человеком», то «метром вселенной», время от времени

солирует, отводящая для Босса минуты отдыха. Постепенно в общий танец на сцене включаются и музыканты специально приглашенной Спрингстином группы духовых инструментов. На самой высокой ноте Брюс наконец объявляет тридцатиминутный «тайм-аут», обещая вернуться и играть до утра.

Во втором отделении Спрингстин — рок-импровизатор. Звучат его фантазии на темы классических рок-н-роллов. Кульминация вечера — «Dancing in the Dark». И когда Спрингстин спускается в зрительный зал, приглашая одну из своих поклонниц на танец, собравшиеся отвечают восторженным ревом...

Но вот звучит «Light of Day», Брюс представляет коллегу. Настает время запланированного и заранее оплаченного бисирования. На сцене остается один Спрингстин с акустической гитарой на перевязи. Он прощается с публикой ностальгически щемящей песней своего триумфа — «Born to Run».

Все действие длится более четырех часов. Поэтому, если когда-нибудь Брюс Спрингстин решит приехать в Советский Союз, не исключено, что наши концертные организации объявят его выступление двухсерийным и начнут, как в кинозале, продавать по два билета на одно лицо — по десять рублей каждый. Так что надейтесь и копите деньги!

P.S. Альбомы Спрингстина, не вошедшие в статью:

1978-й — «Darkness on the Edge of Town»,

1980-й — «The River»,

1982-й — «Nebraska»,

1985-й — «Live».

Михаил Щипанов

Окончание. Начало на стр. 77

И в творчестве, и в зрительских симпатиях есть свои приливы и отливы, пики и спады. За группой «Наутилус Помпилиус» почти впритык по числу голосов идет «Аквариум». А затем, но уже со значительным отрывом — «Ария», «Кино», «Мираж», «ДДТ», «Электроклуб», «Бригада С» и «Центр». Группы «ДДТ» и «Мираж» многими названы как лучшие, но примерно столько же количеством голосов признаны и как худшие, что может означать не только спорность их творчества, но и определенную позицию, которая резко неприемлема для той или иной группы слушателей.

Среди худших групп чаще всего называют «Форум», «Матросскую тишину», «Крематорий», «Секрет», «Авиа».

В лучшие композиторы и авторы текстов одновременно попали Виктор Цой, Борис Гребенщиков, Вячеслав Бутусов и Василий Шумов. Довольно часто называют композитором года Игоря Корнелюка и Владимира Кузьмина.

Лучшие авторы текстов — Василий Шумов, Илья Кормильцев, Юрий Шевчук, Константин Кинчев, Маргарита Пушкина и Владимир Пресняков.

«Самой яркой надеждой», помимо «Наутилуса Помпилиуса», читатели считают группы «Ария», «Примадонна», «Мираж», а среди исполнителей — Настю Полеву, Виктора Салтыкова и Кристину Орбакайте.

Лучшими пластинками признаны по порядку набранных голосов — «Невидимка» («Наутилус Помпилиус»), «Группа крови» («Кино»), «Что сказано, то сказано» (Ю. Лоза), «Равноденствие» («Аквариум»).

В мечтах многим видятся пластинки с записями Пола Маккартни, «Ария» Элвиса Пресли, «Битлз» — «На помощь!» и «Вкус меда». Не так просто и с пластинками наших групп — «Оркестр клуба одиноких мужчин» («Наутилус Помпилиус»), «Кино-82,83», «Демон» («Август») и «Группа крови» («Кино»).

Худшая пластинка: «Зоопарк» (А. Серов), «Земляне», «Реки и мосты» («Машина вре-

мени»), «Август» (В. Пресняков), «Реактивный самолет» (Ю. Антонов).

Лучшая песня: «Группа крови» («Кино»), «Я хочу быть с тобой», «Казанова», «Мертвая зона», «Гуд-бай, Америка!» («Наутилус Помпилиус»), «Полковник Васин» («Аквариум»).

Лучшее концертное исполнение: «Авиа», Владимир Пресняков, «Ария», «Кино», «Бригада С», «Альянс» и «Наутилус Помпилиус».

Худшее концертное исполнение: «Мираж», «НИИ косметики», «Статус Кво», Сергей Минаев, Валерий Леонтьев, «Лотос», Екатерина Семенова, «Маскарад», «Ласковый май», «Земляне», Евгений Мартынов — «Белая сирень».

Незаслуженно не обрели признания группы «Ноль», «Ласковый май», «Класс», «Сталкер», «Ама-Ата».

Лучший зарубежный исполнитель: рок-ансамбль «Скорпионз», Майкл Джексон, Библи Джалл, «Деф Лепард», Оззи Осборн, «Пинк Флойд», «Хеллоен», «Рейнбоу», Бонни Тайлер.

Лучший исполнитель других жанров: Сергей Курехин, Лариса Долина, «Виртуозы Москвы», Жанна Бичевская.

Лучший музыкальный альбом: «Разлука» («Наутилус Помпилиус»), «Мираж» (3-й концерт), «Ласковый май», «Группа крови» («Кино-88»), «Электроклуб».

Таковы итоги «Парада надежд-88». Теперь мы просим вас определить лучших за первое полугодие — зима — весна 1989 года — в следующих категориях:

1. Певец и певица.
2. Лучшая группа.
3. Худшая группа.
4. Композитор.
5. Лучший автор текста.
6. Самая яркая надежда.
7. Самое горькое разочарование.
8. Лучшая пластинка.
9. Худшая пластинка.
10. Лучшая песня.
11. Худшая песня.
12. Лучшее концертное исполнение.
13. Самое безвкусное концертное исполнение.
14. Лучший зарубежный исполнитель.
15. Музыкальное событие.

С.М

представляет: Тина Тёрнер и Мик Джаггер

Фото из журнала «Швайцер иллюстрирте»

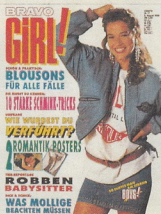
«Винер» («Венец»). Выходит третий год. Вслед за успешным стартом на рынке прессы «Винер» стали называть «публицистическими мускулами» нового читательского поколения. Поколения, которое хочет развлекаться и в то же время «не отключать мозги», быть информированным, но обходиться без нравочений.

«Шансен» («Шансы»). Активно занимается проблемами окружающей среды. Что может сделать здесь общество и отдельная личность?.. «Шансен» насколько критичен, настолько и оптимистичен. Смысл его политики состоит в убеждении, что развитие техники и состояние окружающей среды не должны приводить в противоречие, и в этом как раз и есть для всех нас ШАНС.

«Браво». Крупнейший немецкий молодежный журнал. Редакционная концепция гласит: всегда и во всем следовать в русле изменений условий жизни молодого поколения. Но основные «точки опоры» редакции: поп-музыка, шоу-бизнес, кино, телевидение, спорт и — что особенно важно — специальный раздел советов молодым.

«Браво Гера». Новый журнал для юных дам в возрасте 16—21. В январе 1988 года журнал вышел тиражом 700 тысяч экземпляров. «Браво Гера» как бы связующее звено между «чистых» молодежными изданиями и достаточно «молодыми» женскими журналами. Основные темы: мода, косметика, прически, лаф-стайл (жилье, питье, кухня), развлечения.

«Моторрад, Райзен, Шпорт» («Мотоцикл, путешествия, спорт»). Направлен на всех мото-фанов. Ключевые темы: тесты (к слову сказать, у немцев понятие «тест» имеет более широкое значение: скорее всего, тут имеется в виду тест-вагены, тест-мотоцикам, то есть путешествия на новых, тестируемых машинах), техника и путешествия.

«Нюве ревю». Читатель «НР» — «нормальный бюргер». Как правило, это молодые люди и дамы с доходом выше среднего уровня. Круг интересов читателей «НР» — дом, семья, дети. «НР» рассматривает своих читателей как равноправных партнеров, которые вовсе не хотят, чтобы кто-то что-то изменял в их мировоззрении, их воспитывал — поскольку они уже вполне взрослые люди.

КОЛЛЕГИ ВЫХОДЯТ НА СВЯЗЬ

В январе состоялась встреча представителей молодежной прессы с коллегами из «Генрих Бауэр-ферлаг» (ФРГ). Издательство объединяет более 40 журналов (от чисто кулинарного до «Плэйбой»), которые имеют общий тираж 20 миллионов экземпляров. Подавляющее большинство адресовано молодежи. Может быть, стоит «Ст. М.» попытаться развить эти возникшие контакты с западногерманскими коллегами? На свой вкус мы представляем 6 из 40. Что думают читатели? С каким из журналов искать более тесное сотрудничество?..